

41449/82 ✓
Б 91

И. Бурынов

Нет стр 253-258.

ЮАННЪ РЫДАЛЕЦЪ

РАЗСКАЗЫ и СТИХИ

1912—1913 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 11449 г.

VV

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

КНИГИ ИВ. БУНИНА.

ПЕРЕВАЛЪ. Разказы 1892—02 г. Изд. пятое.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1889—02 г. Изд. второе.

ПЪСНЬ О ГАЙАВАТЪ Лонгфелло.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1903—06 г. Изд. второе.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1907 г.

РАЗСКАЗЫ 1903—07 г.

РАЗСКАЗЫ и стихотворенія 1907—10 г. Изд. второе.

ДЕРЕВНЯ. Повѣсть.

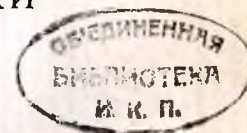
СУХОДОЛЪ. Повѣсти и разказы 1911—12 г.

Ив. Бунинъ

ІОАННЪ РЫДАЛЕЦЪ

РАЗСКАЗЫ и СТИХИ

1912—1913 г.

Не прошла еще древняя Русь...

Ив. Аксаковъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

ИВ. БУНИНЪ

РАЗСКАЗЫ и СТИХИ

1912—1913 г.

ЮАННЪ РЫДАЛЕЦЪ.

Есть новая станція Грѣшное, есть старое степное село того же имени.

На станці останавливается въ лѣтніе дни юго-восточный экспрессъ. На станці голо и скучно. Казенный кирпичный вокзалъ, построенный слишкомъ низко по длинѣ, еще слишкомъ красенъ. Платформу замѣняетъ песокъ. Переходить по песку къ вокзалу трудно, да и зачѣмъ? Вокзалъ пусть и гулокъ, нѣтъ въ немъ ни буфета, ни книжного кіоска. А поѣздъ великолѣпный. Изъ открытыхъ оконъ тяжелыхъ запыленныхъ вагоновъ глядятъ богатые люди, ѣдущіе на Кавказъ: знаменитый чудовищно-толстый артистъ въ шелковой сѣрой шапочкѣ, черная красивая дама съ лорнетомъ, персіянинъ изъ Баку, не сводящій съ нея нагло-сонныхъ глазъ, худой англичанинъ съ трубкой въ зубахъ, молча и внимательно осматривающій эти необозримыя равнины, которымъ не уступаютъ только преріи... По доскамъ, вдоль поѣзда, медленно прогуливается широкій старичекъ-генераль съ маленькими ножками, держитъ большой палецъ за бортомъ просторнаго мундира и дѣлаетъ разсѣянный видъ, втайнѣ наслаждаясь и тѣмъ, что у дверей вокзала вытянулся передъ нимъ жандармъ, и тѣмъ, что вотъ ѣдетъ онъ, генераль, въ дорогомъ поѣздѣ на воды и гуляетъ съ открытой головой,

скромный, спокойный за свое достоинство и во всѣхъ отношеніяхъ порядочный. Возлѣ пахнущаго кухоннымъ чадомъ вагона-ресторана, за зеркальными стеклами котораго пестрѣютъ цвѣты на бѣлоснѣжныхъ столикахъ, стоятъ бритые лакеи во фракахъ съ золотыми пуговицами, потный поварь, поваренокъ,—все какъ будто тѣ же самыя, что видѣлъ англичанинъ и въ Египтѣ, и на французской Ривьерѣ. А громадный американскій паровозъ, весь горячій и блестящій масломъ, сталью, мѣдью, топится, дрожитъ отъ kloкочущей въ немъ силы, нетерпѣливо сдерживая ее. Ходить по выступамъ вокругъ его лежачаго туловища молодой кочегаръ съ масленкой въ рукѣ. Шумитъ рукавъ водокачки, наполняя глубокой тендеръ... И вотъ, вода уже переливается черезъ края, все, что нужно, сдѣлано, торопливо бьютъ въ колоколъ у дверей вокзала, генераль, звеня серебряными шпорами, спѣшитъ въ свой вагонъ...

На станціи Грѣшное, когда скрывается въ степи поѣздъ, становится мертво и безлюдно. Мужикъ, неизвѣстно зачѣмъ приходившій на станцію, долго стоялъ на пескѣ и думалъ: «Вотъ уйдетъ поѣздъ, пойду и я помаленьку...» Глядѣлъ на мужика англичанинъ, дивясь его шапкѣ, полушубку и бородѣ, слинявшей на солнцѣ. Глядѣлъ и мужикъ на англичанина, но разсѣянно: селу нѣтъ никакого дѣла до поѣзда. Когда поѣздъ скрывается, мужикъ, безо всякаго желанія, съ притворнымъ наслажденіемъ крякая, выпиваетъ двѣ кружки теплой воды изъ станціонной бочки, вытираетъ бороду и бредетъ домой. Бредетъ онъ неспѣша: время неопредѣленное, ни дневное, ни вечернее—въ такую пору дѣлать нечего, думать не хочется, да неопредѣленна и погода: зашло солнце за облачко—не жарко и въ полушубкѣ, хотя, конечно, можно было и не надѣвать его. Дорога отъ станціи къ селу пролетаетъ по выгону, мимо большой княжеской усадьбы и каменной церкви,

что напротивъ нея, возлѣ погоста. Поровнявшись съ церковью, мужикъ, по привычкѣ, снимаетъ шапку и крестится, низко кланаясь: въ селѣ Грѣшномъ, за оградой церкви, возлѣ алтаря, рядомъ съ могилой князя, вельможи, ссорившагося съ самимъ царемъ, почиваетъ блаженный, Христа ради юродивый Іоаннъ Рыдалецъ.

Княжеская усадьба въ селѣ Грѣшномъ, конечно, старая и давно всѣми забытая: необитаема ея каменный двухъ-этажный домъ, черенъ и дикъ садъ. Погостъ на выгонѣ—голый, бугристый, съ двумя, тремя изсохшими раkitами. Церковь грубо испорченнаго византійскаго склада—приземиста и по камню крашена темно-коричневой краской. А въ оградѣ ея, за алтаремъ, не мало разсѣяно широкихъ чугуновыхъ плитъ. А какъ разъ возлѣ оконъ алтаря высятся два огромныхъ кирпичныхъ гроба, тоже прикрытыхъ плитами. И съ великимъ удивленіемъ прочтеть всякій, не знающій преданій села Грѣшнаго, отлитыя на этихъ плитахъ имена подъ ними покоящихся: на одной—имя князя и вельможи, а на другой—раба его, землянскаго крестьянина Ивана Емельянова Рябинина. Такъ и сказано: крестьянинъ такой-то, родившійся и умершій тогда-то, а ниже: Іоаннъ Рыдалецъ, Христа Нашего ради юродивый. Князь и вельможа, богохульникъ, только передъ самой кончиной примирился съ Богомъ и людьми. И, по княжескому желанію, ничто, кромѣ имени и начала покаяннаго псалма Давида, не украсило княжеской могильной плиты. Плита же юродиваго, не выразившаго никакихъ предсмертныхъ желаній, украшена стихами и однимъ изъ любимѣйшихъ плачей его. «Юродъ, неряшепъ міру онъ казался»—говоритъ строфа, посвященная его памяти неизвѣстнымъ поэтомъ. А подъ нею отлиты тѣ горькія и страшныя слова пророка Михея, съ которыми и умеръ юродивый: «Буду рыдать и плакать, буду ходить,

какъ ограбленный, буду выть, какъ шакалы, и вопить, какъ страусы!»

Тѣ, что ѣдутъ въ экспрессѣ на воды, знаютъ не мало о князѣ—изъ книгъ. А въ селѣ Грѣшномъ образъ его смутенъ; село знаетъ только то, что лѣтъ сто тому назадъ пріѣхалъ онъ доживать свой вѣкъ въ грѣшинской глуши, что малъ ростомъ и чуденъ былъ онъ, что странными поступками ознаменовалъ онъ свой пріѣздъ. Доложили ему рано утромъ въ день новаго года, что пришелъ священникъ съ причтомъ. «Позвать его въ залу»—сказалъ князь—и долго заставилъ ждать себя. А внезапно выйдя изъ маленькой боковой двери въ эту высокую холодную залу, еще не бритый, безъ парика, въ сапожкахъ и халатикѣ на заячьемъ мѣху, отрывисто спросилъ священника: «За чѣмъ, сударь, пожаловалъ?» Священникъ оробѣлъ, смущенно отвѣтилъ, что желалъ бы совершить служеніе. И князь, ѣдко засмѣявшись, будто бы сказалъ ему: «Такъ служи мнѣ, сударь, въ такомъ разѣ панихиду». «Но осмѣлюсь спросить, ваше сіятельство,—по комъ же?» «А по старому году, сударь, по старому году!»—сказалъ князь—и самъ подтягивалъ причту, не дерзнувшему послушаться... Въ этотъ-то день и отдано было первое приказаніе—дать полсотни розогъ Ивану, съ плачемъ и лаемъ выскочившему изъ ельника на князя, на разметенную аллею, по которой гулялъ князь.

Тѣ, что ѣздятъ мимо станціи Грѣшное, ѣдутъ, если они богомольны, на поклонъ угоднику воронежскому, а про грѣшинскаго, мужицкаго, даже и не слышали никогда. Въ селѣ же Грѣшномъ вотъ что рассказываютъ. Рось, говорятъ, Ваня въ семьѣ честной и праведной, у родителей своихъ, выселенныхъ княземъ подъ Землянскъ-городъ. Съ раннихъ лѣтъ полюбилъ онъ писаніе. Хорошія книжки носилъ онъ и съ богомолья, отъ Царицы Небесной—къ Ней на поклонъ онъ съ бабами часто ходилъ. Мать настаиваетъ,

отецъ кланяется: женись, сынокъ! А онъ плачетъ, рыдаетъ, проситъ себѣ отъ Бога видѣнія, на Аеонъ сбегается. Вышло ему въ видѣніи испытаніе: послушаться отца. Всталъ онъ наранѣ, далъ отцу полное согласіе. Сыграли свадьбу, положили молодыхъ въ отхожую спальню, а они другъ дружки не коснулись, вышли оба заплаканные. Съѣлъ Ваня опять за свое, за всякое священное письмо, а день хорошій, морозный, за ночь снѣгъ выпалъ, виденъ слѣдокъ вездѣ: всѣ къ обѣднѣ пошли, пошла и молодая съ новыми родными, только Ваня одинъ дома, не пожелалъ и въ церковь пойти. И видитъ въ окно: подъѣзжаетъ къ окну поповъ работникъ въ новыхъ розвальняхъ, на ворономъ коню: лошадь отличная, поповская, хлѣбная. Подходитъ работникъ, стучитъ кнутовищемъ: «Ваня, велѣлъ тебѣ отецъ въ церковь ѣхать, взять съ собою лапти новые и денегъ двадцать копѣекъ». Ваня говоритъ: «Да я и не знаю, гдѣ деньги у отца». «А за образами», говоритъ поповъ работникъ, «въ гаманѣ лежатъ». (По нашей мѣстности всегда такъ—какую записочку волостную, поминаніе—все туда кладутъ, а допрежь и деньги класть не боялись.) Нечего дѣлать, досталъ Ваня деньги, надѣлъ армячекъ, вышелъ, сѣлъ въ сани на колѣнки, поѣхалъ по селу, увидалъ на горѣ храмъ Божій, сказалъ: «Господи Иисусе...» И только сказалъ—глядь, сидитъ онъ въ степи, въ полѣ, на снѣгу, на морозѣ, разуть, раздѣтъ, новые лапти на ногахъ, старые осетки на веревкѣ черезъ плечо, а самъ плачетъ-рыдаетъ. Узнали въ селѣ объ томъ, наладили подводу за Ваней, хотятъ на сборню везть, думали бродяга какой, а онъ плачетъ, рыдаетъ, на всѣхъ, какъ пѣшной кобель, кидается, самъ кричитъ на все поле: «Буду, буду ходить, какъ ограбленный, буду вопить, какъ страусы!» Ну, конечно, навалились всѣмъ міромъ-соброромъ, избили до безчувствія, связали, повезли, а навстрѣчу отецъ идетъ: пришелъ, говоритъ, отъ обѣдни, вижу, сына

нѣту, а видать чей-то пѣшій слѣдъ пробить за гумна, за овины; пошелъ я, говорить, по этому слѣду и вижу: лапти новые, а слѣдъ отъ одной ноги до другой—болѣ трехъ сажень...

Село Грѣшное этимъ и кончаетъ житіе святого. А смутно помнятъ его лишь старухи, доживающія свой долгій вѣкъ въ княжеской мертвой усадьбѣ. Всю свою жизнь, говорятъ онѣ, Иванъ скитался и непристоекъ былъ. Онъ долго сидѣлъ на желѣзной цѣпи въ отцовской избѣ, грызъ себѣ руки, грызъ цѣпь, грызъ всякаго, кто къ нему приближался; часто кричалъ свое любимое: «Дай мнѣ удовольствіе!»—и былъ нещадно битъ и за ярость свою, и за непонятную просьбу. А сорвавшись однажды, пропалъ—и объявился страннымъ, пошелъ по селамъ, всюду съ лаемъ и оскаленными зубами кидаясь на господъ, на начальниковъ и въ слезахъ вопя: «Дай мнѣ удовольствіе!» Былъ онъ худой, жилистый, ходилъ въ одной длинной рубахѣ изъ веретя, подпоясывался обрывкомъ, за пазухой носилъ мышей, въ рукѣ—желѣзный ломъ и ни лѣтомъ, ни зимою не надѣвалъ ни обуви, ни шапки. Кровавоглазый, съ пѣной на губахъ, со всклокоченными волосами, онъ гонялся за людьми—и люди, крестясь, бѣжали отъ него. Былъ онъ уже славенъ, былъ пораженъ какою-то болѣзною, все лицо его покрывшей бѣлой известковой коркой и сдѣлавшей еще ужаснѣе его кровавые глаза, былъ особенно яростенъ, когда пришелъ въ Грѣшное, прослышавъ о прїѣздѣ князя. Приказавъ отнять у него ломъ и при себѣ выпоротъ,—конюхи плакали, растягивая Рыдальца, съ воплями кусавшаго ихъ,—князь сказалъ: «Вотъ тебѣ, Иванъ, и удовольствіе. Я бы могъ тебя въ кандалы заковать и въ тюрьмѣ сгноить, да я, сударь, не злобенъ: гуляй себѣ, проповѣдуй, ори, но меня не ондируй. Если же ты не уймешься, то я неуклончиво буду доставлять тебѣ въ такомъ разѣ то самое удовольствіе, о коемъ ты кричишь, упо-

добляя себя страусу». И такъ какъ Иванъ не унялся, почитай каждую недѣлю преежестоко пугалъ князя, выскакивая изъ-за угловъ и запуская въ него мышами, то и таскали чуть не каждую недѣлю люто оравшаго Рыдальца на конюшню...

Въ старомъ селѣ Грѣшномъ скоро забываютъ прошлое, были скоро претворяютъ въ легенду. Ивана-Рыдальца запомнили надолго, можетъ быть, только потому, что на самого князя возставалъ онъ, а князь всѣхъ поразилъ своимъ предсмертнымъ словомъ. Онъ, когда ему, больному и иссохшему, доложили о кончинѣ Ивана, умершаго въ полѣ, въ дождливую осень, твердо сказалъ: «Схороните же сего безумца возлѣ церкви, а меня, вельможу-князя, положите рядомъ съ нимъ, съ моимъ холопомъ». И сталъ Иванъ Рябининъ Іоанномъ Рыдальцемъ, и видится онъ селу Грѣшному, точно въ церкви написанный—кровавоглазый и скорбный, полунагой и дикій, какъ пророки, всю жизнь вопившій о какой-то радости и умершій въ грязномъ полѣ. Но святымъ и пророкомъ онъ все-таки не сталъ: не вѣрится село въ мужицкихъ святыхъ, крестится и кланяется, а не вѣрится—всѣ святые, думаетъ оно, всѣ настоящіе угодники не мужиками, а монахами, священниками, архимандритами были. И дивится наслѣдникамъ князя.

На станціи Грѣшное каждый годъ въ началѣ осени сходить съ экспресса и направляется по выгону къ церкви, сопровождаемая начальникомъ станціи, некрасивая, худая дама въ траурѣ съ красивымъ тонконогимъ корнетомъ подъ руку. У церковной ограды съ поклонами встрѣчаетъ ихъ полный священникъ въ черной ризѣ и дьячекъ съ кадиломъ. Надъ полями уже тянутся низкія, темныя тучи, дуется сырой, холодный вѣтеръ. Но священникъ и дьячекъ стоятъ съ обнаженными головами. А входя въ церковную ограду, обнажаютъ головы и корнетъ, и начальникъ стан-

ціи, слѣдующій позади всѣхъ и спокойнымъ видомъ своимъ дающей понять, что идетъ онъ только ради вѣжливости. Сзади всѣхъ, спокойно и вѣжливо, стоитъ онъ и тогда, когда начинается развѣваться по вѣтру пахучій кадильный дымъ надъ страшными кирпичными могилами, и обходить ихъ, кадя и поклоняясь, возглашая вѣчную память князю и рабу его, священникъ въ черной ризѣ. Корнетъ молится разсѣянно. Онъ, юный, красиво параженый, выставляетъ впередъ острое колѣно, крестится мелкими крестиками и склоняетъ маленькую головку съ той недоведенной до конца почтительностью, съ которой кланяются святымъ и прикладываются къ нимъ люди мало думающіе о святыхъ, но все-таки боящіеся испортить свою счастливую жизнь ихъ немилостью. Но дама плачетъ. Она заранѣе поднимаетъ вуаль, опускаясь на колѣни передъ могилой Ивана Рябина, Іоанна Рыдальца,—она знаетъ, что сейчасъ навернутся на глаза ея слезы. «Юродъ, неряшешъ міру онъ казался»—читаетъ она на гробовой плитѣ. И слова эти трогаютъ, умиляютъ ее. А страшныя слова пророка Михея, упоминаніе шакала и страуса внушаютъ ей тоску и печаль. И она плачетъ долго и горько, стоя на колѣняхъ, опершись одной рукой, въ перчаткѣ, на тонкій зонтикъ, а другой—голубой, прозрачной, въ кольцахъ—прижимая къ глазамъ и отрывая отъ нихъ, съ мольбой, грустью и слезами устремленныхъ на могилу, маленькій батистовый платокъ.

ИЛЬЯ ПРОРОКЪ.

Семень Новиковъ, жившій съ братомъ своимъ, сухорукимъ Никономъ, въ селѣ Овсяный Бродъ, петровками горѣлъ. Братья согласились подѣлиться, и Семень, высекаясь изъ Брода, рубилъ себѣ избу на Елецкой дорогѣ.

Подъ Ильинъ день плотники отпросились ко двору. Надо было ночевать на постройкѣ Семену. Поужинавъ вмѣстѣ съ большой семьей брата, въ тѣснотѣ, среди мухъ и дѣтскаго крика, онъ закурилъ трубку, накинулъ полушубокъ и сказалъ своимъ:

— У васъ тутъ духота. Пойду на постройку, тамъ ночью. Боюсь, струментъ покрадутъ.

— Ты хоть собакъ-то возьми,—посоветовала ему баба.

— Вона!—сказалъ Семень и пошелъ одинъ.

Ночь была мѣсячная. За думами о будущемъ дворѣ, Семень и не замѣтилъ, какъ поднялся изъ села по широкому прогону на гору и отмахалъ по большой дорогѣ версты двѣ—до своей запотолоченной, но еще не крытой избы, стоявшей на опушкѣ хлѣбовъ, въ пустомъ полѣ, чернѣвшей окнами безъ рамъ и тускло блестящей противъ мѣсяца концами свѣжихъ бревень по угламъ, паклей, торчавшей изъ пазовъ, и щепой на порогѣ. Июльскій золотистый мѣсяцъ, поднявшійся далеко за оврагами Брода, стоялъ низко и былъ мутенъ. Теплый свѣтъ его разсѣивался.

Спѣлые хлѣба тускло, сумрачно бѣлѣли впереди, какъ пески. А къ сѣверу было и совсѣмъ хмуро. Тамъ заходила туча. Мягкій вѣтеръ, дувшій со всѣхъ сторонъ, иногда усиливался, порывисто бѣжалъ по ржамъ и овсамъ—и они сухо, тревожно шелестѣли. Туча на сѣверѣ казалась неподвижной, но часто подергивалась жуткимъ, быстрымъ золотымъ блескомъ.

Семень, по привычкѣ сгибаясь, вошелъ въ избу. Въ ней было темно и душно. Мѣсячный желтый свѣтъ, глядѣвшій въ пустыя окна, не мѣшался съ темнотой, только увеличивалъ ее. Семень кинулъ полушубокъ на стружки посреди избы, какъ разъ на одной изъ полосъ свѣта, легъ на спину. Пососавъ потухшую трубку, онъ спряталъ ее въ карманъ и, подумавъ еще маленько, заснулъ.

Но вотъ понесло вѣтромъ въ окна и, черезъ сѣни, въ дверь. Глухо заворчалъ вдали громъ. Семень очнулся. Вѣтеръ усилился—онъ бѣжалъ теперь по горячечно шумящимъ хлѣбамъ непрерывно, и свѣтъ мѣсяца сталъ еще тусклѣе. Семень вышелъ изъ избы, вышелъ за уголъ, въ сухо и знойно шуршавшіе, блѣдные, какъ саванъ, овсы, посмотрѣлъ на тучу. Она, темно-аспидная, заняла полъ-неба. Вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, задиралъ, путалъ волосы и мѣшалъ смотрѣть. Мѣшали смотрѣть, слѣпили и молніи, загоравшіяся все грознѣе и жарче. Семень, крепясь, сталъ на колѣни: вдали, среди овсянаго моря, выдѣляясь на стѣнѣ тучи, двигалась на Семена небольшая толпа, съ обнаженными головами, въ бѣлыхъ подпояскахъ, въ новыхъ полушубкахъ,—съ трудомъ несла саженный запрестольный образъ древняго письма. Толпа была туманная, призрачная, но образъ хорошо виденъ—страшный, строгій ликъ, краснѣвшій на черной доскѣ, опаленной свѣчами, закапанной воскомъ, окованной по краямъ старымъ, сизымъ серебромъ.

Вѣтеръ разобралъ волосы на лбу Семена, пріятно от-

дувая ихъ,—и Семень, въ страхѣ и радости, до земли поклонился образу. Когда же поднялъ онъ голову, то увидѣлъ, что толпа стоитъ, неловко держа величаво откинутый образъ, а на тучѣ, какъ церковная картина, начертался и высится огромный зракъ: самъ могучій бѣлобродый Илья въ огненныхъ хитонахъ, сидящій, какъ Богъ-Саваоѣ, на мертвенно-синеватыхъ клубкахъ нижнихъ облаковъ, а надъ нимъ—двѣ горящихъ по аспиду зелено-оранжевыхъ радуги. И блестя очами-молніями, голосъ свой сливая съ отдаленнымъ гуломъ грома, Илья сказалъ Семену:

— Держись прямѣй, Семень Новиковъ! Слушайте, князья-хрестьяне, вотъ я буду судить его, временно-обязаннаго крестьянина Елецкаго уѣзда, Предтечевской волости, сельца Овсяный Бродъ, Семена Новикова.

И все поле, песками бѣлѣвшее вокругъ, всѣ колосья его вмѣстѣ съ куколемъ понесли, побѣжали впередъ, поклоняясь Ильѣ, и въ шумѣ ихъ заговорилъ Илья:

— Я серчалъ на тебя, Семень Новиковъ, желалъ покарать тебя.

— За что, Батюшка?—спросилъ Семень.

— Непростойно тебѣ, Семень Новиковъ, меня, Илью, спрашивать. Ты должонъ отвѣтъ держать.

— Ну, инъ будь по-твоему,—сказалъ Семень.

— Позалѣтошній годъ я убилъ молоньей Пантелея, старшого твоего: ты зачѣмъ закопалъ его въ землю по-поясь, колдовствомъ воротилъ его жить?

— Прости, Батюшка,—сказалъ Семень кланаясь.— Жалко было малаго. Разсуди: вѣдь кормилецъ-поилецъ при старости.

— Лѣтошній годъ я посѣкъ, повалилъ твою рожь градомъ-вихрями: ты зачѣмъ прозналъ о томъ загода, запродалъ эту рожь на корню?

— Прости, Батюшка,—сказалъ Семень, кланаясь.— Сердце чуяло, нуждишка была.

— Ну, а нонче, въ Петровки, не я ли спалилъ тебя? Ты зачѣмъ спишишь строиться, отдѣляешься?

— Прости, Батюшка,—сказалъ Семень, кланаясь.— Сухорукий братъ мой несчастливый: отъ него и всѣ бѣды, мнѣ думалось.

— Закрой глаза. Я подумаю, посоветуюсь: чѣмъ казнить тебя?

Семень закрылъ глаза, склонилъ голову. Вѣтеръ шумѣлъ—онъ старался сквозь шумъ его тайкомъ подслушать, о чемъ шепчется Илья съ крестьянами. Но близко и тяжело загремѣлъ громъ—ничего не стало слышно.

— Нѣтъ, не придумаемъ,—во весь голосъ сказалъ Илья.—Самъ посоветуй мнѣ.

— А глаза-то открыты?—спросилъ Семень.

— Не надобно. Слѣпой тверже думаетъ.

— Чуденъ ты, Батюшка,—серьезно усмѣхнулся Семень.—Да и что жъ тутъ придумывать? Поставлю тебѣ свѣчку трехрублевую.

— Не изъ чего. На постройку потрагился.

— Тогда въ Кіевъ схожу, либо въ Бѣлгородъ,—нерѣшительно сказалъ Семень.

— Это только бездѣльничать, лапти трепать. На кого же хозяйство останется?

Семень задумался.

— Ну, дѣвченку, Апфиску, убей. Ей и всего-то третій годокъ. Дѣвочка, сказать по совѣсти, ласковая, умильная,—жалко намъ будетъ ее, да вѣдь что жъ исдѣлаешь? Все не съ малымъ смѣнить.

— Прислушайте, православные, — громко сказалъ Илья.—Соглашаюся!

И такой огонь разорвалъ тучу, что у Семена чуть вѣки не вспыхнули, и такой ударъ раскололъ небеса, что вся земля подъ нимъ дрогнула.

— Святъ, святъ, святъ, Господь-Богъ-Савооѣ!—прошепталъ Семень.—Ай да Сватушка!

Очнувшись, открывъ глаза, Семень увидѣлъ только пыльную тучу, пустые волнующіеся хлѣба и самого себя, на колѣняхъ стоящаго среди колосевъ. Пыль высокимъ шумнымъ вихремъ неслась по дорогѣ, и мѣсяцъ совсѣмъ замутился.

Семень вскочилъ на ноги. Позабывъ о полупубкѣ, о топорахъ и фуганкахъ, онъ послѣшно пошелъ, навстрѣчу вихрямъ, домой, въ село. Крупный дождь захватилъ его на выгонѣ. Темныя облака надвинулись надъ стемнѣвшими оврагами. Красный мѣсяцъ закатывался за ними. Село спало крѣпкимъ сномъ, но скотина по дворамъ беспокоилась, пѣтухи тревожно пѣли. И подбѣгая къ своей старой полусгорѣвшей избѣ, Семень услышалъ въ ней бабьи вопли. У порога стоялъ сухорукий Никонъ, въ полупубкѣ и безъ шапки, тощій и морщинистый не по лѣтамъ, глядѣлъ тупо и растерянно.

— Бѣда у тебя,—сказалъ онъ, и по голосу его было слышно, что онъ еще не совсѣмъ проснулся.

Семень вбѣжалъ въ избу. Бабы съ крикомъ метались въ темнотѣ, ища сѣрниковъ. Семень выхватилъ изъ-за образа корбочекъ, зажегъ каганецъ: люлька, повѣшенная возлѣ печки, носилась изъ стороны въ сторону, — всѣ задѣвали ее, бѣгая,—а въ люлкѣ лежала вся сизая, мертвая дѣвочка, и на головкѣ ея тлѣлъ чепчикъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ.

Жилъ Семень съ тѣхъ поръ счастливо.

ХУДАЯ ТРАВА.

I.

Аверкій захворалъ, разговѣвшись на Петровъ день.

Молодые работники умылись съ мыломъ, причесались, надѣли сапоги, новыя ситцевыя рубахи. Аверкій, чувствуя слабость, равнодушіе, не сходилъ передъ праздникомъ ко двору, не смѣнилъ рубаху; что же до остального наряда, то былъ онъ у него одинъ—и въ будни, и въ праздникъ. Молодые работники ѣли не въ мѣру много и весь обѣдъ хохотали, говорили такое, что стряпуха съ притворнымъ негодованіемъ отворачивалась, а порою даже отходила отъ стола, бросивъ мокрую ложку. Аверкій ѣлъ молча.

Онъ былъ уже въ той порѣ, когда хорошіе, смиренныя мужики, много поработавшіе,—а онъ таки поработалъ, въ однихъ батракахъ жилъ тридцатый годъ!—начинають плохо слушать, мало говорить и со всѣмъ, что имъ ни скажешь, соглашаться, думать же что-то иное, свое. Онъ былъ въ тѣхъ мужицкихъ годахъ, которыхъ не опредѣлишь сразу. Онъ былъ высокъ и нескладенъ: очень худъ, длиннорукъ, въ кости вообще широкъ, но въ плечахъ, на видъ несильныхъ, опущенныхъ, узокъ. И съ этой полевой нескладностью, съ лаптями и полуслубкомъ, никогда

не сходявшимъ съ плечъ, странно сочеталось благообразіе: небольшая, лысѣющая со лба, въ длинныхъ, легкихъ волосахъ голова, изможденное лицо съ тонкимъ, сухимъ носомъ, жидко-голубые глаза и узкая сѣдѣющая борода, не скрывающая сухой челости.

Все, надъ чѣмъ смѣялись за обѣдомъ, казалось ему не нужнымъ, не смѣшнымъ. Но неприязни на его лицѣ не было. Ёлъ онъ не спѣшно, кладя ложку,—съ дѣтства привыкнувъ не только ѣсть, но и пить съ обнаженной головой, совершать трапезу, какъ молитву, ибо эта трапеза всю жизнь была для него вѣнцомъ трудового дня, среди вѣчныхъ опасеній за будущій день, хотя всю жизнь и говорилъ онъ привычное:

— Богъ дастъ день, Богъ дастъ пищу...

Мысли его туманились. Костлявые выступы скуль, обтянутыя тонкой сѣрой кожей, розовѣли. Душа не принимала пищи. Но ёлъ онъ пристально: и потому, что ужъ такъ полагается въ праздникъ, и потому, что ѣда могла, какъ думалъ онъ, помочь ему, и потому, наконецъ, что жалко было не ѣсть: вотъ онъ заболѣлъ, съ мѣста, должно, сойдетъ, дома же не только сладкихъ харчей, а, можетъ, и хлѣба не будетъ.

Подали на деревянномъ кругѣ круто посоленную жирную баранину. Аверкій вспомнилъ, какъ жилъ онъ когда-то зиму въ городѣ, на постояломъ дворѣ, какъ хорошо ёлъ тамъ. Подумавъ, онъ осторожно взялъ кусокъ своими тонкими пальцами и блѣдно усмѣхнулся.

— Люблю горчицу, а гдѣ я ее могу взять?—сказалъ онъ застѣнчиво, не глядя ни на кого.

Отъ баранины стало нехорошо; но онъ досидѣлъ таки до конца стола. Когда же работники, дохлебавъ до послѣдней капли огромную чашку голубого молока и самодовольно икая, стали подниматься и закуривать, смѣшивая запахъ махорки съ запахомъ ѣды и свѣжихъ ситниковъ.

Аверкій осторожно надѣлъ свою большую шапку,—въ пеньковомъ днѣ ея всегда была иголка, обмотанная ниткой,—и вышелъ на порогъ сѣнецъ, постоялъ среди голодныхъ собакъ, жадно смотрѣвшихъ ему въ глаза... Погода портилась. Стало сумрачно, похоже на будничное предвечернее время; мелкій дождь стрекоталъ по газетѣ у крыльца барскаго дома; индюшки, опустивъ мокрые хвосты, усаживались на развалившейся оградѣ, а цыплята, которыхъ сердито клевали онѣ, лѣзли, прятались подъ ихъ крылья... Сладкіе харчи! Аверкій зналъ имъ цѣну. Последняя предсмертная тягота наступала для него, а все же крѣпко не хотѣлось ему терять ихъ, когда брель онъ за избу.

II.

Воротился онъ блѣдный, съ дрожащими ногами и попросился у стряпухи на печку.

Она равнодушно спросила:

— Ай захворалъ?

— Служилъ тридцать лѣтъ,—въ тонъ ей отвѣтили Аверкій, влѣзая на нары, ставя лапотъ въ печурку и поднимаясь въ тѣсное, жаркое пространство между печью и потолкомъ,—служилъ тридцать лѣтъ съ чистымъ лицомъ, а теперь шабашъ, ослабъ... Блоху не подкую, — пошутить онъ.—Износился, задыхаться сталъ,—еще тверже и даже съ удовольствіемъ сказалъ онъ, ложась.

И какъ только легъ, получше пристроивъ голову въ шапкѣ на какую-то сломаную плетушку, тотчасъ сталъ задремывать и слышать свое глубокое, однообразно прерывающееся дыханіе, ощущать его жаръ въ губахъ. Онъ уже твердо рѣшилъ, что захворалъ безъ отлѣку, что онъ—«оброчный кочеть». Онъ давно перемогался. Больныя собаки

уходятъ со двора, ищутъ по межамъ, по лѣснымъ опушкамъ какую-то тонкую, лишь имъ вѣдомую траву, и ѣдятъ ее—тайкомъ ищутъ себѣ помощи. Отдаляясь отъ дворни, Аверкій тоже искалъ—тайкомъ покупалъ то водки, то соды... Теперь перемогаться уже не хватало силъ. Но все-таки надо было подумать: какъ быть съ мѣстомъ, сходить или нѣтъ? Если скоро умрешь, жалѣть его, конечно, нечего. Ну, а если не скоро? Утѣшала мысль, что болѣзнь пришла во-время: черезъ недѣлю и условію срокъ. Но какъ быть даже и въ томъ случаѣ, если не возобновлять его? Гдѣ эту недѣлю провести? Вѣдь если попроситься домой завтра же, никто не повѣритъ болѣзни,—забралъ, скажутъ, деньги, да и на утекъ...

Работники курили и хохотали. Слушая и думая, онъ сталъ видѣть сны. Но изъ печальныхъ и скучныхъ воспоминаній складывались они. Вотъ онъ вышелъ изъ избы—надо ѣхать за хоботьемъ на гумно... А во дворъ входитъ и останавливается, увидя поднимающихся собакъ, странникъ: голова закутана женской шалью, на лѣвой рукѣ лукошко, въ правой высокая палка, на худыхъ ногахъ растоптанные лапти... «Если Богъ подыметъ, пойду въ Кіевъ, въ Задонскъ, въ Оптину,—подумалъ Аверкій въ дремотѣ.—Вотъ дѣло настоящее, чистое, легкое, а то не знамо, зачѣмъ и жилъ на свѣтѣ...»

Но тутъ громко и дружно захохотали работники, надымившіе всю избу. Аверкій очнулся. Стукнула дверь, кто-то вошелъ.

— Опять залилъ глаза!—сказала стряпуха, вытирая столъ и не глядя на вошедшаго.—Опять приперся.—Дѣдь, да ай у тебя стыда-то совсѣмъ нѣту?—спросила она, обращаясь.—Ну, чего пришелъ? Не надоѣлъ еще?

Но дѣдь,—караульщикъ снятаго мѣщаниномъ сада, «старикъ-плясунъ», какъ называлъ онъ самъ себя для потѣхи, всегда хмельной, обтрепанный, всегда мучившій

Аверкія своей неряшливостью, своей болтливостью, всей своей свободной, немужицкой жизнью,—дѣдъ не обратилъ на стряпуху вниманія.

— Ребята, поразсудите: мыслено ли,—понесъ онъ съ не-притворнымъ отчаяніемъ, разводя руками передъ работниками.—Одинъ какъ есть на этакій садъ! Да я съ него шести цѣлковыхъ не возьму! Прїѣдетъ нынче, такъ и скажу: хомуть да дуга, а я тебѣ не слуга! Будя! Вонъ ребяташки ужъ зачали въ завязъ вникать, двѣ яблоньки отрясли, а я что? Дули, говорить, береги главнѣй всего... А что я одинъ исдѣлаю? Вишенья опять оборвали на валу—ну, и чортъ съ ними! Я больной человекъ!

— Больной, а все хотъ выжми!—сказала стряпуха.

— Полегче!—отвѣтилъ старикъ, садясь на нары.—Ты-то помолчи. У меня старуха тебѣ въ матери годится, а я ее, можетъ, полгода не видалъ... да, почестъ, и весь вѣкъ не видалъ, не знамо, зачѣмъ и женился...

— Не хуже меня такого-то,—подумаль Аверкія, закрывающая глаза и уже не чувствуя къ старику прежняго отвращенія.

— А она, небось, мнѣ не чужая,—продолжалъ тотъ съ искренней горечью.—Я и ребятамъ вотъ говорю: что я могу? Сейчасъ отшелъ, а въ салашѣ чуйка хозяйская, а она семь цѣлковыхъ! Да что жъ исдѣлаешь? И унесутъ, то же возьмешь... А господамъ я вишенья дозволяю рвать: можете! Господа, они и съѣдятъ-то два зернышка, это вѣдь нашъ братъ дорвется... Правду я говорю, ай нѣтъ?—крикнулъ онъ, снова оживляясь.—Обязательно правду! И тебѣ, староста, завсегда дозволяю, ты тутъ, можетъ, первый человекъ надо всѣми! Только ты меня чѣмъ обидѣлъ: тесу на кровать не далъ! И стола опять же нѣту: собаки давеча пришли—хлопъ чашку объ-земь! Спасибо хотъ барчукъ помогаетъ: проплясалъ ему давеча маленько, анъ на ко-сущку и есть...

Аверкія сталъ опять забываться. Подъ вечеръ, въ полѣ, шелъ онъ за возомъ. Моросило. Широко отворены были ворота во дворъ богатаго степного мужика. Утопая въ навозной жижи, бродилъ по двору и гоготалъ гусака, потерявшій гусыню... «Богатому вездѣ хорошо!»—съ обидой и болью въ голосѣ кричалъ гдѣ-то внизу старикъ. Аверкія кивалъ шапкой, соглашался, а самъ думаль свое: «Богатый, какъ быкъ рогатый—въ тѣсныя ворота не пролѣзеть...» И очнулся, чувствуя, что бредить.—Да, Богъ не любитъ высокихъ мыслей... Да, старика жалко... Но дымъ и ненужный говоръ, чужіе люди, чужая печка—ахъ, какая тоска и безпріютность! Звѣрь, и тотъ забивается умирать въ свою собственную нору... Нѣтъ, конецъ, домой пора!—подумаль онъ твердо.

III.

Проспавъ три часа, онъ очнулся въ сумерки. Ни работниковъ, ни стряпухи въ избѣ не было. На лавкѣ возлѣ окна сидѣла дурочка Анюта, скитавшаяся по господамъ, по мужикамъ. Она была въ мужицкихъ сапогахъ, стриженая. Она глядѣла въ окно,—голова ея сзади была похожа на кувшинъ внизъ горломъ,—и плакала: стряпухинъ мальчишка не далъ ей лечъ уснуть—все скакалъ по лавкѣ и надѣвалъ ей на голову гремящее ведро.

— А тамъ индюшки замучили,—говорила она, плача, думая, что Аверкія спитъ, и жалуясь самой себѣ.—Легла отдохнуть въ палисаднику—дождь, индюшки всю голову изодрали, а тутъ этотъ демоненокъ... Такъ-то, Анна Матвѣвна! Такъ-то, матушка! Чужой кусокъ не сладокъ! А богатая была, умнѣй барыни слыла!

Это она вспоминала то золотое время, когда было у нея цѣлыхъ тридцать шесть рублей—какое-то пособіе отъ

земства. Она хранила их долго, какъ зеницу ока. Да вы-просилъ, вымолилъ въ долгъ мужикъ, у котораго она стояла на квартирѣ, поклялся на церковь, что отдастъ—и, конечно, не отдалъ, даже прямо сказалъ: такъ и знай, не отдамъ, и не шатайся...

Аверкій открылъ глаза. Было лучше, чѣмъ давеча, уже не мучилась голова. Онъ послушалъ дурочку и усмѣхнулся. Ахъ, Господи, изъ-за чего только волнуются, страдаютъ люди! Этотъ старикъ, такъ растерянно жаловавшійся работникамъ... Эта плачущая отъ обиды на ребенка и потери тридцати шести рублей Анюта...

— А ты бы его за виски,—сказалъ онъ, усмѣхаясь.— Что жъ ты позволяешь ему надругаться надъ собой?

— Ай ты проснулся?—спросила дурочка. И вдругъ неприятно, неумѣренно зарыдала:—Да ай я слажу съ нимъ? Теперь къ матери побѣгъ, на меня же нажалится...

Когда она стала затихать, Аверкій негромко и ласково окликнулъ ее.

— Что тебѣ?—тупо отозвалась она.

— Сходи, матушка, къ моей старухѣ,—сказалъ Аверкій.—Скажи, чтобъ пришла за мной. Боюсь, ей и самой ѣсть печего, да вѣдь что жъ издѣлаешь? Какъ-нибудь перебьемся. Я, видно, свое отслужилъ. Все дома-то лучше, пристойнѣе...

— Не съ чужими же людьми смѣшнѣть!—съ горечью отвѣтила дурочка.—Схожу, не бойся... А ты не обидишься на меня, что я тебѣ скажу?

— Нѣтъ...

— А, можетъ, испугаешься дюже?

— А что?—спросилъ онъ.

— Да такъ... Я тебѣ же добра желала. Пришла давеча, говорятъ, ты захворалъ. Я и зашла къ Ларюшкѣ...

— Ну и что же?

— Тебѣ, батюшка, плохо вышло... Онъ прямо набралъ

земли на сковородку, легъ подъ святыя и запѣлъ... А самъ все беретъ землю со сковородки да на лицо себѣ посыпаетъ... Беретъ и посыпаетъ...

— А ты фамилію-то мою сказала?—спросилъ Аверкій.

— Та-то и бѣда, что сказала...

Аверкій помолчалъ.

— А ты все-таки къ старухѣ-то моей сходи,—сказалъ онъ.

— Объ этомъ ты не убивайся. Схожу.

Вынувъ изъ своего нищенскаго мѣшка крендель, дурочка стала ѣсть, собирая съ колѣнъ крошки.

— Хочешь кренделька?—спросила она.

— Нѣтъ, матушка, спасибо, чтой-то не хочется,—сказалъ Аверкій.—Да, такъ вотъ оно что,—подумалъ онъ.—Ну, что жъ, худая трава изъ-поля воцъ... А моя,—подумалъ онъ съ завистью и печалью про старуху,—а моя и подумать не смѣетъ съѣсть такъ-то... Да,—вотъ и свѣковали мы съ ней свое...

Вздыхнувъ, онъ повернулся къ стѣнѣ. Дурочка открыла окно—стала доходить свѣжесть вечера. Тонкій, какъ волосокъ, серпъ мѣсяца блестѣлъ надъ черной покатою равниной за рѣкой, въ прозрачномъ небосклопѣ. Далеко на селѣ хорошо и протяжно пѣли дѣвки старинную величальную пѣсню: «При вечерѣ, вечерѣ, при ясной лучинѣ...» Когда и съ кѣмъ это было? Мягкій сумракъ въ лугу, надъ мелкой заводью, теплая, розовѣющая отъ зари, дрожащая мелкой рябью, расходящаяся кругами вода, чья-то водовозка на берегу, слабо видный въ сумракѣ дѣвичій станъ, босыя ноги и неумѣлыя руки, съ трудомъ поднимающія полный черпакъ... Шагомъ ѣдетъ мимо семнадцатилѣтній малый въ ночное, сладко дышитъ свѣжестью луга...

— Ай не узнала?—спрашиваетъ онъ негромко и приторно небрежно.

— Дюже ты мнѣ нуженъ узнавать!—отзывается нѣж-

ный, грудной, неувѣренно-звонкій голосъ—и противъ воли звучить въ немъ ласка, радость печальной встрѣчи.

— Ай помочь?

— Дюже ты мнѣ нуженъ помогать...

Пересиливая себя, считая непристойнымъ навязываться съ разговоромъ, онъ молча поднимается въ гору, въ росистое темное поле, глядитъ на звѣзды, слушаетъ перепеловъ и дѣловито думаетъ:

— Кабы не сирота была, другое дѣло. А то ишь, сама воду возить...

Это было давно, въ самомъ началѣ жизни... Неужели это она, та, что придетъ завтра, поведетъ его домой умирать? Да, она, она...

IV.

Старуха пришла за нимъ на другой день. Она ласково и заботливо убрала своими темными руками его добришко—армякъ, онучи, линючую подпояску—и повела его, блѣднаго и слабо улыбающагося, домой:

— Пойдемъ, пойдемъ, батюшка. Будя, поработалъ. Весь свой вѣкъ ждала да боялась тебя. А ты вонъ какой сталъ—совсѣмъ никуда. Износился. Да завѣтный перстенецъ и поношенный хорошъ...

И онъ все радовался первое время: вотъ онъ и дома, отслужился! Онъ не легъ въ избѣ, не пожелалъ въ постылицу входить, докучать старухѣ, да и давно хотѣлось ему полежать на свободѣ, на покоѣ, на чистомъ полевомя въздухѣ. Легъ онъ на своемъ гумнишкѣ, въ старенькой ригѣ, густо заросшей кругомъ лебедю, легъ въ телѣгѣ безъ колесъ—и въ открытыя ворота день и ночь вѣялъ на него сырой вѣтеръ съ огородовъ и гумень, несло вѣтромъ косою крупный дождь.

Всѣ дѣла обсудили они со старухой, пожалѣли дочь, по нуждѣ рано выданную въ дальнее село, во дворъ зажиточный, но большой дурной болѣзнью, и порѣшили дать ей знать, чтобъ пріѣхала провѣдать отца.

Дочь, однако, не ѣхала—вѣрно, не пускала погода.

Погода мучила. Съ утра свѣтило солнце, парило надъ дымящимися полями, надъ грязными дорогами, надъ хлѣбами, насыщенными водою, легшими на землю. Съ утра Аверкій, порою покидавшій свою телѣгу и добредавшій до избы, общалъ старухѣ, что опогодится. Но къ обѣдамъ опять заходили съ горизонтовъ тучи, казавшіяся еще чернѣе отъ блеска солнца, мѣняли облака свои необыкновенные цвѣта и очертанія, поднимался холодный вѣтеръ, и бѣжалъ по полямъ косою радужный дождь.

— Будутъ бѣды великія,—говорила сосѣдка, бывшая дворовая.—Раньше и тучки не тѣ были: зайчики, кусточки, а то дерево, либо цвѣтокъ, а теперь облако грубое пошло: либо вагонъ, либо левъ пасть разѣвааетъ...

Но Аверкій, сидя, въ валенкахъ и полушубкѣ, возлѣ избы, только слабо улыбался: какое дѣло было ему теперь до будущихъ бѣдъ!

Сосѣди, двоившіе паръ, пріѣзжали къ обѣдамъ мокрые, усталые, жаловались, что на нихъ армяки попрѣли, и все хотѣли увѣрить себя, что, авось, Богъ дастъ, послѣ обѣдовъ разгуляется. Но и послѣ обѣдовъ темнѣло отъ тучъ, гнала буря ливень съ градомъ. Къ вечеру опять стихало, солнце проглядывало; но на востокѣ громоздились розовыя горы, а западный небосклонъ весь покрывался странной серебристой зыбью, похожей на утиный пухъ.

— Не къ добру,—говорили сосѣди.—Все въ полѣ погнѣетъ, будутъ опять голода великіе...

Но и на это равнодушно отзывался Аверкій. Никакой голодъ не пугалъ его теперь. Ночи были туманныя. Зеленатыя пушистыя звѣзды, какъ большіе свѣтляки, гля-

дѣли на него въ ворота. Спалъ онъ отъ холоду мало, по-
чамъ скучалъ. Но, вспоминая теперешнюю свою свободу
отъ всѣхъ заботъ и горестей, благодарно крестился на небо.

Худѣлъ и слабѣлъ онъ не по днямъ, а по часамъ. Но,
чувствуя, что смерть овладѣваетъ имъ безъ мукъ, безъ издѣ-
вательства, часто говорилъ старухѣ:

— Ничего, ты не бойся, я удобно помру.

А старуха втихомолку надѣялась, не давала вѣры его
словамъ. Больше всего пугало ее его равнодушіе. Но и
равнодушіе долго пыталась она истолковать его слабостью,
пока, наконецъ, не перешло оно мѣры.

Въ концѣ іюля, когда кое-какъ стали убираться въ по-
ляхъ, и дожди перестали, пропала у нея телушка, которую
съ великими лишеніями нажила она себѣ, которая ходила
за ней, какъ собака. Старуха всѣ поля, всѣ сосѣднія де-
ревни обѣгала. Въ тоскѣ, въ тревогѣ, она разспрашивала
каждаго встрѣчнаго, не видали ли рыжей телушки, и все не
сдавалась, придумывала все новыя мѣста, куда надо итти
на поиски. Какъ вдругъ, въ одинъ сумрачный вечеръ, со-
баки притащили на деревню рыжую рогатую голову. У со-
бакъ ее отняли и принесли старухѣ на крыльцо. Она рас-
терялась и заплакала, какъ ребенокъ. И всѣ долго стояли
вокругъ крыльца, не зная, что говорить, что дѣлать. На
всѣхъ эта страшная, въ сухой крови и съ рогами голова
произвела тяжелое впечатлѣніе. И только одинъ Аверкій,
который на смутный говоръ прибѣлъ изъ риги къ избѣ,
и которому плачущая старуха напомнила Анюту, легонько
рукой махнулъ.

— Ужь чего тамъ!—сказалъ онъ.—Смолоду не нажи-
вали, а теперь не къ чему...

Всѣ взглянули на него съ удивленіемъ и еще дружнѣе
загадѣли, что этого такъ оставить нельзя. Пастухъ ска-
залъ, что собаки рыли въ лѣсу. Несмотря на сумерки,
рѣшили немедля ѣхать въ лѣсъ. Сосѣдъ торопливо запрягъ

лошадь въ телѣгу, посадилъ въ нее плачущую старуху,
вскочилъ самъ и поскакалъ, загремѣлъ по улицѣ. Поска-
кали за нимъ верховые. Въ поляхъ было темно, въ лѣсу
темно и тихо, уже пахло опавшими листьями. Лѣсъ слабо
освѣщался съ одной стороны красноватымъ свѣтомъ восхо-
дившей луны. Приѣхали къ караулкѣ на полянѣ, возлѣ
дуба съ засохшей верхушкой. Лѣсникъ ужиналъ, давясь
драченой, и, увидя толпу, очень испугался. Потребовали
у него фонарь, пошли за пастухомъ къ тому мѣсту, гдѣ
рыли собаки, нашли зарытую въ землю требуху, подняли
гамъ и повезли лѣсника въ деревню, къ Аверкію.

Аверкій не спалъ, сидѣлъ въ темной избѣ. Когда
вздули огонь, и стала изба наполняться народомъ, когда
привели старосту съ палевою бородой и наперебой стали
кричать, обвиняя въ кражѣ лѣсника, Аверкій неожиданно
принялъ его сторону. Лѣсникъ, въ свое оправданіе, гово-
рилъ только одно:

— Красть я не согласенъ. Мой родитель не красть, и я
не согласенъ. Кабы я красть, у меня бы ничего не было,
Богъ бы не далъ, а то у меня свое хозяйство есть.

И, конечно, никого не могъ убѣдить. Но Аверкій, со
своимъ равнодушіемъ къ земнымъ дѣламъ, вполне вѣрилъ
ему—и даже недовольно возвысилъ голосъ, настаивая,
чтобы его отпустили, а не сажали въ холодную. И удивлен-
ные, сбитые съ толку сосѣди въ концѣ концовъ покорились
ему. Покорилась его голосу, его гробовому лицу и старуха.

На выздоровленіе его у нея не осталось съ этой ночи
никакой надежды.

V.

Дочь съ мужемъ посулились приѣхать и приѣхали на
престольный праздникъ, ко второму Спасу. Было рѣшено,

что зять свезетъ Аверкія въ больницу, покажетъ доктору. Аверкій согласился—и на день, на два ожилъ.

На день, на два воротились къ нему обычныя чело-вѣческія чувства. Онъ ждалъ дочь нетерпѣливо. Съ помощью старухи, онъ съ ранняго утра умылся, причесался для гостей.

Въ обѣды онъ лежалъ и прислушивался: не идутъ ли? Послышались шаги и голоса за ригой. Въ рамѣ воротъ показался зять, за нимъ—дочь съ дѣвочкой, сзади старуха. Зять, высокій, съ зеленоватыми волосами, съ бѣлыми рѣсницами, съ пущкомъ на розовомъ непріятномъ лицѣ, былъ подбрить и наряженъ: новый картузь, новые сапоги, сѣрая жилетка поверхъ новой желтой рубахи. Дочь, которую Аверкій всегда считалъ красавицей, и на этотъ разъ удивила его своею красотой, становитостью, ласковой скромностью, соединенной съ достоинствомъ, длинными опущенными рѣсницами, лиловымъ сарафаномъ и смуглостью маленькихъ рукъ. Она, женственная и милая, вела за ручку бѣлобрысую дѣвочку въ зеленомъ платьицѣ, которая съ любопытствомъ осматривала дыры въ крышѣ риги и сосала черную катушку изъ-подъ нитокъ.

Подойдя, гости поклонились Аверкію, осторожно поцѣловались съ нимъ, подняли на руки не хотѣвшую цѣловаться, воротившую въ сторону личико дѣвочку; Аверкій съ нѣжностью замѣтилъ, что волосы у нея бѣло-золотисты, тверды и гладки, какъ трава послѣ лѣта. Гости заговорили бодро, безопасно,—зять все старался шутить,—но не сводили съ Аверкія глазъ и, видимо, не знали, что говорить. Онъ это чувствовалъ, неловко улыбался и тоже бодрился, а самъ думалъ, сравнивая дочь со старухой: нѣтъ, моя душевнѣе была! И дочь была хороша и скромна, какъ мать въ молодости, но у дочери было больше спокойствія, сдержанности. Дочь трогала его своею красотой, рѣсницами, блескомъ стеклянныхъ капель въ гребешкѣ, а старуха—

лаптами, дряблостью кожи, усталостью, искренностью. Ихъ противоположность взволновала его, и опять почувствовалъ онъ на мгновение: сладка жизнь! Но за себя ему неловко было. Старуха не притворялась. Она вошла и стала, грустно глядя на него, какъ бы говоря: вотъ привела, хотятъ поглядѣть на тебя—не хорошъ ты сталъ, батюшка, да что жъ сдѣлаешь, они не взыщутъ. А онъ, и правда, былъ страшенъ. Волосы его еще больше порѣдѣли, стали еще тоньше, они лѣзли, падали вмѣстѣ съ крупными сѣрыми вшами на широкій воротъ рубахи, на ключицы, торчавшія подъ нею, какъ удила. По обѣимъ сторонамъ ввалившихся висковъ торчали большія прозрачныя уши. Глубоко западали глаза.

Гости обѣдали въ избѣ. Ему прислали чашку зеленого кваса съ саломъ, ломоть хлѣба. Онъ тотчасъ же приподнялся, взялъ чашку, низко склонился надъ нею, выгнулъ зубчатую отъ позвонковъ спину, перекрестился, зачерпнулъ дрожащей рукой ложку и проглотилъ торопливо, боясь, что не хватитъ силъ наѣсться. И точно, не хватило. Онъ усталъ, задохнулся, легъ на спину... И чашка такъ и осталась стоять на землѣ возлѣ телѣги. Квасъ загѣнил-ся, подернулся солевой пленкой, въ него нападало много мухъ. Аверкій отгонялъ ихъ и разсматривалъ свою руку, голубые ногти. Дивила его ладонь: впалая, она была суха и блестяла, будто натертая воскомъ... И, подумавъ о больницѣ, онъ насмѣшился улынулся.

VI.

Передъ вечеромъ прошелъ недолгій дождь. Со смѣхомъ, накрывшись подолами, гуртомъ прибѣжали съ улицы въ ригу дѣвки, стали у воротъ, не обращая вниманія на

Аверкія, ждали, пока перейдетъ дождь, видный въ рамѣ воротъ на сѣрой тучкѣ. За воротами говорили, смѣялись ребята, кто-то все начиналъ играть на сломанной, съ падающими клапанами, гармоніи. Подошелъ къ воротамъ зять, сытый, слегка хмельной. Онъ выставилъ впередъ правое колѣно, поставилъ на него свою большую, мягко и пріятно рычавшую гармонію. Онъ томно смотрѣлъ въ одну точку, играя. А противъ него стояла и, слегка склонивъ голову, упорно смотрѣла на него солдатка, полная, блѣдая женщина съ свѣжимъ, пріятнымъ ртомъ и серебряными глазами въ черныхъ рѣсницахъ. Они звали другъ друга взглядами, словами безконечной «страдательной». И всё долго, подъ рѣдкимъ дождемъ, слѣдили за ихъ любовными переговорами. Потемнѣло въ углахъ риги, темнѣло въ рамѣ воротъ. Закрывъ глаза, Аверкій слушалъ. Ему было хорошо.

Улица такъ и осталась возлѣ риги до поздней ночи, расходясь постепенно. Поздно ночью небо расчистило, двѣ большія звѣзды глядѣли въ ригу. «Значить, такъ надо», думалъ Аверкій, «значить, ему дочь моя не хороша, иную надо». Гармонья смолкла. Кто-то говорилъ за воротами дрожащимъ, охрипшимъ голосомъ, о чемъ-то упрасивая. Женщина отвѣчала протяжно, уклончиво, но сопротивление ея было слабое. Потомъ двѣ тѣни на минуту заслонили звѣзды въ рамѣ воротъ, прошли мимо, влѣво, къ остаткамъ соломы...

— Ахъ, неладно,—подумалъ Аверкій, но равнодушно.

Да, его уже и за человѣка не считали. Ну, да что жъ, живой о живомъ думаетъ... Онъ вспомнилъ дочь. Плохо ей, небось, она изъ бѣднаго двора, мужъ—изъ богатаго, за бѣдность ея, небось, и гребуетъ-то ею... Вспомнилась пѣсня: «Свекорь-батюшка, отыми меня отъ лиха-мужа. Ужь ты, мужъ, ты, мужъ—не губи меня близко къ вечеру, загуби меня близко къ полночи»... «Какіе мы сами, такія

и сани»—подумалъ Аверкій... Потомъ въ душѣ зазвучала пѣсня нѣжная, любовная: «Я соскучилась, любезный, безъ тебя: вся постелюшка простыла безъ тебя, изголовьице заиндевело... Онъ забылся и очнулся отъ громкаго кашля. Зять, проводившій солдатку, смѣло воротился въ ригу, сѣлъ на розвальни и, разуваясь, со стукомъ побросалъ сапоги на земь. Онъ зажегъ спичку, освѣтивъ пѣтуха, ночевавшаго на деревянномъ козлѣ для рѣзки.

Чтобы показать, что онъ не обижается, не вмѣшивается въ чужія дѣла, Аверкій, усмѣхнувшись, сказалъ про пѣтуха:

— Ишь, гдѣ квартиру себѣ нашель!

— А ты чего жъ не спишь?—спросилъ зять.

— Я, почестъ, никогда не сплю,—отвѣтилъ Аверкій.

— Помираешь, значить,—равнодушно сказалъ зять, ложась и укрываясь полушубкомъ.

— Худая трава изъ-поля вопъ,—пошутить Аверкій.— А чую—конецъ. Чую—о н а. Ночью скучаю, пуше всего какъ полуночная звѣзда-зарница взойдетъ. Никакая!—сказалъ онъ безнадежно.—Стали ужъ колокольцы въ глоткѣ звенѣть...

Зять сталъ засыпать, сумрачно похрапывая. И грусть, умиленіе одиночества нашли на Аверкія. Хотѣлось еще поговорить, сказать что-нибудь дружелюбное, пріятное зятю. Онъ окликнулъ его:

— Спишь?

— Нѣтъ,—отозвался зять, очнувшись.—А что?

И забормоталъ строго:

— Будя буровить-то, людямъ спать не давать... Спи!

Аверкій смолкъ. Хотѣлось сказать: «Ахъ, хороша любовь на свѣтѣ живетъ!» Онъ лежалъ, думалъ и затаивалъ дыханіе, стараясь представить себя въ могилѣ. Выходило

ничего,—хорошо и покойно... Зять храпѣлъ, спалъ крѣпкимъ сномъ поздней ночи. Слабое, мутное зарево долго было видно за воротами, за темными полями. Показался поздній полумѣсяцъ — какъ отраженіе въ затуманенномъ зеркалѣ — прошелъ низко и скрылся. Потемнѣло передъ разсвѣтомъ. Сталь на всю ригу кричать пѣтухъ. Стало въ рамѣ воротъ серебриться небо, сталь заниматься для живыхъ новый день...

Зять проснулся, свѣжо и крѣпко зѣвнулъ, снова разбудивъ тонко дремавшего Аверкія. Утро настало веселое. Весело и молодо глядѣло въ ворота голубое, по горизонту оранжевое небо. Холодная роса сверкала на травѣ. Зять, надѣвая сапоги, надувался и стучалъ ими въ землю.

— Обузиль хромой дьяволь!—сказалъ онъ хрипло и бодро, разумѣя сапожника.—Только обнадежилъ.

— Тѣсный сапогъ осеннее дѣло никуда,—отвѣтилъ Аверкій.—Мука.

— Да это еще по чулку,—сказалъ зять.—А по протянкѣ и совсѣмъ не вобьешь... Ну, погоди же, хромой!

Старуха съ дочерью нарядили Аверкія. На него надѣли ситцевую рубаху, давно слинявшую, но чистую, легкую, узкіе сѣрые брюки въ полоскахъ—подарокъ съ барскаго двора — и кожаныя бахилки; надѣли полушубокъ, большую шапку и подѣ руки повели къ телѣгѣ. Дѣвочка гонялась по ригѣ за пѣтухомъ, все наровила поймать его за хвостъ. Поджимаясь, пѣтухъ мелко убѣгалъ отъ нея, и Аверкій усмѣхался. Послѣ риги небо показалось ему безконечно-просторнымъ, свѣтлымъ и радостнымъ, воздухъ въ поляхъ—упоительнымъ. Дорога уже обвѣяла. День былъ августовскій—прохладный, блестящій, со стальными облаками. О больницѣ, о выздоровленіи не хотѣлось и думать: и такъ было хорошо. И за всю дорогу Аверкій и не вспомнилъ о больницѣ.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Жизнь еще болѣе отодвинулась отъ Аверкія за этотъ мѣсяцъ. Черныя катышечки въ пахучемъ желтомъ порошокѣ, конечно, не помогли,—только палили изжогой. Но онъ все-таки ѣлъ ихъ—пѣлыхъ двадцать дней. Когда же проглотилъ послѣднюю и спряталъ круглый пузырекъ съ металлической шляпкой подѣ подушку, вздохнулъ такъ облегченно, точно свалилъ съ плечъ послѣдній тяжкій долгъ. А съ людьми онъ мысленно уже простился: люди понемногу забывали о немъ, заходили къ нему все рѣже, а заходя, говорили то трогательное, то смѣшное, то грустное, но всегда неважное. Все время онъ чувствовалъ себя гостемъ, заѣзжимъ въ какой-то край, гдѣ онъ жилъ когда-то, и гдѣ теперь живутъ еще бѣднѣе и скучнѣе, чѣмъ жили прежде, при немъ.

Воротился домой и заходилъ раза два солдатъ, побывавшій въ Портъ-Артурѣ и въ Японіи,—на войнѣ и въ плѣну. И не рассказалъ ничего путнаго ни о войнѣ, ни о плѣнѣ, говорилъ то же, что говорили и всѣ, побывавшіе на войнѣ и въ чужихъ странахъ. На войнѣ страшно, а потомъ ничего, и не думаешь, а въ чужихъ странахъ все не по-людски: земли много, а ходить негдѣ, вездѣ горы, людей всякихъ—и не счесть, а поговорить не съ кѣмъ... Много рассказывалъ солдатъ о японкахъ, но и ихъ осуждалъ: «малы ростомъ и не завлекательны». Про море отозвался кратко:

— Воды много, а пить нечего.

Заходила Анята. Съ ней Аверкію было легко, она сидѣла долго, никуда не спѣшила, не говорила притворно: «ну, я пойду, дѣльце есть»... Она была задушевна, проста, хотя и задѣвала Аверкія тѣмъ, что стала говорить съ нимъ теперь, какъ съ равнымъ, какъ съ дурачкомъ, со своимъ братомъ, лишнимъ человѣкомъ, и, главное, часто жалова-

лась на судьбу и тоже по очень ничтожнымъ поводамъ. Какъ, напримѣръ, мучили ее селедки!

— Я мученица прямо,—говорила она:—до того люблю ихъ! Только тѣмъ и спасаюсь, что возьму у барчука деньжонокъ, пойду въ лавку и куплю на всѣ... Съѣмъ сразу три, либо четыре—и забуду на цѣлый мѣсяць: до того переѣмъ, что съ души воротить, видѣть не могу!

Заходилъ «старикъ-плясунъ», въ полушубкѣ и соломенной шляпѣ, приносилъ яблокъ, съ неумѣренной настойчивостью совалъ ихъ подѣ подушку Аверкію и съ неумѣреннымъ оживленіемъ болталъ, внутренно радуясь своему постоянному хмелю, а жизнь свою то восхваляя, то ни въ грошъ не ставя. Онъ дышалъ перегаромъ, говорилъ безъ умолку.

— Хмъ! — говорилъ онъ.—Мнѣ тутъ, въ селѣ, рай! Тутъ я маленько оправился, человѣкомъ сталъ. А то сослали меня прошлый годъ въ глухомань... Имѣньишко въ полѣ, садъ въ полѣ—хоть бы тебѣ дворичко! Скука—избавь Богъ, не то, что у васъ въ селѣ: тутъ въ поле выйдешь, и то что-нибудь увидишь обязательно: либо гдѣ ребята въ конопяхъ, либо такъ какой фигурой заинтересуешься, либо бабу примешь къ свѣдѣнію... А тамъ я, бывало, чѣмъ жизнь свою изукрашаю? Пойду къ господамъ подѣ чай,—меня всегда чаемъ угощали,—а у нихъ ящикъ съ музыкой: попросишь барыню сыграть—ну, и пойдеть у нихъ скандалъ, потѣха: барыня тотъ щитокъ кладеть, а баринъ—тотъ... И кончится дѣло дракой, бранью...

Хозяйственнымъ людямъ было не до Аверкія: они вѣяли новое зерно и опять разсѣвали его, радуясь, что остаткомъ можно кое-какъ прокормиться до слѣдующаго, точно такого же сентября. Разъ эта мирная жизнь была нарушена тревогой, набатомъ, торопливо сзывавшимъ испуганное село къ мѣсту неожиданной бѣды, къ омету на

дальнемъ гумнѣ, внезапно охваченному среди жаркаго полдня весело и торопливо разгоравшимся оранжевымъ пламенемъ. У Аверкія, всегда боявшагося пожаровъ, заколотилось сердце. Онъ, насколько могъ, поспѣшно приподнялся и долго глядѣлъ въ раму воротъ, на голубое спокойное небо, по которому безпокойно и высоко неслись черныя «галки». Онъ жадно прислушивался къ тому шуму и гаму въ селѣ, который люди, бѣгущіе на пожаръ, всегда зачѣмъ-то преднамѣренно увеличиваютъ. Онъ, по старой привычкѣ, заразился было этимъ чувствомъ, но скоро понялъ, что пожару онъ только обрадовался—обрадовался развлеченію, тому, что прибѣгутъ къ нему, потащатъ его изъ риги на траву; понялъ и то, что пожаръ далеко, и что ничего этого не будетъ—и опять почувствовалъ равнодушіе, опять легъ...

Разъ зашелъ къ нему дьячокъ въ парусиновомъ подрясникѣ; посидѣлъ, пошутить надъ его болѣзнью, надъ тѣмъ, что скоро прибавится «земляного товару», и, задумавшись, сказалъ:

— Да... «И возвратится персть въ землю, яко же бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже даде его...» Этого, братъ, не минуешь!

И Аверкій, которому очень понравились его слова, торопливо отвѣтилъ:

— Избавь Богъ! Какъ можно того миновать!

На мгновеніе ему стало жутко отъ церковныхъ словъ дьячка, но, подумавъ, онъ еще тверже повторилъ:

— Нѣтъ, избавь, Господи,—не миновать-то! Я вонъ жалось иной разъ, я, молъ, кочеть оброчный, какъ говорится, а развѣ не правда? И Богъ оброку требуетъ...

И, запутавшись въ своихъ мысляхъ, прибавилъ некетати:

— Нѣтъ, какъ можно... А то бы столько грѣха развелось!.. Такъ-то, святые люди говорятъ, шла Божья Ма-

терь отъ креста и плакала навзрыдь... Всѣ цвѣты отъ слезъ пожглись, посохли, одинъ табакъ остался... За то-то вотъ и жгутъ его, курять, а бѣсу—радость...

Онъ, какъ ни старался, не могъ разобраться въ томъ высокомъ чувствѣ, которое возбудилъ въ немъ дьячокъ словами о землѣ, о персти, о духѣ и Богѣ, но, вспоминая ихъ, каждый разъ ощущалъ подъемъ душевныхъ силъ и уже спокойно относился къ безнадежнымъ выводамъ насчетъ своей жизни. Послѣ больницы онъ часто дѣлалъ попытки вспомнить всю эту жизнь. Казалось, что необходимо привести въ порядокъ все, что видѣлъ и чувствовалъ онъ на своемъ вѣку. И онъ пытался сдѣлать это, и каждый разъ напрасно. Воспоминанія его были ничтожны, бѣдны, однообразны. Вспоминались пустяки, безо всякаго толку и все въ картинахъ—неясныхъ и отрывочныхъ. Только начнешь вспоминать жизнь по порядку, съ начала, съ дѣтства, какъ все сольется въ одинъ какой-нибудь день, въ одинъ какой-нибудь вечеръ, часто и не относящійся къ дѣтству и такой далекой, такой ненужной, что только рукой махнешь. Съ тоской махнулъ рукой Аверкій и на всѣ свои знанія, на всѣ свои способности душевныя и умственные. «Вѣдь вотъ какое чудо!—думалъ онъ:—жилъ, жилъ—а ничего не помню, ничего не понимаю»... Говорять, напримѣръ, что родился онъ вотъ тамъ-то и тогда-то. А что это значить—родился? Не оказывалось даже пониманія собственнаго рожденія, не оказывалось даже въ него ощутительной вѣры! Всегда и всѣ говорили, что отцомъ его былъ вотъ тотъ-то, а матерью—вотъ та-то... Теперь онъ и этому не вѣрилъ, и этого не понималъ. Онъ всю жизнь считалъ родителей самыми близкими людьми; но когда умеръ отецъ, онъ совершенно забылъ его, точно такъ же, какъ и мать: не только жалѣть пересталъ, а даже лица отцовскаго не могъ ясно представить себѣ. Такъ сблизился онъ на своемъ вѣку и со многими другими людьми.

Но и ихъ забыть—вотъ какъ сны, напримѣръ: развѣ мало видѣлъ онъ сновъ, а попробуй-ка, вспомни ихъ!

Только далекія сумерки на рѣкѣ ощутительно помнилъ онъ да ясно видѣлъ лицо дочери.

VIII.

И еще мѣсяць прошелъ, и приблизилось время принести оброкъ Богу.

Осень наступила рано. Замученный холодами, старой одеждой, пролежнями и сухими ранами на локтяхъ, Аверкій только головой качалъ, разумѣя смерть:

— Ну, и поровиста! Не докличешься!

А его даже старуха стала забывать: онъ порой не ѣлъ по двое сутокъ. Миръ онъ попрежнему видѣлъ только въ рамѣ воротъ—видѣлъ только крохотный кусочекъ огромной картины. Шли по горизонту за обнаженными лозинками все бѣлѣвшія, все холодѣвшія облака. Умирая, высохли и погнили травы. Пусто и голо стало гумно. Стала видна сквозь лозинки мельница въ безпріютномъ полѣ. Дождь порой смѣнялся снѣгомъ, вѣтеръ гудѣлъ въ дырахъ риги зло и холодно. Аверкій тупо думалъ:

— Ёдетъ осень на пѣгой кобылѣ...

А въ черныя, ледяныя и мокрыя ночи, когда только рама воротъ мутнымъ и неподвижнымъ призракомъ стояла передъ нимъ, свинцово глядѣла на него, ему было жутко. Перейти же въ избу онъ не рѣшался: зналъ, что задохнется въ первую же ночь—и умереть мучительно.

Высокій ладъ чувствъ и думъ опять пошелъ на убыль. И разъ приснился такой сонъ. Очень холодно, низкія тучи вдали надъ зелеными, надъ желто-красной грядой лѣса за ними. Возлѣ грязной дороги ѣдетъ онъ самъ—древній,

длинноволосый, длинноногий, въ длинномъ полушубкѣ на изсохшемъ длинномъ тѣлѣ и поталкиваетъ лаптемъ пѣгую кобыленку, глубоко вязнущую въ сырой землѣ, комами выворачивающую зелена. Нагналъ его барскій староста верхомъ, на сѣдлѣ, молча, злобно даль ему въ душу. Онъ, Аверкій, молча, легко съѣхалъ со спины кобылы вмѣстѣ съ армякомъ, на которомъ сидѣлъ, повалился на колѣни, снялъ тяжелую шапку съ лысой головы, сталъ плакать, просить прощенія, говорить, что онъ глухъ, старъ, слабъ, ѣдетъ къ дочери... Оскаливъ зубы, староста сталъ драть его кнутомъ по чѣмъ попало—и отъ боли и отъ ужаса Аверкій проснулся, весь въ слезахъ. И до разсвѣта лежалъ, глядѣлъ на свинцовый призракъ воротъ, чувствовалъ, что замираетъ, бьется послѣднимъ торопливымъ боемъ его истомленное сердце и не понималъ,—сонъ ли это былъ, или сама жизнь его, слившаяся въ ту тоску, въ то горе, съ которымъ онъ повалился передъ старостой на колѣнки. И, вытирая мокрое отъ слезъ лицо, засмѣялся и твердо сказалъ себѣ:

— Какіе мы сами, такія и сани! Перейду въ избу! Задохнусь—туда и дорога...

А на утро и поневолѣ пришлось переходить. Внезапно пришла зима. И жизнь въ Аверкіѣ вспыхнула еще разъ.

Ахъ, въ этомъ было и давно знакомое, всегда радовавшее зимнее чувство! Первый снѣгъ, первая метель! Заблѣли поля, потонули въ ней—забывайся на полгода въ избу! Въ бѣлыхъ снѣжныхъ поляхъ, въ метели—глушь, дичь, а въ избѣ—уютъ, покой. Чисто выметутъ ухабистые земляные полы, выскребутъ, вымоютъ столъ, тепло вытопятъ печь свѣжей соломой—хорошо!

И дочь пріѣхала: «точно почувяло ея сердце», подумалъ Аверкій, хотя и зналъ, что пріѣхала она къ подругѣ на сговоръ. Бѣлой курой несло надъ деревней, убѣлая ея, гнилую и темную. Бѣлы были косогоры и берега рѣки—

только сама рѣка, еще не застывшая, чернѣла, и по ней еще плавали гуси. А въ сѣнцахъ избы стояла дочь, веселая и красивая. Теперь ей совсѣмъ не жалко было отца,—вѣдь все равно ему не встать. Осенью умерла ея дѣвочка—это снова сдѣлало ее молодой и свободной. Старуха готовила на нарахъ постель Аверкію. И она ждала ее, чтобы итти за отцомъ, на розвальняхъ перетаскивать его въ избу.

Пріѣхавъ, она распрягла лошадь и ввела ее въ сѣнцы. Распрягая, согрѣлась, раскраснѣлась, скинула шубку, скинула шаль на плечи и, привязавъ лошадь къ отдѣляемому въ дырявой стѣнѣ бревну, кормила ее хлѣбомъ. Въ раскрытую дверь несло серебристой пылью. Она стояла въ голубомъ шерстяномъ платьѣ, отъ котораго хорошо, душисто пахло. На волосахъ ея блестяли остинки снѣга, глаза сіяли. Сосѣдскій теленокъ лѣзъ въ сѣнцы. Она нѣсколько разъ выгнала его, потомъ выскочила на порогъ. Ей казалось, что она опять живетъ дома, у батюшки съ матушкой, дѣвкой. Ее радовало, что она знаетъ, чей это теленокъ, и кому нужно крикнуть о немъ.

— Мишка, родимецъ тебя расшиби!—крикнула она, выскакивая на порогъ и радуясь, что можетъ, какъ своя, тутощная, не обидно ругаться.—Я за твоимъ быкомъ больше гоняться не стану!

Въ сѣнцы, грызя подсолнухи, вошла подруга, та, на чей сговоръ она пріѣхала, дѣвка серьезная, съ широкими черными бровями, тоже наряженная, въ новомъ большемъ платкѣ стального цвѣта съ серебристыми листьями.

— Пойдемъ батюшку перевозить,—торопливо и весело сказала ей дочь Аверкія.—Совсѣмъ помираетъ, за попомъ велѣлъ итти...

Аверкій, возбужденный и бессонной ночью, и первой метелью, и переходомъ въ избу,—близкой смертью,—лежалъ въ розвальняхъ и слушалъ, какъ холодно, по-зимнему шумить вѣтеръ, несущій бѣлые хлопья, какъ шур-

шить сухой рѣшетникъ, сквозь который дуетъ онъ. Аверкій дрожалъ, ежился въ своемъ истертомъ полушубкѣ, накрытый для тепла пѣтими попонами, и все надвигалъ на лоснящійся лобъ свою глубокую шапку. Лицо у него было ждущее, но глаза, большіе, потемнѣвшіе, ничего не выражали. Онъ самъ, своими силами, шатаясь и пьянѣя съ слабости, перебрался изъ телѣги на розвальни и съ дѣтскимъ довольствомъ думалъ: придутъ, чтобы перекладывать его,—анъ у него ужъ все готово, только за оглобли берись... Вдругъ раздался звонкій голосъ дочери:

— Батюшка! живъ?

Дочь, увидя его, внезапно заплакала: такъ великъ и древень показался ей этотъ живой покойникъ, съ остатками жидкихъ волосъ, отросшихъ до плечъ, въ шапкѣ, ставшей отъ ветхости какимъ-то высокимъ шлыкомъ, въ родѣ скуфьи, и въ длинномъ армякѣ цвѣта сухого ржаного хлѣба поверхъ полушубка. Онъ поздоровался съ ней чуть слышно. И, опустивъ глаза, она почти безъ помощи старухи потащила розвальни къ избѣ. И по бѣлоснѣжному покрову потянулись отъ риги до избы двѣ черныхъ полосы—траурный слѣдъ полозьевъ, все лѣто стоявшихъ на влажной землѣ.

IX.

На дворѣ сизѣли сумерки, но еще свѣтло было, бѣло отъ снѣга. А изба уже наполнялась сумерками.

Въ сумерки, весь въ снѣгу, нагибаясь на порогъ низкой двери, вошелъ въ избу священникъ.

— Гдѣ онъ тутъ у васъ?—бодро крикнулъ онъ, и голосъ его раздался, какъ голосъ самой смерти.

Въ тихомъ страхѣ встала съ лавки старуха. (Дочь, не

думая, что конецъ отца такъ близко, ушла наговоръ). Упираясь дрожащими руками, приподнялся и самъ Аверкій и замеръ въ ожиданіи, какъ вставшій изъ гроба. Въ темнотѣ мертвенно-блѣдно синѣло его ужасное лицо. Взглянувъ на него, священникъ понизилъ голосъ и быстро, такимъ тономъ, точно вошелъ въ избу еще кто-то, тотъ, для кого все это и дѣлалось, сказалъ:

— Шапку-то, шапку-то сними... Опомнись!

Аверкій стащилъ ее, положилъ на колѣни...

Потомъ затеплилась желтымъ огонькомъ восковая свѣча. Исповѣдавшись, причастившись, Аверкій чуть слышно спросилъ:

— Батюшка! Ну, какъ по-вашему—вы это дѣло хорошо знаете—есть уже она во мнѣ?

И священникъ, какъ бы снова почувствовавъ свою власть, отвѣтилъ ему громко и поспѣшно, почти грубо:

— Есть, есть. Пора, собирайся!

Не глядя на старуху, онъ поймалъ ея руку, въ которой ужъ давно отпотѣлъ приготовленный двугривенный, и поспѣшно шагнулъ за порогъ. Старуха, перекрестившись, подошла къ нарамъ и стала, подпирая рукой подбородокъ, наглядываясь въ послѣдній разъ на того, кого она такъ мало видѣла при жизни... «Пора, пора!»—крикнулъ на него священникъ. И онъ покорно легъ на спину, зажавъ свѣчу въ костлявыхъ пальцахъ. Сердце его млѣло, таяло—онъ плылъ въ туманѣ, въ предсмертной зыби. Желтый дрожащій свѣтъ скользилъ по его пепельнымъ губамъ, сквозившимъ въ рѣдкихъ усахъ, по блестящему острому носу, по большимъ лиловымъ яблокамъ закрытыхъ глазъ. Чувствуя чью-то близость, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе—хотѣлъ что-то сказать и пріоткрыть глаза. Но только дрогнуло его лицо. Можетъ, его пугалъ и беспокоилъ этотъ свѣтъ, эта черная дрожащая тьма, напоминающая церковь? И старуха, думая, что до конца еще далеко,

тихо вынула свѣчу изъ рукъ Аверкія и, дунувъ на нее, сѣла возлѣ него.

И въ тишинѣ, въ темнотѣ Аверкію стало легче. Представился ему лѣтній день, лѣтній вѣтеръ въ зеленыхъ поляхъ, косогоръ за селомъ и на немъ—его могила... Кто это такъ звонко и такъ жутко кричитъ, причитаегъ надъ нею?

— Родимый ты мой батюшка, что жъ ты себѣ сдумалъ, что ты надъ нами сдѣлалъ? Кто жъ будетъ нами печалиться, кто будетъ заботиться? Родимый ты мой батюшка, я шла мимо вашего двора: никто меня не встрѣтилъ, никто не привѣтилъ! Я, бывало, батюшка, иду мимо васъ—ты меня встрѣчаешь, ты меня привѣчаешь! Ужъ ты грянь, громушекъ, просвѣтися, молонья, разступися, мать-сыра земля! Ужъ вы дуньте, вѣтры буйные,—вы раздуйте золотую парчу, распахните мово батюшку!

— Ахъ, это дочь!—подумалъ Аверкій съ радостью, съ нѣжностью, съ затрепетавшей въ груди сладкой надеждой на что-то...

Умеръ онъ въ тихой, темной избѣ, за окошечкомъ которой смутно бѣлѣлъ первый снѣгъ, такъ неслышно, что старуха и не замѣтила.

ПСАЛЪМА.

Я эту псалму, этотъ южно-русскій сказъ слышалъ въ херсонскихъ плавняхъ, въ низовьяхъ Днѣпра, въ теплый и темный весенній вечеръ.

Сказывалъ и пѣлъ лирникъ Родіонъ, молодой нищій изъ-подъ кievскаго города Василькова, рябой слѣпецъ, безъ поводыря странствовавшій куда Богъ на душу положить: отъ Гадяча на Сулу, отъ Лубенъ на Умань, отъ Хортицы къ гирламъ, къ лиманамъ...

Изъ конца въ конецъ Малороссіи странствовалъ и я въ ту весну. Весна выдалась ранняя. На сѣверѣ она была ясная, прохладная, съ звонкими «суховіями», съ изумрудомъ озимей, съ голыми метлами хуторскихъ тополей, далеко видныхъ среди степныхъ равнинъ, гдѣ, какъ въ морѣ, были малы и терялись люди, пахавшіе на волахъ подъ яровое. А на югѣ тополя уже одѣлись, зеленѣли и церковно благоухали: пробѣгали надъ ними первыя апрѣльскія грозы. Розовымъ цвѣтомъ цвѣли сады, празднично бѣлѣли большія старинныя села, пестро наряжались молодыя казачки; еще недавно смолкъ кievскій пасхальный звонъ, на травѣ подъ вѣтряками еще валялась скорлупа крашенныхъ яицъ.

Въ гирлахъ днемъ было знойно, много стрекозъ вилоось надъ очеретомъ, много «скиглило» рыбалокъ, отражав-

шихся въ серебристых разливахъ теплаго Днѣпра. Теплы и темны были ночи.

Отъ Херсона въ Никополь я плылъ на пароходѣ «Олеги», грязномъ, ветхомъ и необыкновенно людномъ. Весь дрожа, шумя колесами, медленно тянулся онъ среди необозримыхъ зарослей и полноводныхъ затоновъ. Въ первомъ классѣ «Олега» никого не было, кромѣ какой-то дѣвицы, знакомой капитана, державшейся особнякомъ, подобно всѣмъ путешествующимъ бесплатно. Во второмъ было нѣсколько евреевъ, съ утра до ночи игравшихъ въ карты, и все молчалъ, все прогуливался и ровно ничего не требовалъ въ буфетѣ актеръ съ безстрастно-печальными глазами и синей щетиной на блѣдно-сѣромъ лицѣ. А въ третьемъ, на нижней палубѣ, набилось душъ пятьсотъ хохлушекъ, переправляемыхъ весною съ мѣста на мѣсто, подобно рабочему скоту.

Днемъ у нихъ было страшно тѣсно и жарко; днемъ онѣ ѣли, пили и спали. Вечерами долго пѣли.

Въ эти сумерки я лежалъ на скамьѣ, на верхней палубѣ, глядя въ темнѣвшее небо. По палубѣ бродила, останавливалась и притворялась залюбовавшейся облаками на закатѣ знакомая капитана. Она накинута на голову, на модную прическу въ несмѣтныхъ шпилькахъ и гребняхъ, зеленый газъ, тонкій, какъ паутина, обвила его концы вокругъ шеи, и сумеречный вѣтерокъ чуть игралъ ими. Она была въ прозрачной кофточкѣ, высока и такъ хрупка станомъ, что казалось, вотъ-вотъ онъ переломится. Одной рукой она придерживала газъ, другой—подолъ юбки, обтягивая и дѣлая стройнѣй ноги, и покусывала губы, стараясь придать имъ свѣжесть и яркость. А за нею все время слѣдилъ актеръ.

Актеръ бокомъ прислонился къ скамьѣ, закинулъ ногу на ногу, какъ бы показывая, что онъ ничуть не стѣсняется своими ужасными ботинками. Онъ поднялъ ворот-

никъ клѣтчатого пальто съ широкимъ хлястикомъ на поясицѣ, радвинулъ на лобъ широкополую шляпу и, шевеля тросточкой, поводилъ глазами. Въ первый день плаванія мы попробовали разговориться—и смолкли, почувствовавъ другъ къ другу ненависть. Онъ оказался однимъ изъ тѣхъ, что переносятъ только слушателей, а не собесѣдниковъ. Онъ могъ говорить только о себѣ и объ искусствѣ. Малороссію, ея пѣсни, ея весеннюю красоту онъ опредѣлилъ однимъ словомъ: «Примитивно». Знакомую капитана назвалъ выдрой.

Она гуляла, останавливалась, будто и не замѣчала его. Но взгляды изъ-подъ широкополой шляпы дѣлались все пристальнѣе. Внезапно вздрогнувъ, какъ бы отъ вечерней свѣжести, она вскинула брови, подхватила подолъ и съ беззаботнымъ видомъ побѣжала по трапу внизъ. И, прикрывъ глаза, актеръ притворился дремлющимъ. За мѣткой чернотой вѣтряковъ и косогородовъ, слившихся съ затопами, съ густыми камышами, медленно блекли въ чемъ-то сумрачно-аломъ слабыя очертанія мутно-синихъ облаковъ. Въ вышинѣ, сквозь темный флеръ дыма, проступали мелкія, блѣдныя звѣзды. «Олеги», дымя, дрожалъ и однообразно шумѣлъ колесами... И вотъ, въ полслуха, стройнымъ хоромъ запѣли на нижней палубѣ хохлушки, выпавшія за день.

Я въ тѣ годы былъ влюбленъ въ Малороссію, въ ея рѣки, въ ея села и степи, жадно искалъ сближенія съ ея прелестнымъ народомъ, жадно слушалъ пѣсни, душу его. Пѣлъ онъ чаще всего меланхолически, какъ и подобаетъ сыну степей и славнаго прошлаго; пѣлъ на церковный ладъ, какъ и долженъ пѣть тотъ, кто помнить не дни и не годы, а цѣлые вѣка, и чье рожденіе, трудъ, любовь, семья, старость и смерть—служеніе; пѣлъ то гордо, то строго, какъ потомокъ героевъ, а порою съ той глубокой и сдержанной нѣжностью, которая дается только силой. Въ

людныхъ степяхъ, на ярмаркахъ, въ передвиженіяхъ гуртами на работы еще сопровождали его бандуристы и лирники, наводившіе мужчинъ на воспоминація о былой вольности, о казацкихъ походахъ, о чумакахъ и Азовѣ, а женщинъ—на пѣвучія думы о разлукѣ съ сыновьями, съ мужьями, съ любимыми. Богъ благословилъ меня счастьемъ видѣть и слышать многихъ изъ этихъ странниковъ, вся жизнь которыхъ была мечтой и пѣсней, душѣ которыхъ были одинаково близки и вчерашній день, и дни Богдана, и дни Сѣчи, и дни Святополка,—тѣ, за которыми уже проступаетъ синева Карпатскихъ хребтовъ, и близки древнеславянскія, придунайскія низменности. Родіонъ былъ молодъ и неизвѣстенъ. Онъ случайно пристрлялъ къ женщинамъ, плывшимъ отъ Херсона въ Никополь, въ Александровскъ, и говорилъ, что даже не считаетъ себя пѣвцомъ. Но пѣвецъ онъ былъ удивительный. Если онъ еще живъ,—Богъ, вѣрно, далъ ему старость счастливую и отрадную за ту радость, что давалъ онъ людямъ.

Слѣпые—народъ сложный, тяжелый; или преступный, или не въ мѣру благочестивый, вѣчно жалующійся на свою нищету, любящій лохмотья и корыстный. Родіонъ не похожъ былъ на слѣпца. Простой, открытый, онъ совмѣщалъ въ себѣ все: и строгость, и нѣжность, и горячую вѣру, и безвѣріе, и серьезность, и беззаботность. Онъ пѣлъ и псалмы, и думы, и про Божию Матерь, и про Хому, и легкость, съ которой онъ мѣнялся, которая была бы въ другомъ неприятна, въ немъ была очаровательна: онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, все существо которыхъ—умъ, талантъ, чуткость и мѣра. Если бы онъ снялъ съ плеча свой холщевый мѣшокъ, никто и не подумалъ бы, что это нищій: такъ чистъ и опрятенъ былъ онъ. Голова у него была небольшая, темные волосы, ровно подрубленные въ кружокъ, закрывали половину лба.

Сухое рябое лицо съ закрытыми и глубоко запавшими вѣками обычно ничего не выражало. Но когда онъ говорилъ или пѣлъ, онъ однѣми бровями и улыбками, озарявшими его лицо на сотни ладовъ, выражалъ самыя тончайшія и разнообразнѣйшія чувства и мысли. Ростомъ онъ былъ невеликъ, плечи имѣлъ узкія, покатыя и худощавыя, пальцы сухіе и цѣпкіе. Носилъ короткую и толстую сермяжную свитку, огромные сапоги. И чудесно, по-славянски краснѣла ленточка, которой завязывалъ онъ воротъ своей сорочки изъ суроваго холста.

Вечерами на «Олегѣ» онъ всегда пѣлъ или прежде, или послѣ всѣхъ.

Въ этотъ вечеръ начали женщины—со старинной казацкой пѣсни о сынѣ и матери, ласково и безнадежно уговаривавшей его не губить своей молодости задаромъ, ради одной удали. Мать съ сыномъ бесѣдовали—и бесѣда ихъ, такая наивная, у всякаго могла бы вызвать улыбку, если бы не въ эту протяжную, спокойную и грустную пѣсню выливалась она.

— Ой ты, сыну, мій сынъ, ты, дытына моя!—ласково укоряла мать, уговаривая сына не пить.

— Якъ горилки напьюсь, то й ума наберусь,—отвѣчала ей сынъ беззаботно, но съ такой безнадежностью, съ такой твердой вѣрой въ неизбежность гибели, что не до улыбки было слушателю.

Кончивъ одну пѣсню, женщины долго не запѣвали другой: запѣли-было въ три голоса мѣщанскую, про «баламутовъ», и бросили, точно чувствуя, что актеръ сталъ сквозь зубы подтягивать. Родіонъ,—онъ сидѣлъ на открытомъ мѣстѣ, на кормѣ, близко отъ меня,—вполголоса занялъ первыя строки пѣсни, еще болѣе старой, чѣмъ о матери и сынѣ:

— Край Дунаю трава шумыть, а въ тій трави козакъ лежыть...

— Варко! Люде сплять? — окликнулъ онъ кого-то, видимо, повторяя что-то всѣмъ извѣстное, ставшее смѣшнымъ—и ему отвѣтили сдержаннымъ радостнымъ смѣхомъ.

И долго только шутки, тихій говоръ слышались въ дремотѣ теплаго и темнаго вечера, среди ровнаго, ночного шума колесъ. Кое-гдѣ по темнымъ берегамъ мелькали поздніе огоньки. Вдали, на чуть видномъ затонѣ, сливавшемся съ черными камышами, ночной рыбакъ лучилъ рыбу: спокойное отраженіе его огня было похоже на большую восковую свѣчу. Кто-то заговорилъ о Кіевѣ, о базарахъ на Подолѣ. Можетъ быть, глядя на это отраженіе, вспомнили о Софіевскомъ соборѣ, о Михайловскомъ и стали съ умиленіемъ дивиться ихъ красотѣ и ужасаться картинамъ Страшнаго Суда, которыми славятся многія кіевскія церкви. Тогда, какъ бы продолжая эту мѣрную рѣчь, въ лады ей, медленно и пѣвуче заняла, заскрежетала и зажужжала старая лира Родіона.

Онъ какъ бы перебиралъ въ своей памяти картины церквей, соборовъ, проходовъ подъ златоверхими колокольнями, темныхъ и тѣсныхъ полуподземныхъ придѣловъ. И, дойдя до картинъ судныхъ, усилилъ тонъ: лира его зажужжала и запѣла смѣлѣе, тверже. Послышались вздохи, слабыя восклицанія нѣжности и грусти. И онъ еще усилилъ—и сквозь восточную, степную меланхолію его мотива ясно проступило подобіе средневѣковаго органнаго хора. Онъ овладѣлъ собою, овладѣлъ слушательницами—и сталъ имъ, матерямъ и невѣстамъ, скзывать то, что такъ близко было имъ,—о сиротѣ и о мачехѣ,—мѣшая органная угрозы и назиданія съ пѣсней и мягкими славянскими укорами.

— Ой, зашумили лугы ще й быстрия рики!—вздохнулъ и строго сказалъ онъ, возвысивъ голосъ и заглушивъ лиру.

И пояснилъ, снова уступая мѣсто ея звенящему жужжанію:

— Померла матинка—зосталыся диты...

Потомъ онъ просто и серьезно сталъ напоминать женскому сердцу, и безпощадному, и жалостливому, какова она, эта сиротская доля. Отець,—сказалъ онъ,—тотъ утѣшится:

— Отець жону знайде, буде въ пари жыты...

А сиротамъ никто не замѣнитъ родной матери:

— Нещасни сыритки—ти пидуть службыты...

Но не спасеть ихъ,—сказалъ онъ,—никакая служба, никакая работа:

— Що сырота робыть,—робота ни за що, а люде говорять: сырота ледащо. Що сырота робыть,—робота не мила, а мачуха судыть: сырота ливыва...

Однимъ тономъ словъ и лиры онъ далъ трогательный образъ сироты, этого всѣмъ чужого, покорнаго ребенка, этой стриженной, босой, въ грязной сорочкѣ и старенькой плахтѣ дѣвочки. Она долго опускала заплаканные глазки, долго надѣялась терпѣніемъ и непосильнымъ трудомъ снискать хотя бы милость мачехи,—но напрасно: даже родной отецъ, боясь этой безжалостной, хозяйственной женщины, избѣгалъ глядѣть на свою сироту. А если ужъ родному отцу въ тягость собственное дитя, то гдѣ же правда, гдѣ справедливость, гдѣ состраданіе? Ихъ надо искать по свѣту, по міру, гдѣ-то тамъ, куда скрылась мать, сердце матери, единственный нескудбѣющій источникъ нѣжности... И опять со вздоха возвышая свой грудной, степной голосъ, опять усиливая звенящій тонъ лиры, Родіонъ продолжалъ:

— Ой, пишла сыритка темными лугами,—вмывається сыритка дрибными сльозами. Не могла сыритка мачуси вгодыты,—ой, пишла сыритка по свиту блудыты: по свиту блукаты, матинки шукаты...

Сынъ народа, еще не раздѣляющаго земли и неба, онъ просто и кратко разсказалъ о страшной встрѣчѣ грязной и босой дѣвочки,—о встрѣчѣ ея въ темныхъ лугахъ и о бесѣдѣ ея съ Самимъ Господомъ:

— Тай зустривъ ии Господь, ставъ ии пытаты: «Куда йдешъ, сыритка?» — «Матери шукаты». — «Ой, не йди, сыритка,—бо далеко зайдешъ, вже жъ своей матинкы й по викъ не знайдешъ: бо твоя матинка на высокій гори, тило спочывае у смутному гроби»...

Съ нѣжностью, но все такъ же просто передалъ онъ и жуткое свиданіе, горькую «розмову» сироты съ матерью,—съ Ангеломъ, отзывавшемся изъ могилы за усопшую:

— Ой, пишла сыритка на той гробъ рыдаты,—чи не обизвется зъ гробу ридна маты? Обизвався Янголь, якъ ридная маты, та й ставъ ии стыхо, словесно пытаты: «Хто це гирко плаче на моему гроби?» — «Охъ, це я, матинка: приймы мене къ соби!» — «Насыпано зѣмли, що вже я не встану, склепылыся очи, вже й на свить не гляну. Охъ, якъ тяжко, важко каминня глодаты! А ще й тяжче, важче тебе къ соби взяты: нема жъ тутъ, сыритко, ни исты, ни пыты,—тильки веливъ Господь въ сырій земли гныты. Пишла бъ ты, сыритко, мачухы бъ просыла: може бъ змылувалася—сорочку пошыла»...

И съ непередаваемой трогательностью отвѣтилъ ребенокъ Ангелу-Матери:

— Я жъ ии просыла, я жъ ии годыла! А злая мачуха сорочки не шыла...

Какъ всѣ истинные художники, Родіонъ,—или не Родіонъ, а народъ, устами котораго онъ говорилъ,—зналъ силу этой простоты, зналъ, что въ простомъ кроется самое драгоценное, что есть въ сердцѣ человѣка. Онъ сказалъ и смолкъ, опутивъ незрячія очи и наслаждаясь тѣми счастливыми вздохами, которыми сопровождаются горькія и обильныя слезы. И, насладившись, опять грозно

и радостно возвысилъ голосъ—и развернулъ уже инья картины—картины суда, жестокаго возмездія:

— Посылае Господь-Богъ Янголивъ одъ Себе,—сказалъ онъ торжественно, чистымъ и звонкимъ голосомъ:—визмитъ ту сыритку до ясного неба! Посадыть сыритку у свитлому раю, у Господа-Бога, у чести и слави!

И со скрежетомъ и звономъ лиры далеко разлилъ свой зазвенѣвшій отъ радостнаго гнѣва плачь:

— Посылае Господь-Богъ пекельныхъ зъ пекла—по злую мачуху и по ии душу: «Злитайтесь, пекельни, изъ ливого боку, а тягнить мачуху зализніимъ гакомъ! Пиднимить мачуху у гору високо, закъните мачуху у пекло глыбоко!..»

Кончивъ, онъ опять помолчалъ и твердо сказалъ обычнымъ голосомъ, безъ лиры:

— Слушайте жъ, люде: хто сироты мае,—нехай доглядае й на путь наставляе.

И, сказавъ, уже не нарушилъ молчанія ни единымъ добавленіемъ: только долго покрывалъ свои послѣднія слова однообразнымъ и меланхолическимъ нытьемъ, ропотомъ лиры, какъ бы смягчая силу впечатлѣнія, какъ бы снова уходя къ востоку, къ степямъ, къ Азіи...

Актеръ спалъ, прислонясь къ скамьѣ. Выходила большая теплая луна,—видно было его лицо, грустное во снѣ. Тускло золотились подъ луною дальнія чащи черныхъ камышей. Широкий золотой столбъ уходилъ въ зеркальную глубину между ними, и жабы, чувствуя лунный свѣтъ, начали сладострастно, изнемогая, стонать въ нихъ. Слѣдуя изгибамъ затоновъ, «Олеги» поворачивалъ, и тянуло то тепломъ, то сыростью, свѣжестью и гнилью — весною, плавнями. Только крупныя звѣзды остались надо мною, и дымъ поднимался къ нимъ прямѣй, выше...

А записывалъ я псалму про сироту въ Никополѣ, въ жаркій полдень, среди многолюднаго базара, среди

телѣтъ и воловъ, запаха ихъ помета и сѣна, сидя на землѣ. Диктоваль Родіонъ ласково и снисходительно, повторяя одно и то же по нѣскольку разъ, и порою останавливался, сдерживая легкую досаду, порою поощрялъ меня, какъ старательнаго, но малоспособнаго ученика. Когда мы кончили, онъ долго что-то додумываль, и солнце пекло его непокрытую голову. Потомъ съ тонкой улыбкой намекнулъ насчетъ корчмы. Я положилъ въ его ладонь нѣсколько пятаковъ. Онъ быстро зажалъ ихъ, быстро приподнялся, взявъ лиру подъ-мышку, и, поймавъ мою руку, радостно и осторожно поцѣловаль ее.

В Ъ Р А.

Въ лунный осенній вечеръ, сырой и холодный, Стрешневъ приказаль осѣдлать лошадь.

Лунный свѣтъ полосой голубого дыма падалъ въ продолговатое окошечко темнаго денника, самоцвѣтнымъ и мнемъ зажигая глазъ верховаго мерина. Работникъ накиннулъ на него узду и тяжелое, высокое казацкое сѣдло, вытащилъ его за поводъ изъ конюшни, узломъ закрутилъ ему хвостъ. Меринъ былъ покорень. Только глубоко, раздувая ребра, вздохнулъ, когда почувствовалъ подпруги. Одна подпруга была оборвана. Работникъ едва вдѣлъ ее въ пряжку и затянулъ зубами.

Кургузый, подъ сѣдломъ, меринъ сталъ щеголеватѣй. Доведа его до дома, до крыльца, работникъ замоталь поводъ вокругъ гнилаго столба и ушелъ. Меринъ долго щеплялъ, грызъ желтымъ зубомъ столбъ. Иногда дулся, нылъ и ревѣлъ нутромъ. Въ лужѣ возлѣ него зеленовато отражалась неполная луна. Въ рѣдкомъ саду осѣдалъ прозрачный туманъ.

Стрешневъ, держа въ рукѣ арапникъ, вышелъ на крыльцо. Горбоносый, съ маленькой, откинутой назадъ головой, сухой, широкоплечій, онъ былъ тоже высокъ и по-охотничьи щеголеватъ, въ коричневой поддевкѣ, перетянутой по тонкой талии ремнемъ съ серебрянымъ на-

боромъ, въ казачьей шапкѣ съ краснымъ верхомъ. Но и при лунѣ было видно, что ему подъ сорокъ, что у него поблекшее, обвѣтренное лицо, жесткая кудрявая борода съ просѣдью и жилистая шея, что длинные сапоги его стары, на полахъ поддевки—темныя пятна давно засохшей крови, къ которой прилипла заячья шерсть.

Въ темпомъ окнѣ возлѣ крыльца открылась форточка. Робкій голосъ спросилъ:

— Андрюша, ты куда?

— Я не маленькій, мамаша,—сказалъ Стрешневъ, берясь за поводъ.

Форточка закрылась. Но въ сѣняхъ стукнула дверь. Шлепая туфлями, на порогъ вышелъ Павелъ Стрешневъ, одутловатый, съ запухшими глазами, съ зачесанными назадъ матово-сѣдыми волосами, въ бѣльѣ и старомъ лѣтнемъ пальто, какъ всегда, полуньяный и болтливый.

— Ты куда, Андрей?—хрипло спросилъ онъ.—Прошу передать мой душевный привѣтъ Вѣрѣ Алексѣевнѣ. Я всегда глубоко уважалъ ее.

— Кого ты можешь уважать?—отвѣтилъ Стрешневъ.— И какъ тебѣ не стыдно. Что ты лѣзешь постоянно не въ свое дѣло.

— А! Значитъ, я не далеко отъ истины,—сказалъ Павелъ.—На прощальное свиданіе спѣшить любовникъ молодой...

Стрешневъ, стиснувъ зубы, сталъ садиться. Какъ только нога его коснулась стремени, меринъ ожилъ, тяжело завертѣлся. Улучивъ минуту, Стрешневъ легко поднялся и грузно опустился на заскрипѣвшій арчакъ. Меринъ задралъ голову и, разбивъ копытами луну въ лужѣ, тронулъ бодрой иноходью.

Въ сырыхъ лунныхъ поляхъ тускло бѣлѣла полынь на межахъ. Большекрылыя совы безшумно, неожиданно взвивались съ межъ—и лошадь всхрапывала, шараялась.

Дорога вошла въ мелкій лѣсъ, мертвый, холодный отъ луны и росы. Луна, яркая, но точно мокрая, мелькала по голымъ верхушкамъ, и голые сучья сливались съ ея влажнымъ блескомъ, исчезали въ немъ. Горько пахло осиновой корой, оврагами съ прѣлой листвою... Вотъ спускъ въ разлужья, какъ будто бездонныя, залитыя тонкимъ бѣлымъ паромъ. Бѣлымъ паромъ тяжело дышитъ и меринъ, пробираясь среди кустарниковъ, стеклянныхъ отъ росы. Хрустъ сучковъ подъ копытами отдается на той сторонѣ, въ высокомъ лѣсу, темнѣющемъ по скату горы. Вдругъ меринъ насторожилъ уши. Два плечистыхъ, толстогогорлыхъ, тонконогихъ волка стояли въ свѣтломъ дыму разлужья, среди грязи и лужъ. Близко подпустивъ Стрешнева, они взметнулись и неуклюжимъ галопомъ пошли въ гору, по бѣлой отъ изморози, радужно сіяющей травѣ.

— А если она еще на день останется?—сказалъ Стрешневъ, откидывая голову, глядя прямо на луну.

Луна стояла надъ пустынными серебристо-туманными лугами направо... Осенняя печаль и красота!

— Если такъ,—сказалъ Стрешневъ,—если такъ...

Меринъ, скрипя арчакомъ, натуживаясь и ноя сильнымъ вутромъ, поднимался въ частый высокій лѣсъ, по глубокой ложбинѣ размытой ручьями дороги, и вдругъ, оступившись, чуть не рухнулъ на землю. Стрешневъ яростно перекошилъ лицо и со всей силы ударилъ его по головѣ арашникомъ.

— У, старая собака!—крикнулъ онъ съ тоскливой злобой на весь звонкій лѣсъ.

За лѣсомъ широко открылись пустыя поля. На огромномъ скатѣ, среди темныхъ гречишныхъ жнивій, стояла бѣдная усадьба, кое-какія службы, домъ, крытый соломой. За домомъ спускался къ пруду изсохшій садъ, низкія искривленные яблони, голыя палки прививокъ. Какъ печальны онѣ при лунѣ! Стрешневъ остановился. Каза-

лось, что поздно, поздно,—такъ тихо было кругомъ. Онъ объѣхалъ домъ. Домъ былъ темень. Бросивъ поводъ, Стрешневъ соскочилъ съ сѣдла. Меринъ остался стоять съ покорно опущенной головой. На крыльцѣ, положивъ морду на лапы, калачикомъ свернулась старая гончая собака. Она не двинулась, только посмотрѣла, поднявъ брови, и съ слабымъ привѣтомъ постучала хвостомъ. Стрешневъ вошелъ въ сѣни, пахнуція изъ чулана старымъ отхожимъ мѣстомъ. Въ передней былъ сумракъ; стекла, въ холодномъ поту, золотились. Изъ темнаго коридора безшумно выбѣжала небольшая женщина, въ легкомъ свѣтломъ капотѣ. Стрешневъ наклонился. Она быстро и крѣпко обвила его сухую шею обнажившимися руками и радостно, тихо заплакала, прижимая голову къ жесткому сукну поддевки. Слышно было, какъ по-дѣтски бьется ея уже немолодое сердце, чувствовался крестикъ на ея груди, золотой, бабушкинъ—последнее богатство.

— Ты до завтра?—быстрымъ шопотомъ спросила она.— Да? Я не вѣрю своему счастью!

— Я пойду, Вѣра, лошадь убрать,—сказалъ Стрешневъ, освобождаясь.—До завтра, до завтра,—сказалъ онъ, думая: «Боже мой, съ каждымъ днемъ все восторженнѣй, все ревнивѣй, все несноснѣй! А какъ она много курить, какъ неумѣренна въ ласкахъ! И жалко вретъ, думая возбудить во мнѣ зависть, рассказывая, что за ней ухаживаютъ... О!—подумалъ онъ, внезапно озлобляясь.—Видѣть не могу!»

Лицо Вѣры было нѣжно, бархатисто отъ пудры. Она осторожно проводила щекой по его губамъ, потомъ крѣпко цѣловала въ губы мягкими губами. Крестъ блестѣлъ на ея раскрытой груди. Она надѣла тончайшую сорочку—завѣтную, хранимую для самыхъ важныхъ моментовъ, единственную. Голыя бедра ея были холодны. «Какъ твердо зналъ я,—думалъ Стрешневъ, стараясь возбудить себя, вспомнить ее молоденькой дѣвушкой,—какъ я твердо

зналъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, что отдамъ, ни минуты не колеблясь, пятнадцать лѣтъ жизни за одно свиданіе!»

Передъ разсвѣтомъ на полу возлѣ постели горѣла свѣча. Стрешневъ, длинный, въ сапогахъ и шароварахъ, въ разстегнутой косовороткѣ, спалъ на спинѣ, важно отклонивъ въ сумракъ маленькое горбоносое лицо, закинувъ за голову руки. Вѣра сидѣла возлѣ него, облокотясь на колѣно. Блестяція глаза ея были красны, опухли отъ слезъ. Она курила и тупо глядѣла въ полъ. Она положила ногу на ногу. Маленькая нога ея въ черномъ чулкѣ и легкой, дорогой ботинкѣ, очень нравилась ей. Но боль сердца была слишкомъ сильна.

— Я для тебя всею пожертвовала,—тихо сказала она, и губы ея опять задрожали.

Стрешневъ уже тысячу разъ слышалъ это. Но въ голосѣ ея было столько нѣжности, дѣтскаго горя! Однако, открывая глаза, онъ важно, холодно спросилъ:

— Чѣмъ ты пожертвовала?

— Всею, всею. И прежде всего здоровьемъ, молодостью...

— Мы съ тобой не Богъ вѣсть какъ молоды.

— Какой ты грубый, не чуткій!—ласково сказала она.

— Во всемъ мѣрѣ, все женщины говорятъ одно и то же. Любимое слово, только произносимое разное. Сперва съ восторгомъ, съ восхищеніемъ: «Ты такой умный, чуткій!» Потомъ: «Какой ты грубый, не чуткій!»

На этотъ разъ она не стала спорить. Тихо плача, она продолжала, какъ бы не слушая:

— Пусть изъ меня ничего не вышло. Но музыку я любила и люблю страстно и хоть немногаго, но добилась бы...

— Ахъ, не музыку. И какъ только Падарскій...

— Грубо, Андрюша... А теперь я—жалкая институтская таперша и гдѣ же! Въ томъ самомъ проклятомъ городѣ, который я всегда такъ ненавидѣла, какъ ненавижу

всѣ, всѣ эти бѣлые, пыльные губернскіе города! Каждый отпускъ мнѣ стоитъ столькожъ униженій, лжи, лести... Пойми—я два года не разговариваю съ родной матерью! Ты думаешь, она не знаетъ? А развѣ я не могла бы и теперь еще найти человѣка, который далъ бы мнѣ покой, семью и любилъ и уважалъ бы меня? Боже, какъ я страшно измѣнилась, поблекла! Гдѣ мой стыдъ, гордость!

Стрешневъ закурилъ, сталъ отвѣчать медленно, раздѣляя слова:

— Вѣра, я не гожусь для романа. Я старикъ, мнѣ стыдно... Мы, русскіе, не умѣемъ любить. Это отравка для насъ, мы этого не переносимъ, какъ вотъ никотинъ нѣкоторыя натуры... И это я, а не ты, загубилъ себя. Пятнадцать, шестнадцать лѣтъ тому назадъ я пріѣзжалъ сюда каждый день и готовъ былъ почевать у твоего порога... Мы, дворянскія дѣти, поздно развиваемся. Я и тогда былъ еще мальчишка, восторженный и нѣжный дуралей. Я тебя любилъ еще подросткомъ. Подросткомъ я остался и въ двадцать четыре года...

Папироска потухла. Онъ далеко отшвырнулъ ее, уронилъ руку вдоль тѣла, глядя въ потолокъ.

— У дѣда изъ потайнаго ящичка бюро я укралъ женское золотое колечко—онъ, говорятъ, нашелъ его въ склепѣ, въ пращѣдовской могилѣ. Любовь пращѣдовъ, тѣхъ, что поблекли въ овальныхъ рамкахъ съ золотой бумажкой вокругъ синей, тѣхъ, огаревскихъ дней, когда «шиповникъ алый цвѣлъ, стояла темныхъ липъ аллея»... Образъ Гурія, Самона и Авива, покровителей нашихъ древнихъ семей, въ серебряномъ окладѣ черкасской работы... Кому, какъ не намъ съ тобой, назначалось это? Я, дуракъ, стихи писалъ!

Любя тебя, мечталъ я о мечтавшихъ,
Любившихъ здѣсь сто лѣтъ тому назадъ—
И по ночамъ сходилъ въ заглохшій садъ,
При свѣтѣ звѣздъ, ихъ нѣкогда выдавшихъ...

Онъ взглянулъ на Вѣру. Лицо ея показалось ему сухо. Онъ заговорилъ рѣзче:

— Зачѣмъ ты ушла—и за кѣмъ!—изъ своего рода, изъ своего племени? Мы должны умереть въ немъ. Будь мы трижды прокляты, но это такъ! Сколько сумасшедшихъ отъ любви въ нашихъ, дворянскихъ, лѣтописяхъ! Но это лучше, лучше—мы для теперешнихъ распутныхъ романовъ не годимся.

Онъ приподнялся и сталъ въ упоръ, злыми глазами глядѣть на ея черныя сухія волосы:

— Я о тебѣ, съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, только какъ о женѣ думалъ. А когда насъ свела судьба? Во время? И по чьей винѣ? И чѣмъ ты мнѣ стала? Женой развѣ? А была молодость, радость, чистота, темный румянецъ, батистовая косоворотка... Пріѣзжать къ вамъ каждый день, видѣть твое платье, тоже батистовое, легкое, молодое, видѣть твои голыя руки, почти черныя отъ солнца и отъ крови нашихъ предковъ, татарскіе сіяющіе глаза—не видящіе меня глаза!—желтую розу въ угольныхъ волосахъ, твою тогда глупую, изумленную какую-то, но прелестную улыбку, даже то, какъ ты уходишь отъ меня по дорожкѣ сада, думая о другомъ, а притворяясь, что играешь, гонишь крокетный шаръ, слышать оскорбительныя фразы твоей матери съ балкона—это было для меня...

— Она, а не я во всемъ виновата,—съ трудомъ сказала Вѣра.

— Все равно... Помнишь, какъ ты въ первый разъ уѣзжала въ Москву, собиралась, разсѣянно пѣла что-то, не видя меня, поглощенная своими мечтами, увѣренностью въ счастья? Я васъ поѣхалъ провожать верхомъ, въ ясный холодный вечеръ... Блестѣли яркія зеленыя, розовѣли жнивья и занавѣска въ открытомъ окнѣ перваго класса... Ты, нищая, казалась мнѣ тогда самой богатой, самой высококороченной дѣвушкой... Ахъ, будь они прокляты,

эти Тургеневы!—сказаль Стрешневъ и опять легъ на подушку.—Отъ твоей руки, чуть пахнувшей вербеной, остался запахъ и на моей рукѣ. Онъ смѣшался съ запахомъ сыромятнаго повода, сѣдла, пота лошади—и я цѣловаль свою ладонь, ѣхаль въ сумеркахъ, по большой дорогѣ, чувствовалъ всю тебя, до послѣдняго изгиба тѣла, до малѣйшаго отгѣнка въ голосѣ—и плакаль... Если ужъ кто пожертвоваль всѣмъ, всей своей жизнью, такъ это я, старый пьяница, пошлѣйшій типъ!

И, чувствуя на губахъ соленыя слезы, катившіяся по щекамъ, по усамъ, Стрешневъ скинулъ съ постели сапоги и вышелъ вонъ изъ комнаты.

Луна садилась. Бѣлый рыхлый туманъ стояль подъ скатомъ, мертвенно синѣя. Далеко за нимъ занималась багряная заря. Далеко, въ холодномъ потемнѣвшемъ лѣсу, пѣль пѣтухъ въ сѣнцахъ караульщика.

Стрешневъ сѣлъ на ступеньки крыльца, чувствуя, какъ обливаель холодной сыростью его тѣло подъ тонкой рубашкой.

— А потомъ, конечно, роли перемѣнились,—сказаль онъ тихо, съ отвращеніемъ.—Я ненавижу ее, какъ собаку! Ну, да теперь все равно. Конецъ...

Утромъ пили чай съ кренделями въ холодной прихожей, на огромномъ сундукѣ. Самоваръ стояль на немъ нечищенный, позеленѣвшій, давно потухшій. Холодный потъ, покрывавшій окно, сошелъ съ верхняго стекла. Виденъ былъ въ него солнечный блескъ морознаго утра, корявое дерево въ безцвѣтной, кое-гдѣ уцѣлѣвшей зелени. Босая, опухшая отъ сна рыжая дѣвка вошла и сказала:

— Митрей пріѣхаль.

— Подождеть,—отвѣтилъ Стрешневъ, не поднимая глазъ.

Не поднимала глазъ и Вѣра. Лицо ея похудѣло за ночь, подъ глазами и вокругъ вѣкъ былъ коричневый на-

леть. Черное платье дѣлало ее моложе и красивѣе, отъ черныхъ волосъ пудра на лицѣ казалась розовѣе. Сухое, жесткое лицо Стрешнева было мертвенно, откинута назадъ. Сквозь жесткую, курчаво-сѣрую бороду глядѣль большой кадыкъ.

На дворѣ слѣпило низкое солнце. Все крыльцо было сѣдое отъ мороза. Морозъ солью лежалъ на травѣ, на сизо-зеленыхъ раковинахъ капустныхъ листьевъ, раскиданныхъ по двору. Мужикъ, съ оловянными глазами, пріѣхавшій къ крыльцу въ телѣгѣ, набитой соломой, тоже зашпдевѣвшей, ходилъ вокругъ телѣги, уминаль солому, держа въ зубахъ трубку, и черезъ плечо его тянулъ сиреневый дымъ. Вѣра вышла на крыльцо въ дорогой и легкой, но уже ветхой старомодной шубѣ и въ лѣтней шляпкѣ изъ черной соломы съ жесткими, ржаво-атласными цвѣтами.

Проводилъ ее Стрѣшневъ по отпотѣвшимъ проселочнымъ дорогамъ до большой дороги. Ёхаль за телѣгой. Меринъ тянулъ къ соломѣ. Онъ стегаль его по мордѣ арапникомъ, меринъ задираль голову и трудно хрипѣль нутромъ. Плелись шагомъ и молчали. Сзади бѣжала увязавшаяся за Стрѣшневымъ старая гончая собака. Низкое солнце пригрѣвало, небо было легкое, ясное.

Возлѣ большой дороги мужикъ неожиданно сказаль:

— А, я, барышня, опять пригоню на лѣто къ вамъ своего мальчишку. Я его опять къ вамъ въ пастушата предназначилъ. Скажите за ради Бога мамашѣ. Онъ хушь малъ, а денежки все покалбываетъ да покалбываетъ.

Вѣра обернулась съ застѣнчивой улыбкой. Стрешневъ сняль шапку, наклонилъ съ сѣдла, взяль ея руку и поцѣловаль долгимъ поцѣлуемъ. Она прильнула губами къ его сѣдѣющей головѣ, тихо сказала:

— Будь здоровъ, дорогой. Не поминай лихомъ.

По большой дорогѣ мужикъ загремѣль телѣгой, поѣхаль рысью. Стрешневъ повернулъ, поѣхаль назадъ безъ

дороги, по жнивьямъ. Собака издали сопровождала его, четко видная среди золотыхъ полей. Онъ останавливался, грозилъ ей арапникомъ. Она тоже останавливалась, сидела. — «Куда же я пойду?» — какъ бы спрашивала она. И какъ только онъ трогался, опять неслѣшной рысцей бѣжала за нимъ. Думалъ онъ о далекой станціи, блестящихъ рельсахъ, дымъ уходящаго къ югу поѣзда...

Въ голыхъ, блѣдно-зеленыхъ, мѣстами каменистыхъ лугахъ, куда онъ спустился, было почти жарко. Беззвучно сиялъ осенній день голубымъ чистымъ небомъ надъ головою. Великая тишина стояла надъ пустыми полями, надъ оврагами, надо всей великой русской степью. Медленно плыла по воздуху вата съ татарокъ, съ изсохшихъ репьевъ. На репьяхъ сидѣли щеглы. Такъ они будутъ сидѣть цѣлый день, только изрѣдка перелетая, перенося свою тихую, прелестную, можетъ быть, счастливую жизнь.

ВЕСНА.

Въ Княжѣмъ праздникъ—весна.

По утрамъ долго держится липкая ржавая роса въ заросляхъ сада, на кустахъ смородины, на крапивѣ и бурьянѣ за сараями. Днемъ жарко, весело, въ голубомъ небѣ круглятся бѣлыя красивыя облака. Припекаетъ облупившуюся желѣзную крышу дома, мохнатая бревенчатая стѣна его, черныя стекла оконъ. Въ слуховомъ окнѣ, противъ солнца, воркуютъ голуби. На сохнущемъ и разсыпающемся фундаментѣ, на сирени палисадника липнетъ много крупныхъ мухъ. Караковый жеребецъ князя стоитъ въ поварской противъ дома—въ длинной черной избѣ крѣпостныхъ временъ. Онъ безпокоится, не ѣстъ овса, насыпаннаго въ лотокъ на лавкѣ. Просунувъ голову въ окно безъ рамы, онъ глядитъ на широкій зазеленѣвшій дворъ и жалобно-страстно ржетъ.

Князь понемногу приходитъ въ себя послѣ долгой зимы. И эту зиму запивалъ онъ—все отъ одиночества, какъ говорятъ всѣ; когда бывалъ трезвъ, ходилъ на охоту, игралъ въ карты у лавочника, сидѣлъ въ людской съ работниками, случалось и обѣдалъ съ ними, а не то читалъ въ своемъ тепломъ кабинетѣ и часовъ въ шесть ложился спать. Теперь онъ выходитъ изъ дому чаще, отдаетъ распоряженія. Безстрастно восточное лицо его съ большими сѣдѣющими усами.

Князь вспомнилъ, что пора чистить, подметать садъ: ужъ таковъ споконъ вѣку обычай въ Княжѣмъ. И приказываетъ старостѣ пригнать дѣвокъ поденщицъ. Дѣвки весь день поютъ, сгребая листь по аллеямъ, по дорожкамъ, ихъ красные и желтые сарафаны мелькаютъ въ полуголомъ, нѣжно зеленѣющемъ саду. А вскорѣ веселѣетъ и домъ: растворены двери на крыльцо, лѣзутъ въ домъ собаки, раскраснѣвшая баба съ подоткнутымъ подоломъ и колѣнками цвѣта моркови бьетъ ихъ мокрой ветошкой, бѣгаетъ, согнувшись, среди ведеръ съ горячей водой; въ рамахъ, съ трескомъ выдираемыхъ ею, сверкаютъ на солнцѣ стекла и зеркальными зайчиками озаряютъ потолоки. Летятъ теплый, солнечный воздухъ въ комнаты, шумятъ воробьи на сирени возлѣ дома, замираетъ на горячемъ подоконникѣ первая бабочка... Князь, въ одной косовороткѣ, въ плисовыхъ, вытертыхъ шароварахъ и дегтярныхъ сапогахъ, ходитъ съ работниками по пасѣнкѣ за сараемъ, выставляетъ изъ омшанника колодки, полныя сердитаго и пѣвучаго жужжанія.

Въ воскресенье на Фоминой, какъ опять-таки ведется споконъ вѣку, молятся въ полѣ, на озимяхъ. Молится все село, заказываетъ молебенъ и платитъ изъ своихъ скудныхъ средствъ—князь.

Ночь наканунѣ холодная и лунная. Дѣвки поденщицы долго не спятъ, сидятъ на крыльцѣ людской, вполголоса поютъ и оговариваютъ другъ друга: грѣхъ, завтра праздникъ большой. Онѣ живутъ въ саду, въ банѣ, но нынче баню топили, князь купается. Когда онъ, накинувъ на плечи тулупъ, проходитъ туда въ лунномъ свѣтѣ по двору, онѣ бѣгутъ въ свѣтлый садъ, изъ сада—подъ окна бани и, даваясь тѣмъ особеннымъ таинственнымъ смѣхомъ, которыми смѣются женщины весной, въ лунныя ночи, заглядываютъ, швыряютъ въ стекла сучками. Князь съ медлительной усмѣшкой стучитъ кулакомъ въ стѣну. Купается

и кучеръ князя, Николай, въ той избѣ, гдѣ стоитъ жеребецъ: приносить туда два ведра, ставитъ на лавку зажженный огарокъ. Дѣвки подбѣгаютъ подъ окно безъ рамы, швыряютъ сучками и въ него. Косится на нихъ, шуршитъ мокрой соломой, накиданной на полу, упруго перебираетъ ногами обезпокоенный огнемъ жеребецъ, а Николай сидитъ на соломѣ возлѣ лотка и намываетъ голову. Услыхавъ смѣхъ и возню подъ окномъ, онъ вскакиваетъ и, съ серьезнымъ лицомъ, съ сѣдой отъ мыла головой, начинаетъ плясать, потрещивать себя по голымъ мокрымъ ляжкамъ.

Утро теплое, солнечное. Пріятно, когда звонятъ колокола въ такое утро, пріятно наряжаться подъ этотъ звонъ. Мягче кудрявятся бѣлыя облака надъ садомъ, млѣетъ яркая синева между ними, со двора видно, какъ въ поляхъ, надъ зелеными и лиловѣющими пашнями, бѣгутъ, струятся испаренія.

— Дождь будетъ, парить,—сказалъ староста, обходя съ овечьими ножницами въ рукѣ поставленный возлѣ кухни продранный стулъ, на который покорно, заранѣе вытянувъ и согнувъ шею, покрытый по плечамъ полотенцемъ, сѣлъ Николай въ распоясанной рубахѣ.

Николай, пока подрубали на затылкѣ его сухіе рыжіе волосы, все глядѣлся въ зеленый осколокъ копеечнаго зеркала. Падаютъ желтые клоки на полотенце, голова Николая становится меньше, уши отстаютъ и торчатъ. Взявъ у старосты ножницы, онъ постригъ и усы: сталъ длиннѣе его лебединый конопатый носъ. Потомъ онъ нарядился: надѣлъ синюю атласную рубаху съ рукавчиками, со вздутыми рукавами, съ тремя крупными бѣлыми пуговицами на высокомъ воротѣ, отдѣланномъ каемкой кружевъ; подпоясался малиновымъ шелковымъ жгутомъ съ махрами; вбилъ ноги въ тѣсные сапоги съ лакированными узкими голенищами. Рубашка коротка,

ноги Николая, обтянутыя кавалерійскими штанами, слишкомъ тонки, самъ онъ худъ и сутуль, глаза у него маленькіе, зеленые, лицо лиловатое. Онъ неуклобъ, не хорошъ, но дѣвки любятъ имъ: и наряденъ, и на гармоньи играетъ лучше всѣхъ.

Въ княжескомъ домѣ сумрачно. Теплый воздухъ, льющійся въ открытыя окна, не скоро нагрѣетъ его. Все промерзло за зиму, съ потолка въ залѣ огромнымъ животомъ виситъ отставшая, въ коричневыхъ подтекахъ, бумага. Морозы, время портятъ и зеркала: они стали молочно-серебристыми. Разставивъ ноги, глядя на мутное отраженіе своего морщинистаго лица, князь долго скоблилъ щеки тупой бритвой. Послѣ бритья лицо его странно помолодѣло: умывается князь рѣдко, брѣется только передъ тѣмъ, какъ запитъ. Но изнурилъ геморой, пора, пора бросать настаивать водку лимонными корками! Да и соли въ черныхъ усахъ все прибавляется, рѣдѣютъ волосы... Намочивъ и причесавъ ихъ, князь надѣлъ поверхъ пестренькой косоворотки новую синюю поддевку, надѣлъ дворянскій картузь и, съ ремешнымъ кнуромъ въ рукѣ, вышелъ на крыльцо, возлѣ котораго сидѣлъ на бѣговыхъ дрожкахъ и держалъ жеребца Николай.

Обѣдня отошла, на колокольнѣ жидко и празднично звонять, разсѣянная, разноцвѣтная толпа течетъ по выгону въ поле. Пять человѣкъ безъ шапокъ, въ новыхъ калошахъ и поддевахъ чернаго блестящаго сукна, низко подпоясанныхъ красными подпоясками, несутъ хоругви и крестъ, увитый бѣлымъ рушникомъ. Двѣ не въ мѣру набѣленные дѣвки, въ ярко-зеленыхъ платьяхъ,—икону Божьей Матери. Когда толпа была уже за дубовымъ кустарникомъ, въ полѣ, гдѣ дулъ теплый вѣтеръ и пѣли жаворонки, отъ церкви отѣхала плетеная телѣжка, запряженная сѣрымъ меринкомъ въ яблокахъ. Попъ въ Княжѣмъ чахоточный, ѣхалъ онъ въ толстой чуйкѣ, въ зим-

ней шалкѣ, въ глубокихъ ботинкахъ. На козлахъ сидѣло двое: правившій меринкомъ дьячокъ и сынъ попа, Вася, спившійся съ кругу дурачокъ, вѣчно находившійся въ блаженно-радостномъ настроеніи. Онъ въ церкви подтягивалъ дьячку дискантомъ, службы зналъ лучше всего причта, но отецъ часто выгонялъ его изъ алтаря за нетрезвость, не хотѣлъ нынче брать съ собою. Однако, Вася, еще съ ранняго утра расчистивъ свои сбитые сапоги, надѣвъ продранный подъ мышкой пиджакъ, грязно-синій воротничокъ и розовый атласный галстухъ, такъ плакалъ, узнавъ, что его оставляютъ дома, что поць сдался.

Князь обогналъ попа и кивнулъ ему.

— Съ праздникомъ, ваше сіятельство, съ молебствіемъ!— радостно всхлипнувъ, крикнулъ Вася, больше всего на свѣтѣ любившій праздники, дни ангела, поздравленія.

Попъ только покачалъ головою, поглядѣвъ на волосы Васи, густо лежавшіе по воротничку.

Съ правой стороны телѣжки, равняясь съ ходомъ лошади, не отставая и не забѣгая, шла старуха Марѳа, добровольная прислужница при церкви, высокая, сухая, съ орѣховой палкой въ одной рукѣ и мѣднымъ кофейникомъ, изъ котораго торчало крошило, въ другой. Дьячокъ иногда подгонялъ лошадь и, смѣясь, оглядывался на Марѳу. Она ускоряла шагъ, сердилась, но молчала.

Молились на клину богатаго мужика Данила. Тамъ, возлѣ дороги, на молодыхъ свѣтло-зеленыхъ всходахъ, приготовили столъ подъ суровой чистой скатертью, красную деревянную миску съ зерномъ и пукъ свѣчей въ хлопчатой бумагѣ. На юго-востокѣ, за сѣрымъ княжескимъ садомъ и прозрачно-лимонными лозинами села, облака, мягко синѣя, порою смазывались въ тучку. Поглядывая то на нихъ, то на приближающуюся телѣжку, выдвинувшись изъ пахнущей кумакомъ толпы, стоялъ самъ Даниль, бѣлокурый старикъ. Раскорячиваясь, да-

леко относя руку для крестнаго знаменія и кланяясь, онъ пошелъ навстрѣчу попу, — и мягкій вѣтерокъ, дувшій съ полей запахомъ сырой земли, шевелилъ его волосы, открывая розовую кожу черепа. Телѣжка остановилась, но попъ продолжалъ сидѣть въ ней, поджидая обогнавшего его и опять отставшаго князя.

Князь сдержалъ лошадь отъ волненія, охватившаго его въ полѣ. Озимы, свѣжо зеленѣя, шли въ одну сторону, дубовый кустарникъ — въ другую. Сухая коричневая листва висѣла кое-гдѣ на немъ, но и это говорило о веснѣ. Синѣли подснежники, пахло залежавшимися въ чащѣ свѣгомъ, весеннимъ холодомъ. Тройка чудесныхъ орѣховыхъ лошадей, разукрашенныхъ дорогой сбруей, стояла на опушкѣ. Полулежа въ новомъ тарантасѣ, зубастый кудрявый кучеръ богатой сосѣдки ѣлъ съ ладони просфору. И князю вспомнилась молодость, другая, далекая весна...

Впереди медленно двигалась телѣга, въ которой лежалъ больной мужикъ, отецъ Николая. Малорослой лошадию неумѣло правила мать его, скорбная жилистая старуха въ черной паневѣ.

— Живъ? — окликнулъ князь.

Изъ телѣги, изъ соломы торчалъ острый восковой носъ подъ глубоко надвинутой шапкой. Больной въ просторномъ полушубкѣ лежалъ на спинѣ. Силясь улыбнуться, онъ съ трудомъ потянулся тонкой рукой къ шапкѣ. Николай поклонился родителямъ, какъ чужой. А безстрастные глаза князя стали какъ будто еще безстрастнѣе.

Въ толпѣ его нетерпѣливо поджидали.

Мареа давно стояла наготовѣ возлѣ стола. Обогнавъ телѣжку, она подошла къ молодой беременной бабѣ Данила и передала ей свою орѣховую палку. Кофейникъ она поставила на столъ, бархатный лиловый требникъ, лежавшій на немъ, подвинула на край. Какъ только попъ занесъ ногу вопъ изъ телѣжки, скинувъ чуйку, Мареа

ловко подхватила ее и, подхватывая, чмокнула его холодную, дряблую и тяжелую руку. Попъ бодро прошелъ къ столу, поклонился той богатой барышнѣ, полной, косою и застѣнчивой дѣвушкѣ, чья тройка стояла на опушкѣ дубняка. Онъ былъ выше всѣхъ, издали была видна его голова, поднятое шафранное лицо, сквозная борода и сѣрая шея. Нѣсколько разъ обернулся онъ, поджидая князя. Князь подѣхалъ. Тогда мелькомъ, но молитвенно глянувъ вверхъ, на высокія весеннія облака, онъ вздохнулъ, вынулъ изъ длиннаго разрѣза ватной рясы красный платокъ, вытеръ большой глянцовитый лобъ, — Мареа уже подхватила его шапку, — надѣлъ потертую золотую ризу, надѣлъ золотыя очки — и, ставъ строгимъ, зажегъ пучокъ свѣчей, веселый, дрожащій блескъ которыхъ сотнями точекъ отразился въ стеклахъ очковъ. Низко поклонившись князю, стоявшему возлѣ стола и твердо отставившему лѣвую ногу, онъ выправилъ жидкіе волосы изъ-за стоячаго ворота ризы, откинувъ голову, на половину прикрывъ тусклые глаза воспаленными раковинами вѣкъ, и невнятнымъ, теряющимся въ теплоемъ полевомъ воздухѣ голосѣ началъ молебень... И князю опять стало грустно, стало жаль себя и радостно за эту вѣчно-юную землю, просящую небо снизить на нее благодатною весенней влагой.

Онъ перемѣнилъ ноги, выставилъ впередъ правую, сдѣлалъ мутные глаза. Чтобы не думать, онъ сталъ слушать мирный, успокаивающій и молящій голосъ, порою сливавшійся въ пѣніи съ голосами дьячка и Васи.

Толпа кланялась и крестилась, крѣпко прижимая пальцы ко лбамъ, единственный разъ въ году молясь горячо, всей душою. Полная косая дѣвушка робко поглядывала на князя. Данилова баба, вся въ розовомъ, то бессмысленно пучила глаза и вытирала потѣющія руки носовымъ платкомъ, то начинала быстро, испуганно кре-

ститься. Въ ногахъ ея, подпирая намавленной, расчесанной головой ея круглый животъ, стоялъ мальчикъ въ плисовых штаникахъ и козловыхъ сапожкахъ, подъ мышки подпоясанный по голубенькой рубашечкѣ. Когда заплѣли всѣмъ причтомъ, она, послѣшно крестясь, надавила ему на голову лѣвой рукой, поставила его на колѣни. Затѣмъ съ трудомъ опустила и сама, раскинувъ по молодой зелени ржи нижнюю бѣлую юбку съ кружевами и припадая къ ней лбомъ. Мальчикъ замолился неестественно набожно, косясь на сапоги князя.

Дуль вѣтерокъ, шевелилъ волосы, шли легкія облака, шли по зеленымъ полямъ тѣни отъ нихъ, — далеко было видно въ весеннемъ прозрачномъ воздухѣ. Дрожали, бѣжали огоньки свѣчей, беззаботно-радостное пѣніе жаворонковъ не мѣшалось съ пѣніемъ причта, но какъ-то хорошо дополняло его... Даруй, Боже, землѣ радость повую, новые всходы, — говорили слова молитвъ, пропадающихъ въ теплое воздухѣ. — Благослови ее новой жизнью, да въ забвеніи истлѣетъ въ ней сѣмя старой, изъ коего и родится она, юная и чистая... Потомъ заплѣли о воскресеніи Христа изъ мертвыхъ. Глаза князя налились слезами — и онъ уже ничего не видалъ передъ собою до конца молебна.

Когда онъ, склонивъ голову, поцѣловалъ холодный, пахнуцій мѣдью крестъ и мертвую руку священника, солнце зашло за сѣро-золотистое, темное внутри облако, и на югѣ обозначилась синяя тучка съ туманными полосами дождя.

— Поздравляю васъ съ праздникомъ, ваше сіятельство, съ благодатю Господней, — сказала священникъ, кланяясь ему такъ низко, что далеко отстала отъ груди епитрахиль.

Николай остался въ толпѣ, отпросясь поговорить съ отцомъ. Князь поѣхалъ назадъ одинъ, разминувшись съ

тройкой, съ мягкимъ громыханіемъ бубенчиковъ плывшей навстрѣчу ему. Солнце зашло за облако — и всѣ краски дальнихъ, ясно видныхъ полей стали гуще, бархатнѣй. Слышнѣе стало гудѣніе пчелъ па лозинахъ при въѣздѣ въ село, потянуло свѣжестью, зеленью распускаящихся березъ. Синеватая тучка на югѣ смазывалась, поблескивая небольшими молніями... Потомъ солнце опять выглянуло, молодо и радостно озаряя все, а изъ облака съ сухимъ шорохомъ посыпались рѣдкіе алмазы.

У церковной ограды князь снялъ картузь и перекрестился на ветхую часовню надъ стариннымъ княжескимъ склепомъ, вспомнилъ, какъ однажды спускался туда въ молодости, тоже весною — черезъ полгода послѣ смерти отца... Полгода — великъ ли срокъ! А уже ничего, ничего не осталось къ той счастливой веснѣ отъ стараго грѣшнаго князя, кромѣ костей въ тяжеломъ цинковомъ гробу и крупной росы на его поверхности — серебристаго газа, ээира вѣчной жизни, улетавашаго изъ темпаго ледяного подземелья въ открытый люкъ, въ голубое небо, въ тепло весенняго солнца!

Чтобы не запить, князь чѣмъ-свѣтъ ушелъ на другой день со старикомъ Панкратомъ въ Задонскъ. Яровое разсѣвали безъ него.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Въ нашихъ мѣстахъ есть довольно большой лѣсъ, который зовутъ Островами. Вотъ что случилось въ немъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Святкахъ, когда караулилъ его нѣкто Ермилъ, малорослый, коротконогий, морщинистый мужикъ съ странной кличкой: Зимній.

Лѣсъ отъ села недалеко. Въ сѣрые дни, когда нѣтъ ни метели, ни поземки, онъ виденъ съ гуметь: блѣдно сѣрѣютъ поля, склопается къ горизонту низкое небо, надъ горизонтомъ виситъ сумрачная полоса тумана, а подъ нею залегаетъ синеватая полоса лѣса. Но кажется она далекой—какъ все зимою. Если же поселиться среди этихъ волчьихъ и заячьихъ овраговъ, окруженныхъ лѣсными островами, въ старой избѣ среди рыжихъ дубковъ и кустарниковъ, торчащихъ изъ бѣлыхъ пушистыхъ сугробовъ, то съ непривычки будешь чувствовать себя за сто верстъ отъ людей. А Ермилъ былъ къ лѣсу не привыченъ: нанимался онъ все по селамъ, служилъ много лѣтъ при водокачкѣ на станціи, стоялъ при бардѣ на винокурнѣ; семьи не имѣлъ.

Какъ многіе изъ тѣхъ, что никогда не видали добра ни отъ Бога, ни отъ начальника, ни отъ родного брата, онъ давно мечталъ быть отъ людей подальше. Они его не любили, онъ ихъ чуждался. Они имъ помыкали, думая,

что онъ дуракъ и безответный. Онъ же, помалкивая, копилъ въ себѣ утѣху—злое сознанье, что далеко не такъ онъ простъ, какъ думаютъ. Онъ внушилъ себѣ, что всѣ ему лиходѣи, и жилъ, надвинувъ шапку, не глядя въ глаза, но сторожко. Переселяясь въ лѣсъ, казавшійся ему такимъ далекимъ, онъ гадалъ пожить хоть одну зиму покойно.

Былъ онъ, какъ большинство мужиковъ, трусливъ. Но однажды, на споръ, сходилъ въ полночь въ овинъ и увѣрился, что ему все не по чемъ. Увѣренно переселился онъ въ самое глухое осеннее время и въ лѣсъ. Но оказалось, что онъ даже и представить себѣ не могъ, до чего жутка лѣсная жизнь. Ухъ, какъ зловѣще шумѣлъ невидимый лѣсъ въ тѣ черныя, непроглядныя ночи, когда пошли ноябрьскіе дожди, когда стали они лить по ночамъ безъ перерыва, когда, какъ говорится, хоть кричи, не докричишься ни души, когда въ поляхъ только вѣтеръ, ливень, черныя пашни, пустыя дороги да непробуднымъ сномъ умершія деревни! Въ безграничномъ морѣ тьмы чувствовалъ онъ себя, а спать, на бѣду, хоть и крѣпко, но тревожно, при лучинѣ, часто просыпаясь. Мечталъ онъ, бывало: будетъ и у меня въ рукахъ дубинка, буду въ темныя почки похаживать по лѣсу—и ужъ только попадись мнѣ тогда воръ, грабитель! Но оказалось, что въ такія ночи и за-избу то выйти не возьмешь свѣта бѣлаго.

День не радовалъ. И днемъ было темно отъ тучъ, и днемъ лилъ дождь на лѣсъ, на лужи—нельзя было на порогъ показаться. «А придетъ зима, пойдутъ святошныя вьюги—и совсѣмъ хоть пропадай!»—думалъ Ермилъ, валяясь послѣ обѣда на нарахъ, поджидая новой долгой ночи. Иногда онъ садился, собирался приняться за лапти, да только все глядѣлъ и глядѣлъ въ окошечко на мокрый кустарникъ, на тучи. Онѣ къ ночи сгущались. Нагоняя тьму, разыгрывалась буря. Ермилъ слѣзалъ съ наръ, от-

кывалъ печку, вынималъ пукъ лучинъ, искалъ спичекъ по печуркамъ. А пока возился, выбирая лучину посуше, и совѣмъ смеркалось. А когда лучина разгоралась, и онъ втыкалъ ее въ свѣтецъ, окошечко было уже черно. Онъ опять ложился—и, пользуясь его недвижностью, мертвой тишиной и свѣтомъ, на самую середину избы выбѣгала сѣдая тощая крыса, жившая подъ печкой. Это значило, что ночь опять обступила избу. Въ лѣсу же, въ его мелочахъ, въ непролазныхъ чащахъ по оврагамъ, были волчьи притоны. Въ самую полночную пору не разъ, съ визгомъ, съ захлебывающимся лаемъ, кидались въ глубину сѣней собаки, ночевавшія у ихъ порога. Схвативъ свою тяжелую, ржавую одностволку, шальной отъ крѣпкаго сна при дымящей лучинѣ, что-то крича, выскакивалъ Ермилъ въ сѣни—и сколько огненно-зеленыхъ глазъ рассыпалось передъ нимъ въ черной тѣмѣ кустарниковъ, по скату оврага! Съ бьющимся сердцемъ, блѣдный, возвращался онъ, впускалъ за собою грязныхъ собакъ, тотчасъ забивавшихся подъ лавку... Дымно, красно пылала лучина, роняя огненные искры въ лохань подъ свѣтцемъ, гоня дрожащія тѣни. Тяжко и глухо шумѣлъ обломный дождь. И Ермилъ бралъ рогачъ, подпояску, прикладывалъ рсгачъ къ притолкамъ, поперекъ двери, захлестывалъ и его, и скобку, туго-на-туго затягивалъ... Потомъ опять ложился на спину, въ шапкѣ, въ полшубкѣ, задиравъ тонкія, короткія ноги въ огромныхъ лаптяхъ на свою укладку. Пронзительные желтые глазки его не моргали.

И вотъ пришла зима. Вѣтеръ повернулъ. Гнилыя бури и ливни сдѣлали свое дѣло, раскрыли лѣсъ, дали студеному облачному небу свободно бѣлѣть сквозь него, обрвали листву и завалили ею, мокрой и ржавой, всѣ овраги. Шелъ снѣгъ и таялъ. Но голый лѣсъ гудѣлъ уже туго, сурово, по-зимнему. И Ермилъ повеселѣлъ было. Но не

сравнялось и недѣли, какъ, обходя однажды верховье съ дубинкой въ рукѣ и одностволкой на плечѣ, слушая холодное, зимнее гуканье красногрудыхъ, раздувавшихся на вѣтру снѣгирей, и шлепая лаптями по лѣснымъ ухабистымъ дорогамъ, полнымъ грязи и блѣднаго снѣга, между тѣмъ какъ собаки, по своей манерѣ, все бочкомъ, все забирая въ сторону, бѣжали впереди, за стволами, наткнулся онъ на страшное мѣсто: въ раскрытыхъ гудящихъ вершинахъ высоко висѣла и качалась на сукѣ высокаго дуба веревка, а на веревкѣ—оскаленная, до кости объѣденная муравьями собачья голова съ двумя-тремя позвонками перегнившей и разорвавшейся шеи. На землѣ же, у корней дуба, лежали ребра, клоки истлѣвшей бурой шерсти. И раскапывая эти клоки дубинкой, Ермилъ долго, долго, до ряби въ глазахъ, и такъ, и такъ вглядывался въ нихъ, все стараясь сообразить: велика ли была собака, мужицкая ли, барская ли она, и кто и по какой причинѣ—со зла или для забавы—удавилъ ее. И вдругъ опустил дубинку, замеръ, соскочилъ глаза въ переносицу: а что, если и его вотъ такъ-то удавятъ? Лѣсъ, глушь кругомъ, онъ одинъ какъ перстъ на всемъ свѣтѣ, жизнь его никому не дорога, о смерти его и узнать-то могутъ только черезъ мѣсяцъ и, узнавъ, не больно-то встревожатся, а тутъ идутъ праздники, Святки... Это время жуткое для человѣка, живущаго въ лѣсу, въ полѣ. Ужъ не разъ подумывалъ онъ о немъ. Весь вѣкъ онъ пробылъ на людяхъ—что же будетъ чувствовать онъ въ одиночествѣ, когда придетъ это время! Одиѣ волчьи свадьбы чего стоятъ. А вѣдь и помимо того не Богъ вѣсть какъ просты вечера и ночи на Святкахъ. И лихіе люди пользуются этими ночами. Удалили же когда-то мужики лѣсника въ Дехтярномъ, чтобы натопить изъ покойника какихъ-то свѣчей колдовскихъ... У Ермила, какъ у стоящаго надъ пропастью, заныло, заломило въ ляжкахъ. Онъ повернулся и, надви-

гая шапку, поспѣшно, неловко, задѣвая за корни, зашагалъ назадъ.

Снѣгъ валилъ непроглядный, весь день. Къ вечеру пересталъ. Стало теплѣй, затихло. Ермилъ слазилъ на потолокъ, нашелъ возлѣ борова старыя лыжи, привязалъ къ нимъ новыя оборки и опять пошелъ къ дубу. Но снѣгъ былъ пушистъ, лыжи тонули, скользить на нихъ Ермилъ не умѣлъ, поминутно попадалъ одной лыжей на другую—измучился, извихлялся и вернулся къ избѣ. Вечерѣло. Все вокругъ глубоко покрыто было снѣгомъ. Сизо, съ розовымъ отгѣнкомъ бѣлѣлъ противоположный бугоръ въ мелкомъ чернолѣсѣ. Гдѣ-то далеко жалобнымъ зовомъ стоналъ рогъ, ему, то слабо, то совсѣмъ явственно, страстно отзывался собачій гонъ—и лѣсъ, въ мертвой тишинѣ, какъ будто слушалъ. «Кажись, опогодится,—подумалъ Ермилъ, мучимый страннымъ желаніемъ еще разъ поглядѣть на собачью голову.—Схожу завтра пѣшій»... Но опять поднялся ночью вѣтеръ—и опять на цѣлую недѣлю понесло снѣгомъ, да все гуще и гуще. Зима спѣшила—до Святокъ оставалось чуть. И Ермилъ сталъ готовиться къ нимъ.

Собачья голова не выходила у него изъ ума. Какъ только темнѣло, онъ крѣпко-на-крѣпко связывалъ подпояской рогачъ и дверную скобку. Спалъ еще тревожнѣе, чѣмъ прежде. А чѣмъ свѣтъ, онъ слѣзалъ съ печки, выпускалъ своего бѣлаго лохматого кобеля,—сучка куда-то сбѣжала, если только не попала на зубы волку,—шелъ по сугробамъ въ оврагъ, на прудъ; возвратясь, затапливалъ, умывался, молился и принимался за работу—вѣрнѣе, за думы. Были онѣ нехороши, но онъ все болѣе входилъ во вкусъ ихъ, сосредоточенно поддѣвая на деревяжкѣ лыко, постукивая кочетыкомъ. Дымилъ, сипѣлъ, стрѣлялъ хворостъ въ печи. Сыро и тепло было въ избѣ. За окошечкомъ, на завалинкѣ, задомъ къ стеклу, сидѣлъ,

застилъ кобель—наслаждался, зимнее отродье, тѣмъ, что его заноситъ снѣгомъ. А Ермилъ думалъ: какъ бы приучить его кидаться чужому человѣку прямо на горло; гдѣ бы достать волчій капканъ, чтобы къ святочной ночи положить его возлѣ порога, заровнявъ соломкой, снѣгомъ... Дни шли. Пора было обезопасить себя! Но какъ? Что выбрать изъ придуманнаго? Выбрать надо было то, что исполнимо, то, что вѣрнѣе и тверже всего. Поумнѣй злодѣя надо было оказаться! И страхъ Ермила таялъ, замѣняясь тревожной, но расчетливой злобой.

Въ избѣ все бѣлѣло, все свѣтлѣло отъ сугробовъ вокругъ. Поднимались тѣ самыя рождественскія вьюги, которыхъ со страхомъ ждалъ осенью Ермилъ. Лѣсъ порывѣлъ, измельчалъ, день и ночь гудѣлъ въ зимней дремотѣ подъ сумрачнымъ небомъ. Непорочно-бѣлые наносы, въ которыхъ тонули его скрипучіе стволы и корявые кустарники, день и ночь росли, дымясь бѣлымъ дымомъ. За порогомъ насквозь прохватывалъ крутой сѣверный вѣтеръ. Весь въ снѣгу ворочался Ермилъ съ пруда. Скинувъ полушубокъ, затопивъ печку, березовымъ голикомъ подмахнувъ земляной полъ, онъ обмывалъ подъ своими густыми волосами, вѣчно грѣвшими его маленькій лобъ, свое морщинистое лицо водой съ ледяшками, обдергивалъ свою безсмѣнную посконную рубаху и становился на молитву, врозь раскинувъ носки сопрѣвшихъ лаптей. Щурясь, онъ устремлялъ пристальный, но невидящій взоръ на дощечку въ углу, привычно шепталъ что-то и въ опредѣленные моменты съ размаху кланялся ей. Но думы его были не возлѣ Бога. Не о Немъ думалъ онъ и послѣ молитвы, сѣвъ за работу.

Онъ всю жизнь полагалъ, что вѣрить въ Бога, но только полагалъ. Темная сила—другое дѣло: въ нее онъ вѣрилъ,—по крайней мѣрѣ, думалъ о ней и чувствовалъ ее часто. И того, что Святки время не простое, онъ не отвергъ, освоив-

пись съ тѣмъ, что ошеломило его подъ дубомъ. Ну, да съ этимъ и можно, и должно было примириться. Потерпѣть онъ жути на Святкахъ, но жуть эта, вѣрно, и останется жутью только. Волчи свадьбы—это тоже страшно, да что онѣ сдѣлаютъ ему въ избѣ? Остается свой братъ, человекъ... И тутъ Ермилъ клалъ лапотъ на колѣни и долго смотрѣлъ своими желтыми глазками подъ печь, на груды золы. Онъ вспоминалъ всю свою жизнь, съ тѣхъ дней, когда онъ по-людски женился, по-людски нанялся съ женой на барскій дворъ. Теперь ему пятьдесятъ, тогда было восемнадцать, но и тогда звали его корявымъ, короткимъ, зимнимъ, а, въ придачу къ тому, былъ онъ глупъ. Женили его на рябой, высокой, рябая была смѣла и распутна, и онъ всѣмъ рассказывалъ, какъ она ухитрилась провести его, оказаться невинной. Онъ искалъ сочувствія, а что же вышло? Его же ославили дуракомъ. Рябая любила мѣдныя и серебряныя кольца и скоро сошлась съ приказчикомъ. Онъ было сунулся на него, защищая свою честь. Но какъ просто, при общемъ хохотѣ, сбиль съ него приказчикъ шапку и прогналъ со двора долой! И примолкъ Ермилъ, затаился, покорился судьбѣ, понесъ, вдовцомъ, по чужимъ угламъ, камень за пазухой...

Случаи, такіе, какъ въ Дехтярномъ, правда, рѣдки. Да чего не бываетъ! И, значитъ, пора, на всякій случай, слазить за пазуху, да покрѣпче подумать. Итти немедля въ село, какъ сторяча хотѣлъ Ермилъ, просить помощи противъ лихихъ людей у старосты, урядника, добыть капканъ, вырыть яму—все это никуда не годилось, все это скоро стало казаться пустой затѣей: надо было похитрѣе выдумать. Пустымъ казался порою даже и самый страхъ: ну, кто придетъ давить его! Но тутъ Ермилъ начиналъ разжигать себя. Кто—неизвѣстно, да въ злодѣяхъ недостатка нѣтъ. За что? А за то-то. Есть у людей и корысть, есть и злоба. Развѣ не сжили его

со станціи, съ винокурни—и за то только, что онъ густо-волосъ, морщинистъ, коротконогъ, за то, что молчить-то онъ молчить, а всѣхъ насквозь видитъ. Развѣ не собирались рабочіе то обѣ ноги переломить ему, то удушить его соннаго полупубками, то, какъ будто нечаянно, столкнуть въ горячую барду? Смирно шелъ онъ на Казанскую по селу, а развѣ не оралъ за нимъ пьяный сапожникъ, Ванька Махоръ, первый воръ и разбойникъ въ селѣ: «Погоди, погоди, Зимній, я те подыму со лба волосы...» Нѣтъ, видно, никогда не откажется человекъ искалѣчить, пришибить человека, если только съ рукъ сойдетъ. Глянь, какъ рветъ, молотитъ мужикъ вора, стащившаго клокъ соломы. Клокъ не дорогъ, да вѣдь какъ такой случай уцѣстить! За вора-то ничего не будетъ. И не даромъ, знать, пословица лежитъ: «Золъ злодѣй, а ты позлѣй злодѣя окажись...»

Наконецъ, все было обдуманно. Пора было дѣло дѣлать.

И прежде всего Ермилъ испробовалъ свою ржавую одностволку съ самодѣльнымъ, некрашенымъ прикладомъ. Онъ продулъ ее, пробилъ пистонемъ, зарядилъ утиной дробью, крѣпко забилъ паклей, выпелъ изъ избы и съ часъ стоялъ среди острыхъ сугробовъ и дымныхъ вихрей, среди рыжаго, гудящаго лѣса, по колѣно въ бѣлѣйшемъ снѣгу, поджидая, не сядетъ ли гдѣ по-близости ворона. Вѣтромъ принесло ее, наконецъ, глупую, голодную, каркающую. Проваливаясь въ наносы по-поясъ, согнувшись, падая, набивая стволъ снѣгомъ, Ермилъ пробрался къ тому дереву, на которомъ раскачивалась она, присѣлъ, положилъ стволъ на ближній сучокъ, долго, долго водилъ мушкой по грязно-сѣрой, сутулой отъ карканья птицѣ, — наконецъ, спустилъ курокъ. Его оглушило, ослѣшило, отдало въ плечо и въ щеку такъ крѣпко, что онъ свалился навзничъ. Но тотчасъ же и вскочилъ, и, вмѣстѣ съ яростно лаявшимъ кобелемъ, кинулся къ

своей добычѣ: окровавленная, на клочки изорванная, она валялась, тонула въ рыхломъ снѣгу подѣ тѣмъ же самымъ деревомъ, на которомъ, за мгновеніе передѣ тѣмъ, хрипѣла, тужилась, качалась.

Затѣмъ онъ ловко выбилъ палкой кусочекъ стекла въ нижнемъ углу своего окошечка; попробовалъ всунуть въ него дуло одностволки и присѣсть на скамейку возлѣ самой лавки: дуло вошло отлично, но скамейка оказалась высока. Да вѣдь обрубить ей ножки было дѣломъ недолгимъ. И, обрубивъ, Ермилъ заткнулъ дыру—до поры, до времени—тряпочкой. Ночь будетъ, если и мутная отъ метели, да все-таки видная, лунная,—это ужъ навѣрно. Вотъ и накидаетъ онъ на завалинку соломы, чтобы таилось въ ней торчащее изъ окна дуло; потомъ вернется въ избу, потушитъ огонь, прильнетъ къ стеклу и будетъ ждать—смотреть на тропинку, поднимающуюся по косогору противъ окна. Тотъ же, кто будетъ идти по этой тропинкѣ, ничего не разсмотреть въ окнѣ, прикрытомъ соломой. Самого же Ермила, сидящаго въ темной избѣ,—тѣмъ болѣе. А кто же именно идти-то будетъ? Теперь ужъ самому Ермилу приходилось выбирать. И, подумавъ еще маленько, онъ выбралъ.

Въ Сочельникъ онъ пошелъ въ село.

Теперь, послѣ цѣлыхъ двухъ недѣль размышленія объ одномъ и томъ же и подсчета всего того, чѣмъ весь вѣкъ радовали его люди, онъ и совсѣмъ, казалось, освободился отъ страха. Онъ былъ возбужденъ, какъ во хмелю какомъ, но слабости уже не чувствовалъ. Напротивъ. «Нѣтъ, постой, меня голой рукой не возьмешь!» Теперь, если бы ему сказали, что никто не придетъ къ нему съ злымъ своимъ умысломъ, онъ бы, кажется, молить сталъ о томъ. Съ дубинкой на плечѣ, ковылялъ онъ среди полей, тонувшихъ въ туманѣ вьюги, по чуть видной дорогѣ къ невидному селу, гнулъ голову отъ снѣжныхъ вихрей и рѣшалъ,

что именно надо сдѣлать, у кого побывать и что кому сказать въ селѣ...

Только не все договаривалъ онъ самому себѣ. Онъ притворялся, что идетъ только за кой-какой покупкой да за тѣмъ, чтобы такъ—поглядѣть на людей, послушать, попытать ихъ... Что жъ, вѣдь всякому животъ свой дорогъ.

Показались сквозь куру прутья лозняка по задворкамъ, по окраинамъ скудныхъ мужицкихъ гумень, забитыхъ, занесенныхъ до весны. Скучно, дико было и въ селѣ, а все не то, что въ лѣсу. Въ лѣсу и снѣгъ-то куда бѣлѣе, пушистѣй, глубже,—не жилой это снѣгъ, звѣриный... Онъ прошелъ околицу, прошелъ мимо рѣдкихъ крестовъ, торчавшихъ изъ слоистаго сѣраго наста на погостѣ, вѣчно на юру обдуваемого вѣтромъ, перекрестился на деревянную церковь, на рѣшетчатая окна алтаря, до половины прикрытыя сугробомъ... Дальше стало тише, теплѣй, свободнѣй. Онъ осунулъ подпояску на самые кострецы, отвернулъ съ угловъ обледенѣвшій, затвердѣвшій воротъ армяка, пошевелилъ плечами въ толстыхъ низкахъ... Зачернѣли люди, ѣхавшіе въ кабакъ, въ лавку. Ермилъ не спѣша переступилъ порогъ ея, сталъ въ сторонкѣ, держа, какъ нищій, мѣшокъ въ лѣвой опущенной рукѣ, а дубинку въ правой, скромно дожидаясь очереди.

Мужики въ тулупахъ, въ полушубкахъ, засыпанныхъ снѣгомъ, скрипѣли мерзлыми лаптями и валенками, входя, заворачивая полы, сморкаясь въ нихъ. Лавочникъ въ тонкой поддевкѣ, худой, съ чистой желтой кожей, съ большими кофейными глазами, съ длинной, рѣдкой бородкой, похожій на угодника, доведшій свою молчаливую ловкость до щегольства, то перевертывалъ мѣрку съ мѣдными обручами въ подставляемые мѣшки, сыпая туда ишено, то наливалъ, щедро переливая, бутылки керосиномъ, то бросалъ свиныя середки на изсѣченный пенъ, взмахивалъ топоромъ и съ одинаго взмаха отрубалъ ровно

столько розоваго мяса и мерзлаго сала, сколько требовалось, лишь для видимости прикидывая на ржавых тарелкахъ вѣсовъ. Раздражающе пахло маринованными сельдями, ситцами, кругами хомутины, на видъ какъ бы копчеными... Ермилъ сдержанно поздоровался, побалакалъ кое съ кѣмъ, взялъ пшена, соли, спичекъ, кренделей; платя, нарочно показывалъ всемъ трехрублевыя бумажки. Потомъ сталъ говорить, ни къ кому не обращаясь, медленно пряча деньги и закуривая, хотя не курилъ никогда,—только затѣмъ, чтобы подольше побыть въ лавкѣ и попользоваться бесплатнымъ табакомъ, махоркой, насыпанной лавочникомъ въ коробку изъ-подъ килекъ для угощенія покупателей:

— А у васъ тутъ хорошо въ селѣ... Вамъ жисть. Не то, что мнѣ, въ лѣсу, въ глухомани. Вамъ Святки идутъ, веселье, пированье, а мнѣ—жуть... Я на это робокъ... Еще сдуру придетъ кто да убьетъ. Да что жь! Небось, скажетъ, у него и деньжонки есть... Человѣкъ, молъ, скрытный, бережной... А не то, святошное дѣло, и такъ только—попугать вздумаетъ... А я и отъ того могу обезпокоиться. Я слабосилень. Старѣть сталъ...

— А ты вотъ брешь такъ-то побольше, накликай на себя,—сказалъ лавочникъ, протягивая щербатому, почернѣвшему, курному старику пачку нюхательнаго табаку.— Брешь побольше. Народъ-то и разнесетъ.

Мужики подхватили:

— Вѣрно. Это ужъ извѣстно—только пусть слухъ по народу... Сдуру ты это, Зимній.

Ермилъ поглубже надвинулъ шапку, чтобы скрыть довольство. Постоялъ, дурацки разводя руками, и медленно вышелъ.

Заходилъ онъ и въ кабакъ. Выпилъ сотку, купилъ бутылку, глубоко запряталъ ее въ карманъ и опять поговорилъ съ народомъ, опять продѣлалъ то же самое.

— Такъ-то лучше,—сказалъ онъ, затягивая гаманъ.— У кого денешки, у того и праздничекъ...

А отъ кабака онъ быстро пошелъ подъ гору, гдѣ жили духовные, шорникъ, коноваль, Ванька Махоръ. Смеркалось, мятель въ затишьи улеглась, синѣли снѣжныя сумерки, чернѣли подъ горой мѣщанскія избушки. У Ваньки избушка была всехъ меньше, всехъ ниже и грязнѣе. На вогнутой стѣнѣ ея съ осыпающейся коркой глины висѣла дощечка, на которой Махоръ нарисовалъ сапогъ, похожій на орудіе каменнаго вѣка, а вокругъ него—много желтыхъ и бѣлыхъ медалей. Въ темныхъ сѣняхъ Ермилъ быстро нащупалъ скобку, обмотанную тряпкой, и рванулъ къ себѣ. Въ полутьмѣ, въ свинцовомъ полусвѣтѣ у мерзлаго и вѣчно мокраго, оттаивающаго окна, у лавки, заваленной кусочками кожи, инструментомъ, жестянками съ прокишшимъ клеємъ и затвердѣвшимъ лакомъ, согнувшись, сидѣли самъ Махоръ и его подручный Мишка. Больная старуха спала за ситцевой занавѣской на парахъ. И гнилью мѣщанскаго угла, и сапожнымъ товаромъ, и всячески воняло тутъ. Было скучно, тяжело отъ присутствія больнаго человѣка, спящаго въ сумерки, и даже отъ двухъ пестрыхъ куръ, тоже дремавшихъ возлѣ печки. Но чернявый Мишка бойко стучалъ молоткомъ по каблукъ перевернутаго вверхъ подошвой и зажатаго въ колѣни сапога, одинъ за однимъ вгонялъ въ него мелкіе деревянные гвоздики и, вгоняя, бормоталъ что-то, приговаривалъ. А Махоръ послѣшно, видимо, съ большой охотой, налаживалъ старую гармонію съ золотыми мѣхами, вынималъ изъ снятой крышки мѣдныя планочки съ серебряными клапанами, попеременно прикладывалъ ихъ къ губамъ, безъ передышки тянулъ въ себя воздухъ—и клапаны дребезжали, пѣли, пищали. Было ему лѣтъ двадцать пять, но усомъ у него еще не было, лицо его было длинно, крупно и очень блѣдно, взглядъ, бараній, бѣлый, прямъ и наглъ. Длинно,

велико было и туловище его. Какъ неуклюже вихлялось оно, падая впередъ, когда Махоръ игралъ въ праздники съ мальчишками въ лодыжки! Какой дуракъ онъ былъ, какъ сбѣпливался онъ, верзила, спорить съ какимъ-нибудь сонлякомъ и какъ гордъ, холоденъ и веселъ былъ, всёхъ обыгравъ и уходя прочь!

И Ермилу на минуту стало очень страшно. Онъ переступилъ порогъ—и оба работавшіе подняли головы и, увидавъ его, расширили глаза отъ удивленія. Но онъ и тутъ не потерялся.

Стараясь хоть изрѣдка встрѣчаться съ глазами Ваньки и казаться простодушнѣй, онъ, войдя, тотчасъ же заговорилъ о томъ, что вотъ былъ онъ въ селѣ, кое-что покупалъ, да и надумалъ забѣжать прицѣниться, сколько, примѣрно, могутъ стоить сапоги...

— Головки?—отрывисто спросилъ Махоръ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... хворменные сапоги.

Махоръ поднялъ голову, и его бѣлые глаза холодно повеселѣли:

— Это кому же?

— А хоть бы и мнѣ,—сказалъ Ермилъ.—Что жъ, ай и этого не нажилъ себѣ за всю свою службу?

— Франтъ тоже,—сказалъ Махоръ, оглядывая его.— Нечего сказать! Да тебѣ околѣвать пора. Ай погодить хочешь?

Мишка улыбался ядовито, съ любопытствомъ.

Ермилъ сощурилъ глаза и изъ-подъ волосъ покосился на сапожника. «Не околѣй ты прежде!»—подумалъ онъ.

И съ притворной развязностью отвѣтилъ:

— Помри ты нынче, а я завтра... Да это ужъ дѣло хозяйское. Ты про сапоги-то говори. А не хочешь—я къ Кострецу, къ хромому, пойду. Мнѣ, братъ, шесть цѣлковыхъ не деньги...

— А! Вонъ оно что!—свистнулъ Махоръ.

Онъ въ упоръ посмотрѣлъ на Ермила и, уже совсѣмъ, какъ разбойникъ, не скрывающій своихъ мыслей, спросилъ: — Значить, у тебя, правда, есть деньги?

Ермилъ дрогнулъ отъ этого взгляда и поспѣшно, искренно забормоталъ:

— Что ты, что ты... Какія у меня деньги? Откуда онѣ у меня?

Онъ почувствовалъ, что чуть не погубилъ дѣла, и вовремя спохватился—быстро воспользовался своей невольной искренностью и, путаясь, понесъ то же, что говорилъ въ лавкѣ:

— Деньги! Деньги! Вотъ такъ-то болтаютъ... плетутъ... А я сижу ни живъ, ни мертвъ въ лѣсу... По ночамъ не сплю... Кто и поугать просто вздумаетъ, и то на вѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ...

— Родимчикъ приключится?—сказалъ Махоръ.

— А ты что жъ думаешь?—подхватилъ Ермилъ, чувствуя, что вышутался.—Время святошное... Кто-нибудь шутку вздумаетъ, полушубокъ для смѣху вывернетъ, да подъ окно, а мнѣ и каюкъ...

— А!—опять сказалъ Махоръ, но уже равнодушно.— Значить, ты просто пофорсить пришелъ, побрехать... А я то, дуракъ, съ тобой зубы чешу.

И опять наклонился къ гармоніи. Но вдругъ загоготалъ и подмигнулъ Мишкѣ.

— Чего ты?—торопко спросилъ Ермилъ.

— А то чего же!—отвѣтилъ Махоръ весело и загадочно.

Ермилъ посидѣлъ еще минуту, чтобы не замѣтили его торжества—онъ понялъ этотъ хохотъ, онъ уже не сомнѣвался теперь, что Ванька придетъ въ вывернутомъ полушубкѣ!—и, сославшись на то, что припоздалъ, наобѣщавъ непременно договориться «какъ-нибудь на гулянкахъ» о сапогахъ, вышелъ вонъ, пока Махоръ зажигалъ лампочку. Была уже ночь. Мерзлые помои у порога тускло блестѣли.

Высоко, надъ самой головой, ныряли и сіяли въ волнистыхъ облакахъ луна и какая-то яркая звѣзда. Сіялъ порою и крестъ церкви, когда быстро шель мимо нея Ермиль. И только на мгновеніе, возлѣ погоста, изумила и ужаснула его мысль:

«Неужели этотъ самый Махоръ будетъ черезъ нѣсколько дней лежать вотъ тутъ, на юру, подъ мерзлой глиной, подъ снѣгомъ?»

Пришелъ онъ домой поздно. Кобель сидѣлъ у избы, противъ луны, ждалъ его. Дружно и быстро вошли они въ избу и тотчасъ же, не зажигая огня, легли спать. Спали крѣпко, но оба видѣли путанные яркіе сны. Кобель нылъ, вскакивалъ. Ермиль проснулся среди ночи. Лунный свѣтъ блѣдѣлъ пятномъ какъ разъ посреди избы, на земляномъ полу. На лавкѣ сидѣлъ блѣдно-зеленый, сквозной, сутулый старикъ, въ длинной рубахѣ, съ гробовымъ вѣнчикомъ на лбу—покойникъ-батюшка. Ермиль подошелъ къ нему и усмѣхнулся:

— Батюшка? Ты зачѣмъ?—спросилъ онъ.—Я теперь тебя не боюся.

Покойникъ, улыбаясь, поднялъ слабую руку и легонько перекрестилъ его:

— Ну, спи, Господь съ тобой. Злыхъ людей бойся.

И Ермиль проснулся и увидалъ, что и не думалъ онъ слѣзать, подходить къ лавкѣ, а лежить, какъ лежалъ. Но еще много разъ казалось ему, что онъ просыпается, пробуетъ, крѣпко ли привязанъ рогачъ къ двери, вздуваетъ лучину, вынимаетъ похлебку изъ печи и ѣсть: забыть поужинать, придя изъ села...

Проспалъ онъ и весь слѣдующій день, не топилъ даже. Передъ вечеромъ всталъ, поѣлъ вчерашней, кислой похлебки и, помолвившись, сталъ заряжать ружье. Было уже темно, но огня онъ не вздувалъ. Руки тряслись, зарядъ казался то малъ, то великъ. Кобель стоялъ возлѣ и за-

глядывалъ ему въ глаза вопросительно, совѣмъ по-человѣчьи. Онъ даже не ударилъ его,—такъ покоенъ онъ былъ, хоть и тряслись руки.

Часовъ въ восемь онъ вышелъ на порогъ. Опять ныряла въ вышинѣ, въ облакахъ, луна, но мутнѣе, бѣлѣе, чѣмъ вчера, была ночь: по кустамъ несло бѣлымъ, поземкой.

Съ восьми до десяти онъ, не шевелясь, не дыша, сидѣлъ на лавкѣ возлѣ окна, въ крѣпко запертой полутемной избѣ. Вдругъ онъ пасторожился. Тихо, тихо приподнялся и прильнулъ къ стеклу: въ бѣлессой мути, блѣдно озаряемой луной, на тропинкѣ среди кустарника, точно мукой осыпаннаго, чернѣли двѣ поднимавшіяся изъ-подъ горы фигуры. Впереди была та, что повыше... И не прошло и минуты, какъ она надвинулась на завалинку, затемнила свѣтъ и уже хотѣла было тоже прильнуть къ окошечку, какъ Ермиль, задомъ упавшій на свою скамейку, оглушительно, какъ изъ пушки, выстрѣлилъ.

Мишка кинулся, свалился назадъ, подъ гору. Махоръ остался на мѣстѣ. Ермиль, выскочивъ изъ избы за неистово лаявшимъ кобелемъ, наклонился надъ лежащимъ ничкомъ большимъ человѣкомъ съ нарисованными углемъ усами, въ новой, вывернутой поддевкѣ: снѣгъ подъ животомъ его былъ окровавленъ; на большомъ пальцѣ правой откинутой руки такъ и остался ремешокъ гармоньи съ золотыми мѣхами.

А черезъ три мѣсяца послѣ этого, Ермила ввели въ залу суда. И онъ произвелъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе. Войдя, онъ долго крестился на золотой образъ въ углу, отвѣсилъ низкій поклонъ судьямъ. Вызванный, онъ всталъ твердо, разобралъ густые волосы на потѣющемъ лбу, откинулъ голову, отвѣчалъ точно, охотно, шурясь добродушно, съ хитрецою, по-стариковски, и къ каждому слову прибавлялъ:

— Господа-начальники, судьи праведные...

Ему, видимо, нравилось, что собралось столько народа для него, что въ залѣ сидятъ барыни, купцы въ сюртукахъ, что на столѣ сукно съ бахромой, за столомъ мундиры, а у золотого образа горитъ красная лампадка. Его не останавливали—и рассказывалъ онъ, ни разу не взглянувъ на Мишку, блѣднаго, испуганнаго, и сидѣніе свое въ лѣсу, и походъ въ село,—«на счетъ сапоженокъ»,—и даже убійство съ мельчайшими подробностями. И все говорилъ:

— Мой великій грѣхъ, господа-начальники, судьи милосливые! Злые люди загубить хотѣли, а я того весь вѣкъ ждалъ.

— Но вѣдь они съ гармониками шли,—возражали ему.

— Бѣсъ и губить да трубить... играетъ, козлякаетъ. А на умѣ у него никто не былъ. Казните меня тюрьмой-каторгой.

Въ монастырѣ, гдѣ онъ отбывалъ наказаніе, не было человѣка работающаго его: какъ чисто мелъ онъ дворъ, какъ ловко кололъ дрова, какъ усердно таскалъ воду въ братскую кухню!

И монастырскимъ понравился онъ. Съ ними и остался, отбывъ покаяніе, «прижился къ Богу». Но въ монахи постричься не пожелалъ:

— Нѣтъ, я дюже преступный,—говорилъ онъ съ удовольствіемъ.

КНЯЗЬ ВО КНЯЗЬЯХЪ.

Лукьянъ Степановъ пріѣхалъ въ свѣтлый сентябрьскій день въ Галино, къ помѣщицѣ Никулиной. До его хutora верстъ пятнадцать, лошадыми онъ дорожить, какъ зеницей ока. Значить, пріѣхалъ онъ по важному дѣлу.

Темно-гнѣдой жеребецъ, сверкая глазами, тяжело влетѣлъ во дворъ, къ сараю, гдѣ еще до сихъ поръ слѣзаютъ тѣ, что не рѣшаются слѣзать у крыльца. Лукьянъ Степановъ сидѣлъ на бѣговыхъ дрожкахъ, на голой доскѣ.

— Что же это вы, Лукьянъ Степанычъ, безъ подушки-то?—улыбаясь, спросилъ его лицеистъ Сева, шедшій отъ конюшни.

— Погоди, расскажу,—отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ, привязывая жеребца къ телѣгѣ безъ передковъ.

Сева сталъ годить. Привязавъ, высморкался на землю, вытерся полою и, наконецъ, отвѣтилъ, протягивая руку:

— Вотъ оттого-то у вашего брата, господъ, и нѣту ничего. Есть подушка—валяй ее и въ хвостъ, и въ голову!

Взявъ съ дрожекъ мѣшочекъ, набитый чѣмъ-то тяжелымъ, онъ пошелъ къ дому—большой, толстый отъ одежды. На немъ была теплая поддевка, сверхъ поддевки бараній

тулупъ, голова подъ шапкой повязана по ушамъ краснымъ платкомъ, ноги обуты въ тяжелые сапоги.

Сева опять засмѣялся и сказалъ:

— А тепло вы одѣты!

— Мнѣ, братъ, восемьдесятъ съ тройкой,—отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ.—Доживи-ка до моего.

— Ну, ужъ и восемьдесятъ! Откуда вы столько набрали?

— Въ пелѣ, братъ, набралъ.

— Ну, а уши-то вы зачѣмъ же завязали?

— Глухой быть не хочу—вотъ зачѣмъ. Отчего вы, господа, глухіе-то всѣ? Все отъ этого. Выскочилъ въ чемъ попало, надуло ему въ уши—и готовъ.

Вышла въ залъ хозяйка, ея старшій сынъ Мика, лысый, усатый, близорукий, и дочь Люлю—блѣдная, женственная, задумчивая, постоянно кутающая плечи въ пуховой платочекъ и неожиданно, притворно вздрагивающая. Хозяйка угощала водкой, копченой колбасой, бѣлымъ хлѣбомъ, наливала чаю, много говорила, дѣлая видъ, что очень осведомлена въ сельскомъ хозяйствѣ. Сева не спускалъ смѣющихся глазъ съ Лукьяна Степанова, съ его загорѣлаго лица и носа, который отъ загара лупился, былъ лиловый, въ золотистой шелухѣ. Мика, наклонясь къ столу, курить, сбрасывалъ пепелъ въ пепельницу въ видѣ ладони и каталъ хлѣбные шарики, что всегда раздражало хозяйку. Люлю сѣла съ ногами на диванъ, прижалась въ уголокъ, съежилась и, не моргая, глядѣла красивыми, печальными глазами въ большой ротъ Лукьяна Степанова: десны у него были розовыя, голыя, безъ одинаго зуба. Всѣхъ томила загадка: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? А ну какъ приторговываться къ имѣнію? Ахъ, если бы далъ Господь! Хозяйка, очень тонко, какъ ей казалось, подводила разговоръ къ продажѣ имѣній, намекала на то, что по нынѣшнимъ временамъ и она охотно продала бы:

— Ахъ, Лукьянъ Степанычъ, съ нашимъ народомъ поневолѣ придешь къ заключенію, что банкъ-то самое надежное мѣсто для капитала!

Но Лукьянъ Степановъ говорилъ только о своихъ лошадахъ, объ умолотѣ, очень охотно ѣлъ бѣлый хлѣбъ, деликатно бралъ ложечку съ вареньемъ прямо изъ вазы, глубоко запускалъ ее въ ротъ, клалъ обратно и пилъ чай. Онъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ хозяйку, изумлялся самымъ простымъ вещамъ, хлопалъ себя по колѣну—и опять говорилъ только о себѣ, не давая говорить хозяйкѣ. Сидѣлъ онъ въ растегнутой поддевкѣ, подъ которой была линючая ситцевая рубашка, вытиралъ лысѣющую голову и лицо платкомъ, снятымъ съ ушей. «Совсѣмъ еще здоровый мужикъ!—думали всѣ.—Только борода сѣдая, да и то не совсѣмъ, еще видно, что она была рыжая; есть, конечно, и въ глазахъ что-то тусклое, старческое; животь провалился...» Наконецъ, онъ всталъ, принесъ изъ прихожей и развязалъ свой тяжелый мѣшочекъ, полный серебра вперемежку съ золотыми. Оказалось, что онъ пріѣхалъ только зачѣмъ, чтобы похвастаться. «Да это еще что!—сказалъ онъ.—Развѣ это деньги? Такъ, запродавъ овсешку, ну и взялъ маленько задатку...»

Вызвавъ удивленіе, зависть, почтеніе, онъ довольно и хитро засмѣялся, вѣрнѣе, засипѣлъ, открывая розовый ротъ, поблагодарилъ за чай, за угощеніе и пошелъ одѣваться:

— Нѣтъ, пора, пора,—сказалъ онъ, хотя никто не оставлялъ его.—И такъ припоздалъ. Лучше на Покровъ еще пріѣду.

Всѣ были разочарованы и ушли, не дождавшись, пока онъ одѣнется. Въ прихожей остался одинъ Сева.

— Ну, вотъ вы, Лукьянъ Степанычъ, говорите, что вамъ восемьдесятъ съ тройкой,—началъ онъ, садясь на коникъ.—Ну, скажите откровенно: боитесь смерти? Часто о ней думаете?

— Погоди, расскажу,—отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ, одѣваясь.

И опять ничего не рассказалъ. Повязавъ уши, надвинувъ шапку на самыя брови, туго и низко подпоясавшись, онъ сталъ нанизывать на себя тулупъ. Справившись съ этимъ, онъ усталъ, задохнулся и тяжело сѣлъ рядомъ съ Севою:

— Смерти-то?—сказалъ онъ.—Кто жъ ее не боится! Чудакъ-человѣкъ! Да вѣдь что жъ издѣлаешь? И умрешь, не откажешься... И богатства своего, братъ, съ собой не возьмешь!

— А вотъ вы съ деньгами такъ-то ѣздите: не боитесь, что убьютъ, ограбятъ?

— Что я съ деньгами, того никто не знаетъ. А и узнаеть, не догонитъ. Такого жеребца, какъ мой, у твоего дѣда на свадьбѣ не было.

Усѣвшись на дрожки верхомъ, Лукьянъ Степановъ шибко понесся со двора, но миновавъ церковь, гумно, вѣхъ, кто могъ его видѣть, потянулся шагомъ. А въ накуреномъ залѣ долго стоялъ столбами свѣтъ предвечерняго солнца. Сева открылъ пианино, въ тысячный разъ началъ Лунную Сонату, изъ которой зналъ только первую страницу. Хозяйка съ грустнымъ и важнымъ лицомъ несправедливо обиженной, но покорной своей судьбѣ женщины, занялась мытьемъ и вытираніемъ чайной посуды, брезгливо отдавъ горничной вазу съ вареньемъ, изъ которой ѣлъ Лукьянъ Степановъ:

— Выкиньте это и вымойте горячей водою.

Люлю встала съ болѣзненной гримасой:—ахъ, ужъ эти доморощенные музыканты! — и, выйдя изъ дому, медленно пошла по липовой аллеѣ, стараясь наступать на сухіе листья, золотые и розовые. «Осень, осыпается весь мой бѣдный садъ!» — высокимъ голосомъ запѣла она. Но оборвала пѣсню на первыхъ словахъ, свер-

пула на дорожку среди сиреновой заросли, сѣла на скамью и вдругъ зарыдала, подавляя рыданія, злобно закусывая край платка, чтобы не закричать отъ боли. Полоса яркаго вечерняго свѣта легла на сѣрый старый столъ возлѣ скамьи. Какая-то черноглазая птичка беззвучно слетѣла на вѣтку, съ вѣтки на столъ, туго, бочкомъ прыгнула раза два, съ любопытствомъ глядя на плачущую. На гумнѣ, куда, притворяясь хозяиномъ, шелъ Мика въ австрійской курткѣ и длинныхъ сапогахъ, ровно гудѣла молотилка. Ясный, равнодушный вечеръ былъ такъ тихъ, что она слышна была далеко въ полѣ—желтомъ, пустомъ, золотившемся шелковыми сѣтями паутины.

Черезъ нѣсколько дней подали къ крыльцу никулинскаго дома тройку. Кучеръ надѣлъ плисовую безрукавку, шелковую канареечную рубаху и шляпу въ павлиньихъ перьяхъ; барыня и барышня—трауръ: всегда есть какая-нибудь умершая дальняя родственница, а это вѣдь такъ удобно, если нѣтъ хорошихъ костюмовъ для вагона. Спустивъ вуали, натягивая фельдекосовыя перчатки, онѣ ласково и грустно прощались съ прислугой, принимая зонтики, накидки, рыжій пледъ покойнаго Никулина. Сева поѣхалъ верхомъ, на нервной худой кобылкѣ. До станціи всего двадцать верстъ, поѣздъ отходилъ въ семь, а выѣхали въ два. Можно было отстать. Сева отсталъ возлѣ хутора Лукьяна Степанова. Тройка скрылась въ степи, среди ржаныхъ жнивій; онъ повернулъ на перекопанную, заросшую полынью дорогу къ хутору.

Было жарко, вокругъ блестѣла сухая вспаханная земля на картофельныхъ обобранныхъ поляхъ. Вдали серебрились тополя. Навстрѣчу шелъ по пыли бѣлый толстый мальчикъ лѣтъ трехъ, въ грязной рубашечкѣ, въ большомъ черномъ картузѣ, похожій на старичка,—шелъ, положивъ голову на плечо, неизвѣстно куда. «Заблудится, зайдетъ къ чорту на кулички»—подумалъ Сева, смѣясь.

Быль праздникъ, послѣобѣденное время—хуторъ казался необитаемымъ. Вотъ плетень и въѣздъ въ широкій дворъ. На дворѣ телѣги, сорокаведерное каменное корыто, журавль давно высохшаго колодца, тѣнь отъ старыхъ амбаровъ подъ сизой соломенной крышей съ навѣсомъ. Нарушая видъ степного мужицкаго гнѣзда, бѣлѣтъ за амбарами еще некрашенная желѣзная крыша новаго мѣщанскаго дома на высококомъ фундаментѣ. Дальше—какой-то черный исполинскій шалашъ, возлѣ котораго виситъ на шестѣ дохлый ястребъ. Впереди—мелкій прудъ, сверкающій на солнцѣ, глиняные берега въ гусиномъ пуху. А по другую сторону двора—развалины варка, стариннаго, еще тѣхъ временъ, когда хуторъ принадлежалъ барону Ачкасову: каменные крѣпостныя стѣны, голый остовъ песокрушимыхъ стропиль. Всѣ ворота настезь—виденъ навозъ, слежавшійся, спекшійся, наросшій за многіе годы подъ самые переметы.

Лукьянъ Степановъ одиноко и величаво стоялъ среди двора, безъ шапки, въ лиловой рубахѣ, опираясь на рогачъ. Невдалекѣ тихо сидѣлъ въ ведрѣ, забитый въ него, закутанный въ попонку блѣдный ребенокъ въ чепчикѣ. Другой, въ продранной на тугомъ животѣ рубашкѣ, криво и старательно заносилъ полную ножку, взбираясь на каменное крыльцо амбара. А вокругъ все было усѣяно спящими: одной семьи у Лукьяна Степанова шестнадцать человѣкъ, да еще гости, кумъ съ женой, пріѣхали. Всѣ ошалѣли, ослабѣли послѣ обѣда, повалились гдѣ попало и заснули. Одинъ Лукьянъ Степановъ не сдался: былъ еще во хмѣлю, красенъ, но стоялъ, стерегъ свои владѣнія бодро.

Когда Сева въѣхалъ во дворъ, Лукьянъ Степановъ, не спѣша, подошелъ, подаль руку и осмотрѣлъ запотѣвшую подъ сѣдломъ кобылку.

— Въ Москву за пѣснями?—спросилъ онъ съ усмѣшкой.

Подъ навѣсомъ амбаровъ сидѣли на цѣпяхъ овчарки. Онъ погрозилъ имъ. Возлѣ шихъ, въ тѣни, крѣпко спалъ на спинѣ кумъ, мужикъ съ черно-шелковой бородой. На солнцѣ, въ телѣгѣ—баба въ зеленомъ платкѣ и старшій сынъ Лукьяна Степанова, въ атласной синей рубахѣ, въ кованыхъ сапогахъ съ выпущенными изъ-за голенищъ каскамн шерстяныхъ чулокъ. Эти лежали ничкомъ, обильные. Прочіе спали прямо на травѣ. Бабы—прикрывшись отъ солнца фартуками, подолами.

— Яшинуку? А?—спросилъ Лукьянъ Степановъ.

Сева, смѣясь, отказался:

— Мы только что отъ завтрака.

— Ну, чайку?

— Право, не хочется.

— А то ветчинки накрою?

— Нѣтъ, спасибо, ей-Богу ничего не хочу. Да и на станцію боюсь опоздать.

— Значитъ, вѣрно—опять въ Москву?

— Да... Пора. Я и такъ пропустилъ уже много уроковъ.

— Жистъ вамъ!—сказалъ Лукьянъ Степановъ какъ бы съ завистью, но не скрывая и насмѣшки.—Урковъ! А я вотъ тысячъ на сорокъ имѣю, князь во князьяхъ, а все сизку. Въ Кіевъ и то не соберусь никакъ. А понужнѣ твоихъ урковъ. Пойдемъ, домъ покажу.

Возлѣ дома, на рвани ватнаго одѣяла, сушилось просо.

— Кшъ, пропасти на васъ нѣту!—сказалъ Лукьянъ Степановъ, махнувъ рогачемъ на высокихъ худыхъ цыплятъ, бѣгавшихъ по просу, и первый поднялся на крыльцо, вошелъ въ сѣни, дѣлившія домъ на двѣ половины. Пѣла въ сѣняхъ еще не пастылали; навалены были тутъ разсыпавшіяся колеса, разохшіяся кадушки, каришчи, известка. Въ отворенныя двери глядѣли пустыя комнаты, кафель-

ныя печки, мѣдныя отдушники, стѣны въ голубенькихъ обояхъ.

Сева спросилъ, оглядываясь:

— А что же вы его не додѣлываете?

— Это кого? Домъ-то?

— Да.

— Капиталу, братъ, не хватаетъ. Это вѣдь у тебя одна забота—урки учить, задачи рѣшать, да диктовку гнать.

— Нѣтъ, безъ шутокъ? И не додѣлываете, и не переходите... Вѣдь вы, говорятъ, подъ шалашемъ, въ землянкѣ живете...

— Она землянка, а лучше всякой избѣ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ.—А не перехожу, это правда. Третій годъ не перехожу, оттого и не додѣлываю. Дай ребятенки пойдутъ, выравниются.

— Какіе ребятенки?

— А внуки. Ихъ у меня числа нѣтъ. Пусти-ка ихъ! Живо всѣ шпалеры обдерутъ.

Въ задней комнатѣ, въ залѣ, какъ называлъ ее Лукьянъ Степановъ, сидѣла на полу босая баба, миловидная, очень смиренная на видъ, и рубила косаремъ зеленую траву.

— Это кому же?—спросилъ Сева.

— Свинымъ кушанье готовить,—сказалъ Лукьянъ Степановъ.—Пойдемъ. Тутъ жарко.

— А я все-таки избу вашу хотѣлъ бы посмотрѣть?

— И въ избу сведу.

Подъ громаднымъ, чернымъ отъ старости шалашомъ толстый потолокъ изъ бревенъ и навозу, залитого глиной, покрывалъ громадную землянку. Спустились внизъ по землянымъ стертымъ ступенькамъ. Внизу было мрачно, темно—свѣтъ проходилъ только въ два крошечныхъ окошечка подъ самымъ потолкомъ. Сева увидалъ нары, чело-вѣкъ на двадцать, опять-таки заваленныя старьемъ—попонами, лотками, опметками лаптей, люльками; огля-

дѣлъ разсѣвшуюся кирпичную печь, полати, столъ, занимавшій чуть не половину избы, шербатыя чугуны на мокромъ земляномъ полу возлѣ печки,—въ нихъ, въ водѣ съ золой, выпаривались портки и рубахи.

— Но это ужасно!—сказалъ онъ смѣясь.—Какъ же вы тутъ живете! Вѣдь васъ шестнадцать чело-вѣкъ. И цѣлую зиму спите всѣ вмѣстѣ...

— Ничего тутъ нѣту ужаснаго,—сказалъ Лукьянъ Степановъ, что-то внимательно оглядывая подъ печкой, и вдругъ махнулъ рогачомъ: изъ-подъ печки, раздувая золу, вылетѣлъ больной облѣзлый голубь.—Ничего тутъ нѣту, братецъ ты мой, ужаснаго. Девять лѣтъ прожилъ, какъ дай тебѣ Богъ прожить. Ни разу ни угорѣли. Диво, а не изба. А теплынь какая! Зимой прямо хотъ рубаху скидавай... Мы, братъ, люди земляные.

— Но сыро, должно быть, ужасно?

— Наладилъ! Сыро это правда... дюже сыро. Пойдемъ, свою охоту покажу.

Охота Лукьяна Степанова, его знаменитые на всю округу чернопѣгіе битюки помѣщались въ особомъ дворѣ, въ каменной, крытой тесомъ пристройкѣ къ новому дому. Отомкнули замки на высокихъ тесовыхъ воротахъ, вошли въ уютный квадратъ изъ денниковъ и амбарчиковъ съ крылечками и маленькими желѣзными дверками.

— Вотъ буду жить въ новомъ домѣ, проснусь такъ-то ночью, гляну, анъ мнѣ изъ залу все и видно,—сказалъ Лукьянъ Степановъ, показывая на окошечко, глядѣвшее изъ дома во дворъ.—Понялъ? Умно придумано? Истинно, какъ Адамъ въ раю, живу! Истинно, князь во князьяхъ!

Глаза его стали блестятъ. Денники тоже были на замкахъ. Отмыкая ихъ, онъ распахивалъ дверь, смѣло шель прямо къ заду лошади, оглаживалъ его и шель къ головѣ.

— Ты не ходи, не ходи!—кричалъ онъ изъ денника.—

На порожку постоя. На-смерть убьетъ! Меня только одного подпускаютъ...

Страшныя траурныя лошади вздрагивали всей кожей, нарахались, храпѣли, косили огненными глазами. Гривы у нихъ были черныя, густыя, чуть не до земли. Раскорылены онѣ были на удивленіе, до желобовъ на спинахъ и крупахъ.

— А? Что? Каково?—глухо кричалъ Лукьянъ Степановъ изъ темноты.—Видалъ? А то Москва-а... Болѣ ста лѣтъ въ нашемъ роду этотъ самый заводъ, такой масти ни у кого во всей губерни нѣту. Стану помирать, накажу цѣльную тройку запретъ въ самую первую телѣгу,—тройкой гробъ помчатъ!

Потомъ, нагнувшись, переступилъ порогъ маленькаго денничка, гдѣ стояла ладная перламутровая кобылка:

— А это моя любимица! Земчужная лошадка называется. У, матушка! Любишь? Любишь?—Любить, чтобъ ей носикъ чесать, страсть любить,—сказалъ онъ съ восторгомъ, оборачиваясь къ соскучившемуся гостю.

Все осмотрѣвъ и затворивъ, замкнувъ, онъ обрѣлъ самое прекрасное, ровное и ласковое расположеніе духа.

— Погоди, дурачекъ, погоди, поспѣешь!—говорилъ онъ, удерживая гостя.—Пойдемъ чай пить. Ну, а не хочешь, давай такъ посидимъ, побалакаемъ...

Онъ сходилъ въ избу, принесъ скамью, сѣлъ; глубоко и довольно вздыхая, усадилъ Севу рядомъ съ собой.

— Эй, бабка!—закричалъ онъ на весь дворъ.—Старуха!

Толстая, сутулая старуха въ шерстяныхъ чулкахъ, въ очкахъ, съ паглинкомъ и спицами въ рукахъ, показалась изъ-за шалаша.

— Княгиню-то мою еще не видалъ?—спросилъ Лукьянъ Степановъ, кивая на нее.—За одно ужъ и ее погляди. Ума палата! Она у меня тоже при дѣлу. За избой сидить, макъ стережетъ.

Старуха подошла и низко поклонилась.

— Ну, какъ?—спросилъ Лукьянъ Степановъ.—Сидишь? Никого не видать?

— Пока, слава Богу, никого. Да вѣдь знаютъ, что есть караулъ.

— Маку немножко для потѣхи посѣялъ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ, не дослушавъ ее и обращаясь къ гостю.—Я этихъ тамъ маковъ, подсолнуховъ ни по чемъ не уважаю—для потѣхи только сѣю по малости, абы, абы ребятишкамъ хватило. Какъ сѣяли дѣды-прадѣды ржицу, такъ и намъ Богъ велѣлъ. Они только ее одны, матушку, знали, а цыгарки изъ трехрублевокъ вертѣли. Я, братецъ ты мой...

Старуха стояла и блестя мелкаяющими спицами, слушала, глядя исподлобья, изъ-за очковъ. Лукьянъ Степановъ слегка нахмурился.

— Ну, будя, послушала,—сказалъ онъ и махнулъ на нее рукой.—Что приглядываешься? На мнѣ узоровъ нѣту. Ступай, ступай отцеда...

Вечерѣло. Галки, болтая, усаживались на рѣшетчатые колпаки на трубахъ новаго дома. Стали просыпаться спавшіе. Одинъ за однимъ прошли мимо, на прудъ, умываться, сыновья Лукьяна Степанова—угрюмые, густоволосые, крѣпкіе мужики. Ребенокъ, сидѣвшій въ ведрѣ, повалился вмѣстѣ съ ведромъ и кричалъ на весь дворъ. Сева простился.—«Ну, во святой часъ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ,—подюжѣй учись»,—и, Сева, вскочивъ на свою нервную кобылку, поѣхалъ по плотинѣ пруда. Вечерняя прохлада и тишина сходили на степь. Воробьи осыпали горѣлую, голую лозинку на плотинѣ сплошнымъ трескомъ, вечернимъ, уютнымъ. Желтоватая жидкая вода кишѣла возлѣ плотины мельчайшими вшами. Умывшійся мужикъ сидѣлъ на глиняномъ берегу распояской, отражался подъ берегомъ и глядѣлъ на оранжевое солнце, садившееся за степью, за неоглядной равниной, въ молочно-голубомъ

сухомъ туманѣ. Жнивья были лимонныя. Пастушенко, съ раздутой губой, въ бараньей шапкѣ, медленно гналъ по нимъ стадо овецъ: «Рръ!» Онѣ двигались скопомъ, на ходу докармливаясь, съ шумомъ дыханія. Сева, отъѣхавъ отъ хутора, взглянулъ на его миръ и уютъ съ завистью, ударилъ плеткой по лошади и понесся вскачь, оставляя за собой столбъ пыли. Столбъ этотъ протянулся на версту и не опадалъ долго, долго, пока не стемнѣло...

Въ Москвѣ всю осень шли дожди. Мика не писалъ и не слалъ денегъ изъ деревни—опять съ любовницей связался. Мама хворала,—по крайней мѣрѣ, не принимали никого, говоря, что она хвораетъ. Принимали только одного Жедринскаго, стараго театрала, бритаго, очень полнаго и удивительно размытаго, страдавшаго одышкой, славившагося своими остротами на весь городъ. Въ ноябрѣ Люлю, неожиданно для всѣхъ, вышла за него замужъ. Теперь уже валилъ снѣгъ, ночью вверхъ по Тверской одна за одною неслись, гремя глухарями, тройки. Жедринскій, очень подружившійся съ Севой, какъ всегда проводилъ ночи съ компаніями въ Стрѣльнѣ и бралъ его съ собою. Куря на морозѣ сигару, сидя въ дохѣ между женою и маленькой знаменитой артисткой, Жедринскій все наклонялся къ ней и остротами вполголоса заставлялъ ее хохотать до упаду и бить его по рукамъ. Люлю, въ дорогихъ легкихъ мѣхахъ, въ средневѣковомъ бархатномъ беретѣ, печальными, молящими глазами, уткнувъ лицо въ муфту необыкновенной величины, смотрѣла на сидящаго напротивъ молоденькаго сумскаго офицера. Его сосѣдъ, знаменитый пѣвецъ, съ лицомъ екатеринскаго вельможи, стриженный въ скобку, по-мужицки, но въ цилиндрѣ и медвѣжьей шубѣ, дѣлалъ лѣнливые, безстрастные глаза: ревновалъ. Люлю грустно думала:

— Я гадкая, гадкая...

Жизнь въ Стрѣльнѣ, у Яра только начиналась. Ве-

село было входить туда, въ огни, тепло, блескъ зеркалъ, теплый воздухъ, пахнувшій сигарами, шампанскимъ и жареными рябчиками, отrixивать бертолетовую соль морознаго снѣга съ мѣховъ, кидать ихъ на руки ловкихъ людей въ поддевахъ и помогать дамамъ, шуршащимъ шелкомъ юбокъ, раскраснѣвшимся и сіяющимъ съ мороза, разстегивать ботики!

А Лукьянъ Степановъ, мирно ночевавшій со всѣмъ своимъ многочисленнымъ потомствомъ и телятами въ теплой земляной берлогѣ, уже третій разъ просыпался въ эту пору и босой выходилъ наверхъ, на скрипучій снѣгъ, подъ черно-синее небо и звѣзды.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Все было кончено: свели проданную скотину, увезли проданные экипажи, сбрую, мебель, настежь распахнули ворота варковъ и сараевъ, двери амбаровъ и конюшенъ: вездѣ было пусто, просторно, на дворѣ—хоть шаромъ покати.

Новый владѣлецъ, мѣщанинъ Ростовцевъ, извѣстилъ, что будетъ вечеромъ двадцатаго апрѣля. Въ тотъ же день, въ три часа, рѣшилъ уѣхать и Воейковъ; семью онъ отправилъ въ городъ еще двѣнадцатаго.

Изъ работниковъ осталось двое: солдатъ Петръ и Сашка. Они валялись по лавкамъ въ пустой кухнѣ, курили и то со смѣхомъ, то съ сожалѣніемъ говорили о прожившемся баринѣ. А онъ, одѣтый по-городскому, въ коричневой пиджачной парѣ и уланскомъ картузѣ съ желтымъ околышемъ, держа въ одной рукѣ костыль, въ другой табуретъ, ходилъ по дому. Какъ было свѣтло въ его нагихъ стѣнахъ! Растворяя двери изъ комнаты въ комнату, онъ влѣзалъ на табуретъ и задираля сверху внизъ засиженные мухами, отставшіе отъ стѣнъ обои: съ трескомъ и шумомъ падали на полъ огромные куски ихъ, съ исподу покрытые известкой и сухимъ клестеромъ. Въ большой угловой комнатѣ обои были синіе съ золотомъ. Они поблекли, выцвѣли, но много было на нихъ и темныхъ овальныхъ

кружковъ, квадратовъ: эта комната всегда была увѣшена дагеротипами и мелкими старинными гравюрами, а въ углу образами. Ободрать ее не удалось. Солнечный свѣтъ мягко проникалъ сквозь тонкія и тускляя, выгорѣвшія стекла четырехъ большихъ оконъ. Вспоминая дѣтство, проведенное здѣсь, Воейковъ ударилъ костылемъ въ одно окно, въ другое... Стекла со звономъ посыпались на гнилые подоконники, на желтые восьмиугольники разошлася паркета. Въ дыры потянуло мягкимъ весеннимъ вѣтромъ, стали видны сѣрые кусты сирени.

Сѣвъ на табуретъ, Воейковъ рѣшилъ додумать и послѣднее.

Онъ сидѣлъ долго, снявъ картузъ, опустивъ широкую голову, причесанную на косою рядъ по-старинному—справа налѣво, съ косицами на виски. Снова и снова вспомнились дѣды, прадѣды, жившіе и умершіе въ этомъ домѣ, въ этой усадьбѣ; вспомнились чуть не всѣ имена борзыхъ, прославившихъ воейковскую охоту... Теперь заухадалыхъ, обезображенныхъ голодомъ и старостью потомковъ ихъ осталось всего шесть штукъ... Они скоро поколѣютъ, конечно... Да, но не Гришкѣ же Ростовцеву оставить ихъ! Воейковъ поднялъ свое тяжелое смуглое лицо, все въ желчныхъ складкахъ и морщинахъ, съ чернозелеными, крашеными усами. Темные глаза его блестѣли зло и строго.

Надѣвъ картузъ, стуча костылемъ, онъ вышелъ на крыльцо и крикнулъ черезъ дворъ въ кухню. На порогъ выскочилъ длинный Петръ и, какъ всегда при видѣ барина, нахмурился.

— Гдѣ собаки?—спросилъ Воейковъ.

Петръ глянулъ въ сѣнцы, по двору, въ садъ...

— Да, кажись, всѣ дома.

— Ну, вотъ и отлично,—громко и твердо крикнулъ Воейковъ.—Всѣхъ удавить. Получишь по четвертаку за каждую.

И, закуривая толстую короткую папиросу въ дорогомъ прокопченомъ мундштукѣ, сѣлъ на ступени крыльца. Петръ скрылся въ кухнѣ, удивилъ и обрадовалъ Сашку, быстро сообщивъ ему о рѣшеніи барина, нашелъ подъ лавкой веревку и снова вышелъ на порогъ, думая: съ какой начать?

Три пѣгихъ собаки лежали среди двора, на солнцѣ. Двѣ бѣлыхъ—въ тѣни, возлѣ сарая. Одна бѣжала отъ ельника по свѣтлой аллеѣ еще сквозного сада съ голыми зацвѣтающими яблонями, по розовой весенней землѣ. Всѣ были стары, стара и эта—палевая сучка съ черными ушами, съ длинной сухой шерстью на тонкихъ жилистыхъ ногахъ. Петръ посвисталъ и похлопалъ себя по колѣнкѣ. Сучка направилась черезъ дворъ прямо къ нему, виляя густымъ загнутымъ хвостомъ, лизнула ему руку. Петръ накинулъ ей на шею веревку и, заскребая сапогами, побѣжалъ по двору къ саду. Схвативъ желѣзную лопатку, забытую въ углу сѣнецъ, коротконогій веселый Сашка побѣжалъ за нимъ.

Собака пошла сперва охотно. Но у воротъ сада вдругъ уперлась, взвилась и, завизжавъ, закувыркалась. Сашка на бѣгу поднялъ рогатый зелено-золотой яблоневый сукъ и нѣсколько разъ ударилъ ее по сухой спинѣ, оставляя на рогулькахъ лохмотья старой шерсти. Петръ бѣжалъ, держа веревку черезъ плечо и точно падая; собака, подскакивая, кидалась во всѣ стороны, рвалась назадъ, присѣдая и отматывая, отрывая себѣ голову. Спавшія борзья очнулись и стаей бросились катать ее.

— Отрыжь!—грозно гаркнулъ Воейковъ, вскочивъ съ крыльца.

Сашка лопатой разогналъ ихъ. А на десахъ сучки, яростно грызшей веревку, показалась кровь, давясь, она защемила языкъ. Въ боковой аллеѣ изъ кустовъ акаціи Петръ пошелъ тише: она внезапно изнемогла, перестала

сопротивляться, похудѣла еще болѣе, уже шаталась, путая задними ногами, и отставила опустившійся хвостъ. Когда Петръ перекинулъ веревку черезъ толстую вѣтвь раскидистаго клена, засыхающаго на перекресткѣ двухъ дорожекъ, и быстро повернувшись къ нему правымъ плечомъ, рванулъ ее внизъ, собака, вздернутая на дыбы, судорожно скорчивъ переднія лапы, сдѣлала усиліе удержаться на взрытой подъ клепомъ землѣ, но повисла, едва касаясь ея. Черно-лиловый языкъ ея высунулся, обнажились въ гримасѣ коралловыя десна, дневной свѣтъ, отраженный въ потухающихъ глазахъ винограднаго цвѣта сталъ тусклѣе.

— Теперь молчи, не вякай,—сказалъ Петръ, усвоившій себѣ манеру шутить сумрачно.

Сашка, напѣвая женскимъ голосомъ, рылъ яму среди голыхъ кустовъ, покрытыхъ блѣдно-зелеными зернами почекъ. Вдали, на старыхъ деревьяхъ въ низахъ сада, шумѣли грачи. Кругомъ пѣли скворцы, стрекотала со-рока, солнце сушило слежавшуюся листву въ корняхъ кустовъ, а Сашка твердо и съ удовольствіемъ наступалъ на блестящую лопату, легко уходящую въ рыхлую синюю землю и рѣзавшую на двое жирныхъ малиновыхъ червей. Подошелъ Андрей, стерегшій свою кобылу въ безхозяйномъ саду, молодой опрятный мужикъ съ деревни.

— За что такъ сказнили?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Значить, такъ приказано,—отвѣтилъ Петръ, все еще державшій веревку черезъ плечо.—На прощанье, значить. Всѣхъ велѣлъ къ смерти предать. Чтобъ никому не доставались.

— Горюеть?

— Загорюешь. Все говоритъ: «Выхожу я одинъ на дорогу»... А ты, кажись, пристроился лошадь въ саду кормить? Смотри,—къ вечеру новый пріѣдетъ. У этого, братъ, не покормишь.

— Я къ вечеру стоню,—сказаль Андрей.

Онъ палкой приподнялъ подъ задъ собаку,—собака очнулась, зарычала, втягивая животъ,—и продолжалъ разсѣянно:

— А я тоже недавно собаченку удавилъ. Пристряла чья-то, живетъ недѣлю, другую, брехать не брешеть... Я подумаль, подумаль, взяль да и удавилъ.

— Собакъ что, и людей, какіе позамѣчательнѣе, и то много казнятъ,—сказаль Петръ.

— А ты что жъ, видалъ?

— Видѣть я этого никакъ не могъ. Никого не допускають; ближнимъ даже и то нельзя. Мнѣ солдаты разсказывали. Сдѣлають съ ночи висѣльницу, а на разусвѣтѣ приведуть этого самаго злодѣя, палачъ мѣшокъ ему на голову надѣнетъ и подыметъ на резиновома канатѣ. Докторъ подойдетъ, глянетъ и сейчасъ говоритъ, удавился или нѣтъ... Тутъ же подъ висѣльницей и могила.

— Такъ безъ гробовъ и валять?

— А ты думаль—подъ стекло?

— И такъ ни одинъ алхитекторъ не найдетъ,—сказаль, смѣясь, изъ кустовъ Сашка.

Петръ бросиль веревку,—собака упала и осталась въ сидячемъ положеніи,—и сталъ закуривать.

— А потомъ, значить, станокъ этотъ на иную мѣсто переносять?—спросиль Андрей.

— Куда нужно, туда и переносять.

— А за что жъ ихъ казнятъ?

— Понятно, не за хорошее. За всякія разновѣрія, за начальство, за разбой. Не буянь, не воруй...

— А палачъ-то этотъ самый, онъ что жъ, жалованье получаетъ?

— А какъ же. И харчи, и одежду даютъ отличную.

— Смотри, отдышетъ,—пошутиль Андрей и пошелъ къ лошади, трещавшей сущю въ чашѣ стараго вишенника.

— Небось,—сказаль Петръ и крикнуль Сашкѣ:—Готово, что ль?

Вмѣстѣ съ мраморными и желтыми, сухими и мокрыми листьями онъ потащиль собаку къ ямѣ. Закидавъ яму землей, Сашка сталъ утаптывать ее, и влажная земля дышала подъ его сапогами.

— Ну, вѣчная память,—сказаль онъ.—Намъ жить, поживать, тебѣ гнить.

И, вскинувъ лопату на плечо, пошелъ за Петромъ къ дому. Петръ на дворѣ остановился и, держа веревку за спиной, маниль къ себѣ большого, уже сдѣвющаго кобеля Черкеса.

— Съ одной, Борисъ Борисычъ, управилсь, закопали,—весело крикнуль Сашка Воейкову, все еще сидѣвшему на крыльцѣ.

— Чего ржешь, болванъ?—строго осадиль его Воейковъ.—Какъ такъ закопали? Кто вамъ приказываль закапывать? Въ ельникѣ, на елкахъ повѣситъ всѣхъ и такъ и оставить. Слышишь?

— Слушаю,—отвѣтилъ Сашка и кинулся помогать Петру.—Ну, скорѣй, что ль!—крикнуль онъ шопотомъ.

Къ тремъ часамъ покончили со всѣми собаками. Теперь старая усадьба, тихая, безлюдная, дремлющая подъ лаской теплаго апрѣльскаго солнца, была совершенно пуста. Возбужденные, уморившіеся работники шли по аллеѣ и считали, сколько имъ приходится за работу.

— Ничего, отлично,—говориль Петръ съ сумрачной веселостью.—Полтора цѣлковыхъ. Будетъ намъ на поминки полный обѣдъ съ закуской.

Воейковъ, съ обнаженной головой, стояль у крыльца, крестился и кланялся дому.

— Прощайте,—строго сказаль онъ, оборачивая свое энергичное темное лицо къ подошедшимъ.—Кончили?

— Кончили,—отвѣтили работники въ одинъ голосъ, снимая картузы.

— Получите.

Принимая деньги, Сашка поцѣловаль его смуглую руку съ истончившимся обручальнымъ кольцомъ. Воейковъ, не мѣняя выраженія лица, обняль его и поцѣловаль въ губы. Кивнулъ Петру. На мгновеніе глаза его перекошились, подернулись мутью. Но, надѣвъ картузь, онъ сталъ еще строже и еще тверже сказалъ:

— Теперь можете идти. Я не велѣлъ Мирону заѣзжать за мной. Самъ къ нему зайду, отъ него поѣду. Я не телѣги стыжусь, а просто... не желаю.

И пошелъ къ воротамъ, не оборачиваясь.

Сашка сбѣгалъ въ лавку, и лавочникъ ржавымъ топоромъ отрубилъ ему на порогѣ кусокъ мокрой соленой свинины. Петръ поджидалъ его возлѣ винной лавки, на выгонѣ, близъ усадьбы. И, закусывая, они долго сидѣли на мелкой и яркой весенней травѣ. Вечеръ наступалъ розовый. Холодѣлъ воздухъ, и слышнѣе шумѣли, кричали грачи на старыхъ деревьяхъ въ сыроватыхъ низахъ сада. За сквозными верхушками ихъ уже сіяла небольшая ясная луна. А за рѣкой, въ золотомъ чистомъ блескѣ, садилось солнце,—и въ странно молчавшей усадьбѣ оранжево пламенѣли стекла настѣжъ раствореннаго мертвого дома.

Ростовцевъ, съ приказчикомъ, на бѣговыхъ дрожкахъ, прѣѣхалъ поздно, когда деревня вся спала. Въ тишинѣ чуть звенѣла гайка на его колесѣ, когда онъ шагомъ вѣзжалъ на бывшій воейковскій дворъ. У крыльца онъ остановился и, съ трудомъ слѣзая, передалъ возжи назадъ, приказчику. Приказчикъ поѣхалъ къ сараю отпрягать, а онъ, въ чуйкѣ и глубокомъ тепломъ картузѣ, разминая онѣмѣвшія отъ долгаго сидѣнія ноги, вошелъ въ домъ. Поклонился и онъ дому, снимая картузь и набожно роняя волосы на порогѣ полныхъ мутнаго луннаго свѣта ком-

натъ. Всюду были завалены драными обоями полы въ нихъ. Проходя комнату за комнатой, внимательно и уже по-хозяйски строго вглядываясь во все углы, онъ отшвыриваль шуршавшіе куски сапогомъ и, качая головою, съ искренней горечью, бормоталь:

— Ахъ, мошенники! Ахъ, невѣжи!

Въ полусумракѣ казалось, что комнатамъ конца нѣтъ. Было жутко въ обезображенной пустотѣ ихъ, въ этомъ остовѣ разореннаго чужого гнѣзда, столько лѣтъ жившаго своей особой и для всехъ Ростовцевыхъ загадочной, недоступной жизнью. Ростовцевъ повернулъ назадъ, вышелъ, горбясь и хмураясь, на крыльцо и, волнуемый нетерпѣніемъ поскорѣе осмотрѣть все, теперь свое, собственное, пошелъ въ садъ взглянуть на цвѣтъ яблонь: очень онъ надѣялся на садъ въ этомъ году. Но при розоватой лунѣ даже зоркіе глаза Ростовцева не могли отличить мелкаго бѣло-розоваго цвѣта отъ нагихъ сучковъ и почекъ. Онъ постоялъ, потянулъ носомъ, надѣясь взять обоняніемъ. Цвѣтомъ пахло, но слабо. Сильнѣе пахло холодной влажной землей, свѣжестью молодой травы. Въ глубокой тишинѣ четко и осторожно отдавалось по саду чоканье соловья, пробующаго въ низахъ голосъ. Ночь была нѣжная, свѣтлая, луна чуть туманная. Далеко сквозилъ садъ—и, повернувшись къ ельнику, Ростовцевъ вдругъ почувствовалъ, какъ у него зашевелились подъ картузомъ волосы: на сумрачной чащѣ высокихъ густыхъ елей стояло пять длинныхъ блѣдно-голубыхъ привидѣній. Внѣ себя отъ страха, онъ двинулся на нихъ... А черезъ минуту уже шелъ назадъ и бормоталь съ еще большей горечью:

— Ахъ, мошенники! Ахъ, невѣжи!

— Думаль въ домѣ лечь,—нарочно громко, на весь дворъ, сказалъ онъ, выходя на середину двора.—Да ну ихъ къ чорту. Тамъ жуть, безобразіе. Все ободралъ, ста-

рый дуракъ, собакъ всѣхъ повѣшалъ... Пойдемъ въ избу авось наше дѣло не барское.

— Корысть не велика, — громко и весело отвѣтилъ приказчикъ, подходя къ нему. — Ужъ чего, чего, а собакъ то наживемъ... Съ новосельемъ васъ, Григорій Кискентиничъ! — сказалъ онъ, снимая картузь и протягивая руку.

— Ну, будя, будя! — притворно сердито отвѣтилъ Ростовцевъ. — Пойдемъ-ка спать...

Бросая на росистую траву двѣ тѣни, они пошли къ кухни. Тамъ, на лавкѣ, при лунномъ свѣтѣ, они закусили колбасой и бѣлымъ хлѣбомъ, отрывисто переговариваясь, и легли голова къ головѣ, положивъ вмѣсто подушекъ свернутыя чуйки. Нужно было встать пораньше, чтобы встрѣтить подводы изъ города и начать приводить усадьбу въ порядокъ.

Но отъ нетерпѣнія ночь казалась Ростовцеву безконечной. Онъ просыпался и съ тоской видѣлъ розовый свѣтъ все на томъ же мѣстѣ — на своихъ голенищахъ. А, засыпая, вздрагивалъ: стѣной вставала передъ нимъ черно-зеленая чаша ельника, а на ней, въ ея строгомъ сумракѣ, — висящія собаки. Онъ перевертывался съ боку на бокъ и сердито ухмылялся своему малодушію.

СКАЗКА.

Идутъ съ сѣвера тучи и закрываютъ западъ, который еще даетъ невѣрный свѣтъ деревенской грязной улицѣ. Въ избѣ почти темно.

Баба разводитъ огонь на загниѣткѣ: набила въ чугуны ялицъ, хочетъ дѣлать яичницу. Въ другомъ чугунѣ, щербатомъ, она принесла изъ лавки два фунта гречневой крупы. Она поставила его на нары, и ребятишки, одинъ за другимъ, заголяясь, сошмыгнули съ печки, сѣли вокругъ чугуна, горстями, торопливо ѣдятъ крупу, закидывая назадъ головы, и отъ жадности дерутся.

На лавкѣ возлѣ стола, облокотясь на подоконникъ, сидитъ мелкопомѣстный баринъ, въ глубокихъ калошахъ, въ теплой поддевкѣ и каракулевой шапкѣ. Ему двадцать лѣтъ, онъ очень великъ, худъ и узкогрудъ. Глаза у него, какъ у многихъ чахоточныхъ, темные; ротъ большой, бѣлая тонкая шея со впадинами за ушами закутана розовымъ гаруснымъ платкомъ жены. Онъ недавно женился на дочери винокура, но уже соскучился съ женой и ходитъ по вечерамъ къ сосѣду, къ Никифору: заставляеть его рассказывать сказки и были, плохо слушаетъ, но дарить за работу то гривенникъ, то двугривенный.

Никифоръ мужикъ еще молодой, но сумрачный. Какъ нопаль онъ въ сказочники, ему самому непонятно. На-

чалось съ шутки: рассказалъ однажды какой-то пустякъ, а барину понравилось, — смѣясь, онъ далъ на полбутылки и, зайдя на другой день, потребовалъ новаго рассказа. Пришлось вспоминать всякую чепуху, порою выдумывать что попало, порою врать на себя всякую небылицу. Притворяются балагуромъ, сказочникомъ неловко, но неловко и сознаться, что нечего рассказывать. Да и какъ упустить заработокъ? Все-таки не всегда засыпаютъ голодными ребятишки, закусишь и самъ иной разъ, купишь табаку, соли, мучицы, а не то, какъ вотъ нынче, крупы, яицъ.

Никифоръ сидитъ за столомъ, насупясь. Надо рассказывать, а ничего не придумаешь. Держа въ зубахъ трубку, вытянувъ верхнюю губу, глядя въ землю, онъ до зеленой пыли растираетъ на ладони надъ кисетомъ корешки, выгадывая время. Баринъ ждетъ спокойно, но ждетъ. Хворость подъ чугуномъ разгорается, но свѣтъ держится только возлѣ печки; уже не видно визжащихъ ребятишекъ, смутно и лицо барина. Однако, Никифоръ не поднимаетъ глазъ, боясь выдать свое раздраженіе. Рассказывать нечего, но раздраженіе помогаетъ. Притворяясь думающимъ, онъ медленно, невыразительно начинаетъ:

— Старья права были хитрыя... Вотъ такъ-то поѣхалъ одинъ мужикъ за дровами въ лѣсъ, дѣло было, конечно, зимой, самый холодъ былъ ужасный, и встрѣчается съ бариномъ... У мужика, конечно, лошадь плохая, а баринъ попался злой. Ну, встрѣчается съ нимъ, кричитъ «сворачивай съ дороги»... Снѣгъ былъ глубокій, мужикъ съ дороги не сворачиваетъ, говоритъ «куда жъ мнѣ сворачивать? вы, говоритъ, на тройкѣ, а я на одной, да еще съ возомъ»... Баринъ вскакиваетъ, сшибъ его съ ногъ долой, давай кутузкой гладить... Отгладилъ разъ, мужикъ отвѣчаетъ «за вами, говоритъ, должокъ». Баринъ глядитъ, что такое онъ буровитъ, дуракъ, молъ, опять его кутузкой...

И онъ его четыре раза пороть, этотъ самый баринъ... Потомъ бросилъ его пороть и говоритъ на кучера «ну, онъ, вѣрно, дуракъ, ну его къ чорту, сворачивай»... Поѣхалъ, значить, своей дорогой, а мужикъ своей. Приѣзжаетъ домой, «ну, говоритъ, дѣвка, врядъ живъ буду; избилъ баринъ, вся тѣло синяя»... Мужикъ этотъ шесть недѣль отлежалъ отъ сильнаго удара...

Что дальше, Никифоръ не знаетъ и, выгадывая время, насыпаетъ трубку. Затѣмъ продолжаетъ:

— Выздоровѣлъ, конечно, а онъ былъ плотникъ, и собирается въ дорогу. Положилъ въ мѣшокъ рубанокъ, аршинъ, топоръ... А барина этого была фамилія Шутѡвъ. Шель, шель, приходитъ, спрашиваетъ, гдѣ такой-то баринъ проживаетъ... Входитъ на дворъ. Лакей выходитъ, говоритъ «вы плотникъ?». Говоритъ, плотникъ. «Васъ, говоритъ, баринъ требуетъ». Приходитъ къ барину. «Вы, говоритъ, изъ рязанцевъ?». Мужикъ отвѣчаетъ «такъ точно». «Вы, говоритъ, откуда?» «Я, говоритъ, Танбовской губерни, Рязанскаго уѣзда». «Вотъ мнѣ нужно домъ сдѣлать». Ну, конечно, договорились цѣной, за двѣсти рублей. Написали между собой расписку, далъ пятьдесятъ рублей задатку... А у него былъ лѣсъ свой, у барина у этого... «Ну, говоритъ на барина, какъ бы намъ съѣздить посмотрѣть лѣсъ этотъ». Велѣли запречь, сѣли, поѣхали. Приѣзжаютъ. Мужикъ этотъ самый и говоритъ кучеру, «ты, говоритъ, ступай на опушку, а мы тутъ будемъ стоять». Кучерь отправляется, а мужикъ подходитъ сейчасъ къ дереву, расколѡлъ ее топоромъ, затесалъ клинъ и загналъ въ трещину...

Тутъ Никифоръ нагибается къ трубкѣ и поспѣшно закуриваетъ, стараясь не глядѣть на барина, растянушаго ротъ въ ласковую, наивную улыбку. Табачная пыль въ трубкѣ горитъ синимъ огонькомъ. Никифоръ тушитъ его пальцемъ, пускаетъ дымъ и кашляетъ.

— Ну, раздвоилъ мужикъ эту дереву и давай нюхать въ середкѣ. Баринъ спрашиваетъ у мужика: «Что это ты, братецъ, нюхаешь?». — «А вотъ что нюхаю, узнаю, какой лѣсъ, сухъ ли будетъ». — «Да твой носъ не чувствительный, дай-ка я понюхаю»... А мужику того и надо, вытолкнулъ клинъ, носъ-то бариновъ и прихватило какъ слѣдуетъ. А у этого мужика тоже плетка была треххвостовая; онъ поскорѣй ему брюки долой и давай этой плеткой полосовать... Онъ его до того дралъ, то баринъ кричалъ, а то и кричать пересталъ... «Ну, говоритъ, еще два раза за тобой». Сѣлъ на лошадь—и часъ добрый. Кучеръ приходитъ—лошади, саней нѣту, а баринъ у деревѣ носомъ забить, и тѣло вся изрублена до живого мяса...

— Очень глупо,—говоритъ баринъ, улыбаясь, и косится на загнѣтку, откуда тянетъ шипящей въ салѣ яичницей.

Теперь пламя подь чугуномъ совсѣмъ красно, въ избѣ совсѣмъ темно. Дѣти, доѣвъ сырую крупу до зернышка, слушаютъ отца. А онъ небрежно отвѣчаетъ барину:

— Старики чего не наплетутъ... Конечно, сказка.

— И преудрацкая,—говоритъ баринъ.—Ну, ну, продолжай.

— Да что жъ тутъ продолжать. Баринъ, конечно, заболѣлъ, чуть не померъ, мѣсяца два больной былъ, а мужикъ прослышалъ объ этомъ и заявляется къ нему докторомъ. Выходитъ опять лакей. «Вы, говоритъ, изъ докторовъ?». Говоритъ, изъ докторовъ. «Васъ, говоритъ, баринъ требуетъ». Мужикъ всходитъ прямо въ домъ, велитъ самоваръ ставить. (А тогда, въ старину, кто зналъ эти самовары!). Принесли самоваръ, закуски наклали, бѣлаго хлѣба... Мужикъ напился, наѣлся какъ надо, потомъ идетъ свидѣтельствовать, чѣмъ онъ нездоровъ. Обнаготилъ его всего, «это вы, говоритъ, отъ побоевъ нездоровы,

что, говорить, у васъ баня есть?». Онъ отвѣчаетъ: есть. Сейчасъ приказалъ натопить баню, велитъ несть барина въ баню на простынѣ, растирку дѣлать. Лакей съ кучеромъ понесли, а онъ и говоритъ: «Погоди, говоритъ, я съ тебя спущу шкуру-то, дай только выздоровѣть». А этотъ мужикъ идетъ сзади и говоритъ: «Погоди, погоди, я съ тебя еще половчѣ спущу»... Начинаетъ его парить, а на лакея съ кучеромъ сказалъ «вы можете отсюда удалиться». Тѣ ушли, остался докторъ, мужикъ этотъ самый, съ бариномъ одинъ-на-одинъ въ банѣ... Онъ его парить, а баринъ говоритъ: «вы вотъ тутъ-то да вотъ тутъ-то». Онъ какъ выхватитъ треххвостку, да вдоль хрипа—разъ! «А тутъ-то, молъ, не надо?». До тѣхъ поръ его парилъ, чуть живого оставилъ, да въ холодную воду головой. Приходитъ въ домъ, говоритъ барынѣ «мнѣ баринъ приказалъ сто рублей выдать»... Получилъ денежки и отправился ко двору. А барина чуть живого вытащили, ужъ бульки сталъ пускать и весь кровью подплылъ...

Приложивъ къ краямъ чугуна веточки, баба несетъ его отъ печки и ставитъ на столъ. Потомъ рѣжетъ на ломти краюшку хлѣба, вдавливая ее себѣ въ грудь.

— Кушайте на здоровье,—говоритъ она притворно, кладя по ломтю передъ бариномъ и передъ Никифоромъ.

— А ты-то что жъ?—спрашиваетъ Никифоръ.

— Да мнѣ чтой-то не хочется. У меня отъ ней изжога всегда...

— Ну, а я не любитель до ней...

Яицъ всего десятокъ, хлѣба тоже мало, но такъ вкусно пахнетъ саломъ и хлѣбомъ, что баринъ, пересиливая неловкость, съ дѣланной беззаботностью, снимаетъ съ нагрѣтой головы шапку.

— Ну, а я глазокъ съѣмъ,—говоритъ онъ, придвигая къ себѣ чугуны и берясь за деревянную шершавую ложку.

Онъ, обжигаясь, ѣсть и съ улыбкой мотаешь головой дѣлая видъ, что думаетъ о сказкѣ.

— Очень глупо!—говоритъ онъ съ удовольствіемъ.

Никифоръ злобно глядитъ на его маленькую голову, на его мягкіе волосы, причесанные на косою рядъ и приглаженные шапкой. Ему такъ жалко яичницы, такъ противенъ аппетитъ барина, что рука такъ и тянется схватить со стола засиженную мухами скалку и со всей силы ударить по баринову черепу.

— А глупо, вы бы не слушали,—говоритъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ рассказывай до конца,—отвѣчаетъ баринъ, заставляя себя положить ложку и отодвинуться.— Чѣмъ же дѣло-то кончилось?—спрашиваетъ онъ, между тѣмъ какъ баба беретъ чугунокъ и несетъ его на нары, къ дѣтямъ.

— А тѣмъ и кончилось,—говоритъ Никифоръ, выдумывая конецъ сказки.—Тѣмъ и кончилось, что окончательно предалъ къ землѣ мужикъ этого самого барина... Онъ послѣ этой самой бани опять мѣсяца три больной отдернулъ... То охотой прежде занимался, а тутъ и охоту свою забылъ... Лежитъ и общается: «Вотъ какъ выздоравлию, поѣду по святымъ мѣстамъ молиться». А мужикъ этотъ прослышалъ, что онъ хочетъ шинель себѣ походный шить, моментально разжился себѣ иглу, аршинъ взялъ и приходитъ на дворъ къ барину. Конечно, его сейчасъ увидали. «Это, говорятъ, портной, видно, его-то намъ и надо»... Призываютъ въ домъ, баринъ говоритъ, «мнѣ нуженъ, говоритъ, шинель изъ такого-то вотъ матерія», а мужикъ с'отроду не видалъ даже, какъ крадутъ. Подумалъ и говоритъ: «Этого сукна, говоритъ, нехватаетъ, надо въ городъ посылать». Баринъ подошелъ, глянулъ и прямо велитъ въ городъ ѣхать. Сейчасъ запрегъ кучеръ лошадей, барыня сѣла въ сани и въ городъ, а мужикъ сидитъ, складываетъ это сукно какъ мѣшокъ. Баринъ го-

воритъ, «что это ты дѣлалъ, портной?».—«А вотъ я что дѣлаю: я сперва наживлю, а потомъ на васъ надѣну, мѣрку сниму»... Надѣлъ на него этотъ мѣшокъ, «вы, говоритъ, только руки подберите»... Сейчасъ нитку ссучилъ, подпоясалъ его совсѣмъ съ руками, да какъ выхватить плетку да давай охаживать черезъ морду, по чѣмъ попало! До тѣхъ поръ его поролъ, пока кричать пересталъ... Подобралъ сукно да драло...

— Однако, ты не изобрѣтателенъ!—говоритъ баринъ.— Это даже скучнѣй сказки про бѣлаго бычка.

Никифоръ и самъ чувствуетъ, что конецъ сказки, несмотря на все его раздраженіе, вышелъ слабъ, и, краснѣя отъ стыда, спѣшитъ вывернуться:

— Какъ такъ про бѣлаго бычка?—спрашиваетъ онъ, поднимая лицо и въ упоръ глядя сквозь темноту на барина.—Вы не дослушали, а говорите, сами не знаете что. Онъ его не одной плеткой, а еще и аршиномъ желѣзнымъ перекрестилъ какъ слѣдуетъ... А потомъ нанялъ трехъ лихачей и прямо къ нему. Подѣзжаетъ и прямо въ домъ нахрапомъ. Барыня выскочила со страху въ одной рубашкѣ въ родѣ какъ Баба и Яга, онъ ей разъ въ душу наотмашъ и прямо въ спальню. Распибъ всю прислугу къ чортовой матери—и давай его добивать... Онъ ему, говорятъ, всѣ руки, ноги переломалъ, до того билъ. Барыня заявила, а онъ ужъ убитый лежитъ... «Ну, говоритъ, теперь похитались»... Выскочилъ въ окно и прямо чрезъ садъ,—потуда и видѣли... Тамъ «ахъ, ахъ», «лови, лови», а его ужъ и слѣдъ простыль...

Грубымъ тономъ сказавъ послѣднія слова, Никифоръ смолкаетъ. Молчитъ отъ неловкости за него и баринъ. Никифоръ это чувствуетъ и пытается убожество своей выдумки оправдать правоучіемъ:

— Да и вѣрно,—говоритъ онъ, глядя въ сторону.—Не наказывай зря. Вы вотъ еще молоды, а я этихъ побасокъ

мальчишкой конца краю нѣту сколько наслушался. Значить, въ старину-то тоже не медь была...

— Разумѣется, не медь,—отвѣчаетъ баринъ, поглядывая въ окошечко и напѣвая.—Разумѣется, не медь,—вздыхаетъ онъ.—А дождь-то опять, кажись, пошелъ... Чортъ знаетъ, что такое! Скажи, на твое настроеніе очень дѣйствуетъ такая погода, или тебѣ все равно?

— Какъ же такъ все равно?—дѣловито говоритъ Никифоръ.—Конечно, жалко. Да у меня-то еще милость: и строенья-то всего одна изба... А, конечно, и та прѣветъ, протекаетъ... Желѣзная крыша, и та ржавѣетъ, не то что солома...

Баринъ, легонько усмѣхнувшись, медленно надѣваетъ шапку, медленно застегивается. Въ избѣ темъ,—слѣдовало бы дать хоть гривенникъ на керосинъ. Но нынче давать особенно неловко.

Думая о дурацкой сказкѣ, онъ бредетъ въ темнотѣ, подъ мелкимъ дождемъ, къ своей жалкой усадьбѣ, мимо ограды старенькой церкви. За оградой, слабо освѣщая могилы, горитъ фонарь: церковь недавно обокрали. И говорятъ, что Никифоръ пропивалъ въ шинкѣ на большой дорогѣ мелкіе складни.

БУДНИ.

Казалось, что вѣчно будутъ стоять по горизонтамъ эти блѣдно-синѣющія тучки, подъ которыми сѣрѣли соломенные крыши, зеленѣли лозины и пестрѣли разноцвѣтныя клѣтки окрестныхъ полей. Июньскій день безъ солнца былъ особенно дологъ.

Поповъ сынъ, у котораго гостилъ семинаристъ Случевскій, возилъ съ попомъ навозъ. Ворота, возлѣ длинной бѣлой хаты, были открыты настежь. Двѣ испачканныхъ коричневою жижей телѣги, двѣ сытыхъ лошади стояли среди взрытаго двора на варкѣ. Поповъ сынъ ворочалъ за троихъ: глубоко поддѣвалъ вилами горячіе пласты и, подставивъ подъ вилы лѣвое колѣно, вздиралъ ихъ съ сочнымъ трескомъ. Попъ, черный, высокій человекъ, въ одной рубахѣ, въ розовыхъ подштанникахъ и мужицкихъ сапогахъ съ опустившимися голенищами, не отставалъ: бодро трясъ по плечамъ синими волосами, запуская въ навозъ вилы, и крѣпко шлепалъ по возу дымящимися ломтями, перевертывая ихъ. Выходили изъ воротъ и отецъ, и сынъ съ потными лицами, но возбужденные, довольные предстоящимъ въ пути на-поле долгимъ отдыхомъ.

— Господинъ Шаляпинъ, присоединяйтесь-ка къ намъ!—весело крикнулъ попъ, идя за колесами, держа въ рукахъ веревочныя возжи и развѣвая на ходу легкія полы незастегнутаго подрясника.

Семинаристъ, сидѣвшій на крыльцѣ, почувствовалъ въ этой шуткѣ фальшивую, корыстную ноту, однако, не сдался.

— Да вотъ та-то и бѣда, что Шаляпинъ,—отозвался онъ.—Запотѣешь, охватить вѣтромъ,—и готовъ. Съ голосомъ, о. Петръ, нельзя шутить. А то бы я съ величайшимъ удовольствіемъ.

Семинаристъ, темноглазый юноша съ широкимъ, блѣднымъ и важнымъ лицомъ, смотрѣлъ на удаляющіяся телѣги, на сѣро-сиреневую дорогу и на потные, ржавые клоки, раскиданные по ней. Прошелъ мимо дьячокъ, приостановился, пожаловался на свою судьбу и опять рассказалъ о своемъ покойномъ сынѣ. Огромныя, краснолиловыя руки его, разбитыя старостью и пьянствомъ, лежали на костылѣ и все время ходили, шатали костыль. Огромные дегтярные сапоги глядѣли изъ-подъ коричневаго подрясника. Серебряная медаль на красной ленточкѣ украшала грудь. Лицо и крупный носъ были розовы, мясисты, въ рывинахъ. Выпученные гноящіеся глаза, какъ всегда, плакали; темно-рыжіе волосы, заплетенные въ косу, жестко вились, какъ у старухъ-пьяницъ. А говорилъ дьячокъ одностонно, съ трудомъ выбивая каждый слогъ: каждый слогъ его дрожалъ, прыгалъ.

— Отцу Петру счастье!—говорилъ онъ.—У него помощникъ есть. А мой—лежитъ себѣ въ могилкѣ! Росъ—восхищалъ всѣхъ. Бывало, похваюсь имъ: «У меня не сынъ, а гений!» А всѣ говорятъ: «Если выйдетъ въ васъ, Степанычъ, лучше всякаго генія будетъ». Выросъ,—такъ, вѣрите ли, хозяйственнѣе его во всемъ селѣ не было! Чахотка въ послѣднемъ градусѣ, а и умеръ, не поддался. «Вы должны на дняхъ умереть»,—говорить фельдшеръ.—«Нѣтъ,—говорить,—не могу я, не свозивши рожь, умереть». Скосили мы, связали, сидитъ зарей на крыльцѣ, смотреть на облака, а я ему и говорю: «Что это ты сидишь, смотришь?»

А онъ и говоритъ: «Давайте, папашъ, покуда погодка, на двухъ подводахъ возить».—«Да Богъ съ тобой, куда тебѣ возить! Я мужика хотѣлъ нанять».—«Не надо, не надо, сами управимся».—«Какъ же,—говорю,—управимся: ее, ржи одной, тридцать четыре копны». А онъ все свое... Такъ, вѣрите ли, по двѣнадцати разъ въ день на-поле леталъ! И отдыхать не отдыхалъ,—сядетъ въ холодокъ, выпьетъ кваску—и опять въ телѣгу. Меня—и то уходилъ. Чуть свѣтъ, еще пѣтухи не крикнуть, а онъ ужъ подымаетъ: «Вставайте, вставайте скорѣй, тучки заходятъ»... Въ три дня все кончили—и свезли, и обмолотили, и солому прибрали... Гонить меня за вѣялкой, взялъ я вѣялку у Данилкиныхъ, обвѣяли, подмели токъ... Какъ послѣднее зерно въ амбаръ,—входитъ въ избу и говоритъ: «Ну, вотъ теперь дѣло другое. Гдѣ, папашъ, свѣчи? Зажигайте свѣчи». Зажгли свѣчи у образовъ, онъ легъ на диванъ—и каюкъ!

«Недурно»,—иронически думалъ семинаристъ, слушая.

По уходѣ дьячка онъ взялъ тросточку, надѣлъ новенькую сѣрую шляпу, накинулъ на плечи серебристый дождевикъ и побрелъ по деревнѣ. Выйдя на выгонъ, онъ посмотрѣлъ на церковь, блѣдно блѣвшую на тучѣ, посмотрѣлъ на раскрытыя окна казенной винной лавки; хотѣлъ-было зайти поболтать къ сидѣльцу, но раздумалъ и пошелъ по направленію къ погосту. Сидѣлецъ былъ отравленъ страстью къ чтенію. Съ утра до вечера лежалъ онъ на своей высокой двуспальной кровати, опершись на локти, и страница за страницей пожиралъ «Вокругъ Свѣта». «Сейчасъ, сейчасъ,—торопливо бормоталъ онъ въ отвѣтъ на привѣтствіе.—Дайте только до точки дочтаться»... А бесѣдуя съ гостемъ, не слушалъ его, невпопадъ смѣялся, ждалъ, когда гость уйдетъ. Поминутно отрываемый отъ книги то женой, то мужиками, онъ кидалъ на нихъ растерянные, шальные взгляды. «Коровѣ пора мѣсить!»—злобно кричала жена, отворивъ дверь. «Еще четверку

поскорѣ!»—радостно оралъ мужикъ, заглядывая въ раскрытое окно. А онъ не понималъ, кто и куда зоветъ его. Въ головѣ его путались острова Тихаго океана и преріи, Южный Крестъ и Гренландія, Бразилія и кафры, голландскіе колонисты и удавы, рѣки въ тропическихъ чащахъ и гишпопотамы... «И при чемъ тутъ Тихій океанъ?»—думалъ семинаристъ, шагая по безлюдной улицѣ. Навстрѣчу ему шелъ десятскій, длинный, въ красной рубахѣ, въ разбитыхъ сапогахъ, изъ которыхъ одинъ былъ связанъ по ступнѣ веревкой. На плечѣ его лежала одностволка.

— Куда это?—спросилъ семинаристъ.

— Грачей наказывать,—отвѣтилъ десятскій.

Десятскій былъ человѣкъ знакомый: не разъ приходилъ просить газетъ на цыгарки. Полуразсыпанная изба его стояла на краю деревни, рядомъ съ погостомъ. Когда семинаристъ проходилъ мимо, въ ея разбитое окно съ кудахтаемъ влетѣла курица. За избой пустовало гумно, безъ соломы и безъ риги, валялись, зарастая травой, однозубыя вилы, перевернутый вверхъ дномъ тѣлѣжный ящикъ съ двумя новыми, желтыми ребрами, высохшая дегтярка... На лозинѣ внизъ головой висѣлъ дохлый цыпленокъ—пугало, хотя отпугивать было некого и не отъ чего. Гордый своей отчужденностью отъ этого жалкаго быта, своими мечтами о Москвѣ и консерваторіи, семинаристъ вышелъ на погостъ, на бугоръ за деревней небрежно, откидывая голову, выставя кадыкъ, посвистывая, шурша серебрянымъ плащемъ.

На погостѣ, среди рѣшьевъ, татарокъ и могильныхъ бугровъ бродила рыжая лошадь съ палевой гривой. Помахивая жидкимъ хвостомъ, она щипала мелкую, сухую траву. На большой свѣжей могилѣ, на холмикѣ изъ сизой разсыпчатой глины, лежалъ, съ головой накрывшись армякомъ, мужикъ. Смирненно, съ опущенными хвостами, тихо переговариваясь, гуляли индюшки лавочника. Гусь-

комъ тянулись онѣ къ мужику—и вдругъ всѣ разомъ пу-скались бѣжать, а, добѣжавъ, вклевывались въ его армякъ, въ голову. Мужикъ всакивалъ, запускалъ въ нихъ горстями глины: индюшки подпрыгивали, треща перьями... Сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ мужика, семинаристъ прошелъ мимо.

Надъ господскими могилами росли двѣ березки. Когда-то ихъ окружала деревянная ограда, за оградой стояла скамья. «Буду приходить сюда, сидѣть, вспоминать и грустить»,—думалъ тотъ, кто дѣлалъ все это. И ни разу не пришелъ. А деревня мало-по-малу разломала, растаскала и ограду, и скамью. Свиныи взрыли могильные бугры, телята обглодали стволы березокъ... Съ иронической улыбкой посвистывая, семинаристъ повернулъ назадъ. Поблизости отъ той могилы, на которой старался уснуть мужикъ, стоялъ гнилой голубецъ. Изъ него выпорхнула мухоловка. Семинаристъ подошелъ: въ голубцѣ, рядомъ съ фольговой радужной иконкой, лежало круглое гнѣздышко. Отъ скуки семинаристъ хотѣлъ вытащить его, рассмотреть, разодрать и бросить. Но мужикъ открылъ глазъ и пристально посмотрѣлъ изъ-подъ армяка.

— Отдѣлались?—спросилъ онъ.

Вопросъ былъ неожиданный. Семинаристъ обернулся и поднялъ брови.

— То-есть какъ это?—сказалъ онъ.

— А такъ. Отучились?

Семинаристъ не спѣша прошелъ къ сосѣднему могильному бугру.

— А, ты вотъ про что!—сказалъ онъ, садясь и съ приторной разсѣянностью поглядывая вокругъ.—Да, до осени отучился. А ты откуда?

— Я изъ Разсохина,—отвѣтилъ мужикъ.—Изъ волости ѣду. Ъхалъ и думаю,—дай, молъ, лошадь маленько покормлю... А вы? Духовные?

— Да... Но, главнымъ образомъ, пѣнію учусь.

— Какъ, то-есть, пѣнію?—спросилъ мужикъ, зѣвая.— Хоръ, значить, будете задавать?

— Нѣтъ, братъ, не хоръ,—сказалъ семинаристъ и оперся на трость.—Я на сценѣ буду пѣть. Да ты, впрочемъ, этого не поймешь... Я въ театръ готовлюсь.

Мужикъ усмѣхнулся.

— Ну, нѣтъ, это я даже очень хорошо могу понять,—отвѣтилъ онъ.—Ну, только это совсѣмъ никуда, совсѣмъ скверно. Этакъ вы много не наживете.

— Да что ты!

— Вѣрное слово,—сказалъ мужикъ спокойно и увѣренно.—Тамъ вы добра не приобрѣтете. Нѣтъ, вы ужъ лучше по церковному ступайте, либо по своему ремеслу,—куръ да ситники съ народа огребать. А въ театрѣ пѣть—это ужъ самое послѣднее дѣло.

— Да чѣмъ же послѣднее?

— А такъ, что совсѣмъ послѣднее. Тамъ чепуха одна идетъ. Вы лучше мое готовое слушайте, я ужъ плохого не скажу. Я не простой, я бывалый человѣкъ. Я отъ этихъ мужиковъ теперь отбился, я все лѣто прошлый годъ въ Липецкѣ прожилъ. Со всякимъ могу теперь поговорить...

Скучно синѣло по горизонтамъ низкое облачное небо, блѣдно зеленѣли хлѣба на противоположномъ косогорѣ,—поневоля приходилось довольствоваться и такой бесѣдой. Вынувъ плетеный портсигаръ, семинаристъ закурилъ папиросу, другую протянулъ мужику. Мужикъ осторожно взялъ.

— Вотъ это покорнѣйше благодаримъ,—сказалъ онъ, закигая сѣрникъ, и, пустивъ дымъ въ ноздри, посмотрѣвъ на папиросу, отрывисто спросилъ:

— Асмолова?

Семинаристъ напомнилъ ему о театрѣ.

— А вотъ слушайте,—сказалъ мужикъ.—Я этихъ те-

атровъ нипочемъ не уважаю. Тамъ,—прямо надо говорить,—черти живутъ. Разъ куренье тамъ есть,—значить и водка есть. А ужъ гдѣ водка, тамъ и бабъ не миновать... Нѣтъ, отъ этого вамъ надо подальше куда подаваться! Вотъ кто, къ примѣру, по монастырямъ живетъ, монахи,—тѣмъ хорошо, имъ ничего не бываетъ: гуляй, бѣсись,—и вся недолга. Есть чистые боровъ, домовые! Цѣльную жизнь бражничаютъ, весь вѣкъ въ томъ протекаютъ. А въ театрахъ,—тамъ водка, бабѣ, ну, конечно, и онъ тутъ же вертится. Ужъ гдѣ вино, тамъ безпримѣнно онъ.

— Это ты про чорта, что ли?—спросилъ семинаристъ.

— А то про кого же? Конечно, про него. Да и вѣрно. Тамъ, куда ни качнись, вездѣ онъ. Я давно объ этомъ понимаю. Что тамъ хорошаго? Я такой-то, и то туда не пойду. Тощавый человѣкъ туда и не показывайся,—на троякъ тамъ не разыграешься. А ѣздить туда бабѣ это самое, разныя бабы шальные, да купечество: долги свои заверсталь—и вали... Я въ этомъ Липецкѣ всего наглядѣлся. Тамъ въ трехъ верстахъ садъ есть, ну, вотъ туда и ѣздить всѣ. Забираютъ съ собой ветчину, колбасу копченую, наливки... Приѣдутъ, и кружатся цѣльный день. Посуду бьютъ, бузуютъ—прямо не судомъ. Старуха съ дѣдомъ не успѣваютъ самоваръ кипятить...

Семинаристъ небрежно сказалъ:

— Ну, вотъ и видно, что ты ничего не понимаешь, несешь чепуху, и все путаешь. То грѣхъ, а то—«на троякъ не разыграешься»...

— Обязательно такъ!—твердо сказалъ мужикъ.—По капиталу глядя, конечно, можно, а такимъ-то, какъ мы съ вами, голоштаннымъ, зачѣмъ туда соваться? «Грѣхъ!»—ухмыльнулся онъ.—Согрѣшить, братъ, недолго. Я вонъ вчера всю ночь не заснулъ. Не утерпѣлъ, свинью зарѣзалъ,—разбаловался на сладкихъ-то харчахъ въ Липецкѣ.

Да какой тамъ,—и съѣлъ-то всего кусочекъ, а она, свинья эта, мнѣ спать не дала. Забудусь, забудусь, а она и вотъ она,—подымается туша, прямо на меня идетъ... Вотъ что дѣлаетъ! И, значить, нельзя ѣсть мясное. Спожинки,—можно мясо ѣсть, глядя по капиталу, а Петровки,—онѣ, братъ, Великому посту не уступать... Нѣтъ, со мной трудно спорить!—сказалъ мужикъ твердо.—Плюсь на минусъ взаимно уничтожается.

Семинаристъ вздернулъ плечами.

— Чортъ знаетъ что!—проговорилъ онъ, помолчавъ.— Несешь и съ Дона, и съ моря... Ну, а скажи, пожалуйста: какъ относятся къ тебѣ твои односельчане? За кого они считаютъ тебя?

— Никакъ они ко мнѣ не могутъ относиться,—сказалъ мужикъ.— Умнѣй меня во всемъ селѣ нѣту. Обойди всѣхъ, спроси: кто дѣльнѣе по хозяйству Назаръ Павлова Протасова? Анъ никого и нѣту! Со мной старики, и то совѣтоваться приходятъ.

— А несешь чепуху?

— Какую-такую чепуху? Воспитанья на васъ нѣту хорошаго, вотъ и «чепуху»... Вонъ у насъ сапожникъ есть... Первое дѣло, какъ вышилъ, сейчасъ за ребятъ: у него ихъ цѣлая война, человекъ двѣнадцать... Такъ они винтомъ отъ него, кто куда гораздъ! А воспитальъ отлично! Ты не гляди, что онъ пьяный: такъ, братъ, воспитальъ,—по лычку ходять! А, конечно, теперь всѣмъ воля дана... Женщину, напимѣръ, взять: отъ кого вся сумятица въ государствѣ идетъ? Опять же отъ ней. Она теперь во всѣ предсѣданія допущена большое количество, а куда она годится? Хоть имъ теперь тоже хорошее ученье пошло, ну, а все-таки мужчина-то немножко подѣльнѣе будетъ!

— Чортъ знаетъ что!—повторилъ семинаристъ, глядя на его густую чубарую бороду.—Что такое у тебя въ головѣ творится? То садъ, то театръ, то женщины... Ну,

скажи на милость, какое отношеніе можетъ имѣть этотъ дурацкій садъ къ театру?

— А такое,—отвѣтила мужикъ еще увѣреннѣе.—Такое, что безъ этого ему никуда податься нельзя.

— Кому ему?

— Запѣвалѣ главному, вотъ кому. Онъ тамъ, въ саду-то въ этомъ, вылупить стаканъ али два хорошихъ—и ореть, альни ребра трещать... Онъ ужъ не можетъ безъ этого.

— Да позволь: какой-такой запѣвала?

— Говорю же вамъ—главный запѣвала. Главачъ этихъ самыхъ пѣвцовъ. Натощакъ онъ никакъ не станетъ для нихъ глотку рвать.

— И опять чепуха,—сказалъ семинаристъ.—Пѣвцамъ и совсѣмъ нельзя пить. Отъ этого голосъ портится.

Мужикъ ухмыльнулся, поднялся и съѣлъ.

— Ну, нѣтъ, не чепуха!—сказалъ онъ.—Не можетъ отъ ней голосъ портиться. Отъ ней голосъ не хуже, а много тверже, злѣй становится. Какъ же можно равнять! Отъ вина человекъ сердитѣй дѣлается, ему тогда все нипочемъ. Онъ прямо самъ не свой, когда душу свою наспиртуетъ. Вы попробуйте-ка ея, сивухи-то нашей. Она слѣпому глаза продеретъ!

Семинаристъ, махнувъ рукой, облокотился на колѣни и сталъ осторожно давить концомъ трости красныхъ козявокъ, парами ползавшихъ возлѣ его ногъ. Мужикъ что-то думалъ, глядя въ землю.

— Нѣтъ, этотъ жребій вашъ—жестокій,—сказалъ онъ съ сожалѣніемъ.—Жестокая ваша задача. Театры—это какъ все равно звѣрильница, али, скажемъ, цырульная простая... Какъ эти звѣри тамъ ревутъ, такъ я такой страсти прямо съ отроду не видывалъ! Настоятель ходить,—какъ какой зритель захочетъ, чтобъ звѣрь всталъ, онъ его сейчасъ желѣзнымъ прутомъ... Хочетъ, не хочетъ, а обязательно подымается.

— Здравствуйте!—сказалъ семинаристъ.—Еще я цырульня на сцену появилась. Она-то тутъ при чемъ?

— Такъ, тамъ все есть... Только я этого, говорю, никакъ не уважаю. Разъ тамъ молитвеннаго нѣту, всѣ эти театры, звѣрильницы, цырульни всякія надо запечатывать и скилеты всѣ переломать... Вонъ у меня родственникъ есть. Изъ себя такъ, писаришка простой, а голосъ—прямо бѣда. Молодой еще человѣкъ, а пить страшный здоровый, любитель до вина. Залѣзъ недавно на крышу и зѣваетъ на все село. Это что жъ, прилично?

— Но зачѣмъ же на крышу-то?

— А спроси его! Чума его знаетъ, зачѣмъ. Съ сестрой вотъ это они, правда, хорошо поютъ. Его сестра въ городѣ живетъ, на машинкѣ работаетъ. Она хоть чахоточная, а голосъ много складнѣй, чѣмъ у него, хоть подъ кого подтянетъ. Какъ пріѣдетъ къ нему, сядутъ зарей возлѣ избѣ и поютъ. И не что-нибудь, не мужицкія наши пѣсни, а все «Накинувъ плащъ», либо «Ахъ, ты, воля моя, воля...» Хорошо выходитъ. Сулился этотъ писарь ко мнѣ пріѣхать, вотъ и вы пріѣзжайте попѣть съ нимъ. Я и угостить могу всякаго.

— Merci bien,—сказалъ семинаристъ.—Пріѣхать не мѣшало бы. Ты поистинѣ достоинъ изученія.

Мужикъ радостно улыбнулся.

— Ага!—сказалъ онъ, подмигивая.—Прочтѣль?

И горячо заговорилъ:

— Ахъ, братъ, кабы мнѣ ученье-то, какихъ бы я корней наворочалъ! Да вѣдь откуда ее взять? Я вонъ въ городѣ недавно былъ. Такъ тамъ что исдѣлала? Тамъ земскій музей исдѣлала и скилетъ коркодилій привезли, а онъ, можетъ, пятьсотъ, либо тысячу стоитъ. Вотъ, похоже, куда наши денешки-то идутъ, вотъ они, мошенники-то, сукины дѣти!—сказалъ онъ съ горечью.—А ты вотъ сиди тутъ... Да тутъ отъ одной скуки удавишься! Я ужъ на

что бывалый человѣкъ, а я то не могу. Мнѣ, братъ, не до революцій! Меня вонъ дьяконовъ сынъ, не хуже тебя такого-то, цѣлный годъ на эту штуку настраивалъ, да нѣтъ, не на того попался! Я ему еще припомню его рѣчи! «Плюсь на минусъ»... Шарахну какъ-нибудь вечеркомъ изъ-за валу каменищемъ въ голову,—вотъ тебѣ и будетъ плюсь на минусъ! Меня и безъ него, собаки, скука съѣла...

Скулы его порозовѣли, лицо приняло злое и грустное выраженіе. Не глядя на семинариста, онъ поднялся, надѣлъ армякъ въ рукава и, заскребая сапогами по землѣ, рѣшительно пошелъ къ лошади. «Чего онъ разозлился?—подумалъ семинаристъ, недоумѣваяще глядя ему вслѣдъ.—Вотъ нелѣпая и странная скотина!» Мужикъ, какъ бы угадавъ его мысли, обернулся:

— Чего вылутился?—сказалъ онъ зло и грубо.—Ай не правду говорю? Ты долженъ за ученье благодаренъ быть, а не лупиться. Я съ тобой задушевно, а ты—лупишься. Вотъ подойду, измордую тебя, ради скуки, въ лучшемъ видѣ,—тогда судись со мной! Не посмотрю, братъ, на твое духовенство, на пѣніе.

Распутавъ лошадь, онъ кинулъ обрывокъ ей на шею и, подпрыгнувъ, упалъ животомъ на ея спину, перекинулъ ногу и бодро поѣхалъ среди могильныхъ бугровъ на дорогу.

Ошеломленный такимъ неожиданнымъ концомъ бесѣды, семинаристъ вспыхнулъ, хотѣлъ-было кинуться драться, но только переставилъ трясущимися руками между колѣнъ трость.

Мужикъ повернулъ на деревню. Семинаристъ, просидѣвъ въ оцѣпенѣніи съ полчаса и успокоившись, пошелъ подъ гору, поднялся на кособоръ и свернулъ на какую-то высокую межу, осыпанную бѣлымъ клеверомъ и убѣгаю-

щую вдаль между двумя стѣнами сѣро-зеленой ржи, блѣдной вдали, подъ тучей. Мягкій, сладкій вѣтеръ дулъ навстрѣчу, рожь слабо дымилась юньскимъ цвѣтомъ... Семинаристъ пожималъ плечами и думалъ:

— Странно, странно. Безъ револьвера, собственно, и выходить бы не слѣдовало.

ХОРОШИХЪ КРОВЕЙ.

— Я хорошихъ кровей,—говорить про себя коноваль Липать.—А все оттого, что мы споконъ вѣку ѣдимъ хорошо. Со скотинѣ взять примѣръ: у смореной лошади дрянь носомъ идетъ и она даже можетъ другихъ заразить. А мы всегда хорошо жили. Дѣдъ страшный колдунъ и первый однодворецъ во всемъ округѣ былъ. А покойный родитель еще потягался бы съ нимъ. Ну, вотъ и считай, что мнѣ по наслѣдству пришлось... Я, братъ, не простой коноваль.

Говорить онъ мѣрно, низко, съ пріятной грубостью. Зовутъ его, конечно, не Липатомъ, но Ипать—это мужику, да и ему самому не нравится. Отца его звали такъ же, какъ дѣда,—Борисомъ. Онъ увѣряетъ, что нѣтъ такого имени—Борисъ, а есть Борисоглѣбъ, что былъ въ старину святой, благовѣрный князь-однодворецъ, носившій это имя, и что далеко не всякій мужикъ достоинъ быть тезкой Борисоглѣба.

— И меня обязательно надо было такъ же назвать,—говорить онъ.—Только, конечно, мы попамъ ножъ острый, они нашъ родъ споконъ вѣку не любятъ, вотъ и сдѣлали на-зло намъ.

Росту онъ большого, волосомъ блѣдно-желтъ; глаза у него мутно-синіе, рѣсницы бѣлыя, крупные. «Мы, ска-

зываютъ, изъ Сибири пришли,—говорить онъ.—Оттого у меня и ростъ, и волосъ сибирный. Одного не пойму,— и тутъ онъ сдвигаетъ рукавъ полушубка и показываетъ жесткую, покрытую красноватой шерстью руку:—волосъ у меня вездѣ лисій, бланжевый, а по рукамъ съ красниной: вѣрно, мѣченые мы всѣ...» Зимой онъ носитъ черную баранью шапку, сверхъ полушубка—длинный тулупъ на распахку, съ большимъ, раскинутымъ по плечамъ воротомъ изъ бѣлой овчины, и длинные, кожей обшитые, валенки.

Онъ богатъ. Живетъ на дѣдовскомъ помѣстьѣ, въ голломъ полѣ. Хозяйствуетъ безъ работниковъ, съ двумя женатыми сыновьями. Не жаденъ, не золъ, но безпощаденъ. Разъ подкараулил поджигателя, пьяницу-старика, убилъ—«какъ лярву»—слегой, заявилъ, куда слѣдуетъ—и забылъ. Воровъ ни въ грошъ не ставитъ—«мышь копны не боится»—говоритъ онъ насмѣшливо, но держитъ цѣлыхъ семь штукъ ужасныхъ собакъ. Онѣ часто выходятъ подъ дорогу, въ поле. Прошлый годъ на клоки разорвали нищенку, рвутъ пастуховъ и овецъ,—только подгони стадо къ хутору!—и почему-то особенно злы осенью.

Коноваль онъ знаменитый. Но слыветъ и рѣдкимъ крысоморомъ. А морить, изгонять крысъ—это уже съ колдовствомъ связано.

По достатку своему онъ давно бы могъ оставить такія дѣла. Но они перешли къ нему по наслѣдству, отъ покойниковъ родителей; они даютъ ему извѣстность, окружаютъ его дворъ и всѣ преданія двора тайнственностью. А это для него важнѣе всякаго богатства.

Онъ очень дорожитъ тѣмъ, что его считаютъ не простымъ человѣкомъ. Онъ чувствуетъ себя носителемъ какой-то большой и жуткой силы, съ которой онъ, если бы даже и хотѣлъ того, не могъ бы разстаться,—невольнымъ воспріемникомъ какихъ-то знаній, высокихъ тѣмъ болѣе,

что, соприкасаясь съ колдовствомъ, они, однако, творятъ на землѣ не злое, а доброе.

Онъ рассказываетъ:

— Есть разные колдуны. Есть отъ Бога, есть и отъ Врага. Кто къ сатанѣ захочетъ прикачнуться, тотъ ужъ и дѣлаетъ такъ. Перво-на-перво онъ въ самую темь, въ ночь-полночь въ овинъ обязанъ итти и ружье съ собой и образъ взять. Собака не брешетъ, лягушка не турлычетъ, а онъ знай, иди. Придетъ, вздуетъ огонь въ печи, сниметъ съ себя крестъ, сядетъ на него и ждетъ сидеть... Какъ полночь, такъ онъ и вотъ онъ: зашуршитъ, какъ собака, въ солому, подыметъ рогами подъ самый рѣшетникъ изъ этой самой страсти, темени, и корыто поганое передъ тобой поставитъ. Самъ молчитъ, а самъ дѣло дѣлаетъ. Наблюдетъ въ него, нагадитъ, а ты—ѣшь. Потомъ ружье у тебя изъ рукъ возьметъ. Зарядитъ, какъ надо, забьетъ дохлой шерстью, а образъ надъ печью пристроитъ: хочешь, не хочешь, а стрѣлай...

— Это, значить, на гибельныя дѣла силу человѣкъ получаетъ,—говоритъ слушатель.—А на хорошія?

— А на хорошія тоже не медъ. Ночью надо на перекрестокъ пойтти и свинымъ ножомъ кровь себѣ изъ лѣвой рукѣ кинуть. Онъ ее страсть какъ любитъ. Всю подберетъ, вылизетъ вмѣстѣ съ пылью. Ну, вотъ такимъ-то побитомъ и дѣдъ нашъ, конечно, дѣлалъ. Зато и богатъ, жаденъ былъ. Сталъ помирать, отецъ стоитъ надъ нимъ, ждетъ отъ него силы, а онъ велѣлъ подать себѣ на блюдѣ селебра, золота— и давай его въ ротъ горстями пхать. Подавился, заплакалъ—«нѣтъ, говорить, видно, съ собой не унесешь!»— и открылся отцу во всемъ... А мнѣ покойникъ родитель только и сказалъ, что одно слово до трехъ разъ: «Все мое—твое, все мое—твое, все мое—твое...» Штука-то, кажись, не хитрая, а поди-ка, откажись!

Ѣздитъ онъ на крысъ съ мѣшечкомъ «бѣлаго камня»,

мышьяка, а то и просто «съ голыми руками». Онъ говоритъ, что стоитъ ему войти въ домъ, гдѣ, предвѣщая всяческія бѣды, множатся крысы, какъ гурьбой потянется крысиное пискучее племя вонъ изъ дому, въ степь, въ яруги. Онъ появленіемъ своимъ повергаетъ въ тревогу пауковъ, ткущихъ сѣти по угламъ, за образами. Онъ знаетъ какія-то, только его роду вѣдомыя, «отдушины» у скотины. Взглянувъ на скотину, онъ безъ ошибки можетъ опредѣлить время ея болѣзни или смерти. Распухнеть у свиньи горло, онъ обложить его съ наговоромъ теплымъ пометомъ. Обѣется корова веху, онъ пробьетъ ей бокъ гвоздемъ. Очумѣеть, закружится «круговая» овца, онъ залетѣтъ ей въ ухо горячаго масла. Мартъ, начало весны— время его усиленныхъ разъѣздовъ. Тутъ онъ работаетъ не покладая рукъ. Прибыль животворящихъ силъ, бродящихъ во всемъ живомъ, онъ начинаетъ чувствовать рано. Голосъ его пріобрѣтаетъ тогда особую крѣпость, движенія—силу и точность. Онъ осматриваетъ скотину, ломаетъ молодымъ лошадямъ «дурной зубъ» и—властно торгается въ самые сокровенные уставы природы.

Нынче утро тихое и снѣжное. Много молодого мартовскаго снѣга выпало за ночь на господскую усадьбу. Снѣгъ и теперь еще падаетъ, но такой рѣдкій, что виденъ онъ только на темной глубинѣ въ раскрытыхъ воротахъ конюшни. Бѣлыя пухлыя крыши мягко и свѣжо выдѣляются на сѣромъ небѣ. Садъ весь въ лебяжьемъ пуху; налипло на всѣ стволы, на всѣ вѣтви и склонило ихъ. Чуть морозить, но воздухъ не зимній. Не по зимнему пахучъ кухонный дымъ, встающій ровно и высоко, сизымъ витымъ столбомъ. Съ закрытыми глазами стоитъ на варкѣ скотина, густо обросшая за зиму шерстью, коротконогая, бокастая... Что чувствуетъ она? Она въ сладкой предвсенней истомѣ, пьянѣеть.

Липать пріѣхалъ въ усадьбу рано. Дома, на хуторѣ,

онъ всталъ чуть свѣтъ. Осторожно слѣзъ съ наръ, одернулъ рубаху, плеснулъ на лицо водою и, покрестившись въ темный еще уголъ, шагнулъ вонъ изъ душевой, полной спящими избы: надо погоду взглянуть, да и сладко глотнуть въ этотъ ранній часъ душистой мартовской свѣжести. Возлѣ избы, на рыхломъ снѣгу, слабо бѣлѣвшемъ въ сумракѣ, валялись, играли собаки. Одна вскочила и бросилась къ нему на грудь: онъ крѣпко охватилъ ее, теплую, сильную, съ бьющимся сердцемъ, зорко заглянулъ ей въ прозрачные глаза—и она тотчасъ же отвела и притупила ихъ... Потомъ пошелъ будить семью, одѣваться, завтракать. Лошадь запрягли и подали къ крыльцу сыволья.

Лошадь, старая, умомъ не уступающая человѣку, нескладная и мапистая, легко несла его по снѣжной дорогѣ. Раскинувъ по плечамъ воротъ тулупа, овчина котораго такъ пріятно воняетъ на воздухъ своей кислотой, онъ глубоко сидѣлъ въ низкихъ козырькахъ съ лубочнымъ круглымъ задомъ и чуть держалъ вожжи. Зыбко бѣлѣлъ снѣжный просторъ передъ нимъ. Въ селѣ стало свѣтлѣй, ярче. Лошадь на полномъ ходу сама завернула во дворъ усадьбы.

Птичница вела рѣзать гусака, держа его за одно крыло, и онъ важно переваливаясь, слѣдовалъ за нею.

— Буди батраковъ!—крикнулъ ей Липать.

Не привязывая, остановилъ онъ лошадь недалеко отъ конюшни, у стопудового каменнаго корыта, похожега на скиескую гробницу. Собаки нигдѣ не брешутъ на него. Всѣ онѣ подвались и побѣжали къ нему, окружили, обнюхали его. Онъ, стоя среди нихъ, не слѣша скинулъ тулупъ, хорошенько свернулъ его, уложилъ въ козырьки, въ овсяную солому, и остался въ короткомъ полушубкѣ. Полушубокъ этотъ весь блеститъ, весь замаслился и заскорузь отъ крови. Подпоясанъ онъ чернымъ и сколь-

зкимъ ремешкомъ—и сколько ржавыхъ желѣзокъ, крючковъ и ножей всяческой длины, спрятанныхъ въ козашье ножны, висить, болтается на этомъ ремешкѣ! Въ конюшнѣ уже сидѣли, ждали работники.

Вотъ и послѣднихъ, рѣдкихъ снѣжинокъ не стало видно. Въ тишинѣ и спокойствіи бѣлаго утра ясно слышны зычные окрики Липата на горячихъ непокорныхъ жеребчиковъ. Дѣло совершается надъ ними жестокое, ужасное: по развѣ не на то и дана мудрая власть человѣку, чтобы смирять, уравнивать буйныя силы природы? Работники кричали безтолково, не въ ладъ. Жеребчики шарахались, они ловили ихъ, галдѣли, торопя другъ друга, когда нужно было навалиться разомъ. А окрики Липата были кратки и властны: онъ-то понималъ, на что возсталъ онъ—зло и грубо, но съ цѣлями благими.

Конопатая, въ рудыхъ волосахъ, жесткая рука его, засученная по-локоть, часто мелькала въ воротахъ конюшни—далеко выплескивала изъ деревяннаго, вырубленнаго топоромъ корца темную густую кровь. Алыми пятнами были обрызганы и порогъ, и ящикъ старой телѣги, занесенной снѣгомъ у конюшенной стѣны, и борзья собака, которая съ визгомъ отскакивала, когда мелькала рука Липата, а потомъ, дрожа отъ жадности, лизали, ѣли красный снѣгъ.

Выводили и валяли лошадей работники. Липать командовалъ, а наваливался на лошадь только тогда, когда она была уже связана, сбита съ ногъ и со всѣхъ сторонъ прижата къ землѣ. Никитка, толстомордый малый, былъ непороворотливъ. Липать полусутиа далъ ему подзатыльникъ. Солдатъ, унылый человѣкъ, былъ бдѣнь зубами и лѣнливъ. Липать сурово и твердо глянулъ ему въ глаза—и солдатъ нахмурился, но ожилъ. Старика Гаврилу, услужливаго, но глупаго, торопливаго, ему не разъ хотѣлось взять за шиворотъ и выкинуть вонъ.

Напослѣдокъ дѣлали другое дѣло: ломали зубъ молодой кобылкѣ золотистой масти, съ «лысиной» на лбу и свѣтлой гривой. Она выскочила изъ денника легко и доврчиво,—и, подбитая подъ ноги, рухнула на солому, очень удивленная этимъ. Старикъ, упираясь лаптями въ землю, лежалъ, надувался на ея крупѣ, но все сползалъ съ него, подхватывая лѣвой рукой гашникъ сползающихъ портокъ. Солдатъ тянулъ конецъ веревки, которой захлестнули морду кобылки,—задиралъ ей кверху голову, раскрывалъ ротъ, въ который веревка была пропущена. Никитка вытащилъ на-сторону и крѣпко держалъ голой рукой ея розовый, спонявый, все выскальзывающій языкъ. А Липать, держа въ рукѣ короткую желѣзную палку, острую по краямъ и съ желобкомъ на концѣ, глядѣлъ на бѣлые крупные зубы и внушительно говорилъ:

— Держите крѣпче. Теперь гляньте на вонъ этотъ желтый зубъ. Этотъ зубъ называется, по старому преданію, вредный зубъ, онъ называется—сухой зубъ. Тутъ весна, самые корма, самый нагулъ скотинѣ, а лошадь отъ этого зуба щеки проѣдаетъ, ворочать языкомъ ей нельзя и бываетъ зараженіе. Не догляди, не сломай въ-время—она будетъ какъ шальная ходить и жизненности въ ней никакой не будетъ.

Потомъ онъ сразу, со всего своего роста, рухнулъ бокомъ на плечо кобылки, сунулъ ей въ ротъ желѣзную палку, поймалъ нужный зубъ желобкомъ и съ трескомъ сталъ выворачивать. Кобылка забила, заметалась, разбрасывая во всѣ стороны мерзлую землю, мерзлый пометъ и солому изъ-подъ своихъ блестящихъ подковъ. Работники тоже бились, тяжело дышали и надувались, сдерживая ее. У старика опять показалось голое тѣло...

Обливъ кровью руки и солому, Липать поднялся, сдвинулъ шапку съ потнаго лба и твердо сказалъ октавой:

— Шабашъ. Благодареніе Богу.

Кобылку отпустили, распутали. Она долго лежала, вся дрожа. Потомъ разомъ рванулась, чуть не упала, вскакивая, но справилась и, вскочивъ, легко побѣжала въ денникъ. Тамъ она крѣпко встряхнулась, какъ собака, выскочившая изъ воды.

— Святъ, святъ, святъ!—сказаль Липать, не спуская съ нея блестящихъ, радующихся ея силѣ, молодости и красотѣ глазъ.—На доброе здоровьице!

Но сейчасъ же и нахмурился. И, вытирая окровавленные пальцы о завернутую полу, сурово сталъ приказывать подтянувшемуся солдату:

— А вороному меренку надобно лекарству составить. Я составлю. Вели принести шесть горстей муки пшеничной. Этой мукой ты обязанъ шесть дѣнь посыпать ему рѣзку. Для припорціи нынче самъ посыплю, покажу. А въ мукѣ этой будетъ семибратская кровь и конинный хининъ. Послѣ шести дѣнь кровя у него зачнутъ расходиться,нутренность очищаться и зачнетъ онъ какъ ото сна отходить, будетъ опять полноту имѣть и даже грудь зачнетъ наливать. Къ Егорію не узнаешь—не на радуешься, глядя. А если бы его такъ кинуть, безо всякаго вниманія, сейчасъ онъ сохнуть зачнетъ, дрянь носомъ кинется и онъ даже можетъ другихъ заразить...

Потомъ онъ отдыхаль—передъ тѣмъ, какъ итти на ваокъ осматривать прочую скотину. Весь день онъ будетъ наслаждаться своей кровной близостью къ ней, къ тайникамъ и силамъ природы. Сидя возлѣ конюшни на тѣлѣжномъ ящикѣ, онъ жадно курилъ, пускалъ паръ и дымъ изо рта и ноздрей и глядѣль на бѣлый дворъ, бѣлый садъ и бѣлыя крыши. За облаками уже много свѣта—и эта весенняя бѣлизна и безъ солнца слѣпить.

ЛИЧАРДА.

Когда послѣ обѣдни всѣ сгрудились къ подножію амвона, на средину маленькой церкви, изъ купола ея почти отвѣсно падало на толпу блѣдное апрѣльское солнце. Потушенные свѣчи чадили, въ толпѣ, разнообразно пахнущей дыханіемъ, волосами и одеждой, стало жарко. Каждому хотѣлось приложиться поскорѣе. Низкій и ладный, чернородый, плѣшивый мужикъ, выдѣлявшійся изъ толпы очень черной сермяжной поддевкой и очень бѣлыми, толсто и аккуратно увязанными опучами, хотѣль пролѣзть прежде всѣхъ. Но священникъ, держа мѣдный крестъ обѣими руками, подняль его и смотрѣль куда-то черезъ головы, а Агаѣя, чистая, строгая старушка изъ дворовыхъ, схватила мужика за рукавъ. Онъ покраснѣль, рванулся, что-то заговориль, блестя сердитыми глазами.

— И слушать не хочу, не пуцу не по чину,—отвѣтила Агаѣя, оттаскивая его въ сторону.—Я, братъ, къ этому глухая.

Мужикъ долго глядѣль на нее, и краска стыда, подавленнаго раздраженія не сходила съ его лица. Толпа разступилась—и къ кресту осторожно приложился милотвидный молодой человекъ съ чрезвычайно нѣжнымъ румянцемъ, напомаженный, въ голубой короткой подде-

вочкѣ и съ дворянскимъ картузомъ въ рукѣ. Послѣ него кинулись къ священнику бѣзь-толку, а тотъ сталъ совать крестъ, кому попало. Чернобородый мужикъ приложился все-таки раньше многихъ и быстро вышелъ въ боковую дверь, за оградой же, надѣвая шапку, кинулся бѣжать по сохнувшей дорогѣ сзади барскаго сада.

Теплое солнце точно шурилось, улыбалось сквозь блѣдную апрѣльскую дымку въ небѣ. Въ голомъ саду, за соломеннымъ валомъ, пѣли дрозды, гудѣли пчелы, хотя кое-гдѣ, среди коричневой листвы, еще сѣрѣлъ крѣпкій горбатый снѣжокъ. Агаѣя вышла изъ церкви на ту же дорогу, по которой пошелъ мужикъ, развязывая носовой платочекъ съ мѣткой-короной. Въ платочкѣ были куски просфоры. Она перекрестилась и на ходу стала ѣсть, наклоняясь къ ладони, боясь просыпать крошки.

Мужикъ ждалъ въ концѣ вала, на пригрѣтой весенней травѣ. Увидавъ Агаѣю, онъ сдвинулъ шапку съ потнаго лба и, разбрасывая полы, направился прямо къ ней. Агаѣя въ страхѣ остановилась.

— Ты чему мою дѣвку заучаешь?—спросилъ онъ, подходя.—Ты что барину ее подводишь? А?

Агаѣя хотѣла что-то отвѣтить, но онъ сгрѣбъ ее за лицо всей пятерней, зажалъ ротъ, отламывая голову. Агаѣя, пытаясь вырваться и крикнуть, стала давиться, пускать слюни.

— Молчи, стерва!—крикнулъ мужикъ бѣшенымъ шопотомъ.—Какъ такъ ты ничего не знаешь? Кто ей вчера гостинцевъ надавалъ и водкой напоилъ? Можешь ты такія грѣховныя дѣла затѣвать?

Разжавъ правую руку, онъ лѣвой схватилъ ее за шиворотъ, за темный платокъ вмѣстѣ съ сѣдыми волосами, нагнувъ, подставилъ подъ ея лицо колѣнку и крѣпко ударилъ объ колѣнку носомъ. Ноги Агаѣи подломились, но, пока она падала, онъ успѣлъ перегнуть ее назадъ и

коротко ткнуть кулакомъ въ зубы. Агаѣя повалилась боясь даже плакать. Мужикъ вытеръ кулакъ объ изнанку поддевки и, блѣдный отъ злобы, задыхаясь, быстро пошелъ назадъ. Агаѣя осталась лежать, слабо и уже притворно охал, сплевывая кровь на зеленую траву, по которой, тихо жужжа, ползали еще сонныя пчелы.

Квартировала она у старосты. Староста жилъ на другомъ концѣ деревни, на выѣздѣ. Подъ голой лозинкой, бросающей чуть замѣтную тѣнь, у порога кирпичной избы, глядѣвшей на ровный выгонъ, на большомъ камнѣ, накрытомъ суровой скатертью, пили водку и закусывали ситникомъ съ творогомъ и сметаной двое копачей, окатывавшихъ старостину усадьбу, и хозяйка его, Катерина, съ дочерью дѣвкой. Староста былъ въ городѣ, и копачи, угощая Катерину водкой, говорили лишнее, хохотали. Дѣвка, нарумяненная, въ капареечномъ платьѣ, стояла на порогѣ; она наѣлась раньше всѣхъ, но не хотѣла уходить и, тупо улыбаясь, хлопая бѣлыми рѣсницами, слушала.

Вдругъ всѣ смолкли и подняли головы: изъ-за избы показался сосѣдъ, высокій бѣлобрысый малый Гришка. Онъ велъ Агаѣю, почти тащилъ ее, маленькую, со всклокоченными сѣдыми волосами, и жмурилъ глаза отъ смѣха.

— Въ цѣлости и сохранности!—сказалъ онъ, опуская ее подъ стѣной избы на сухую глину.—Сюда, что ль, квартиранку-то вашу опредѣлить?

— Да ба-атюшки, кто жъ это носъ-то ей расшибъ?—протянула Катерина, раскрывая и оставляя открытымъ ротъ съ творогомъ на языкѣ.

Одинъ изъ копачей, Демьянъ, низкорослый, кривоногий, съ курчавой сѣрой бородкой и широкоскулый, посмотрѣлъ на Агаѣю, со стономъ легшую на глину, бодро играющими темными глазами.

— Знать, гдѣ воевала,—сказалъ онъ.—Гдѣ воевала, старуха, а?

— Вотъ тебѣ и досводничалась!—жалобно сказала Катерина.—Да кто жъ это тебя, Петровна? Что жъ молчишь?

Гришка, упершись руками въ бока, подмигнуть и качнулъ головой въ сторону деревни.

— Карпуха Большаковъ,—прошепталь онъ.—За дочь, вѣрно.

— Значить, ей зеръкало теперь надо,—сказаль Демьянъ, разсѣянно взглянувъ въ зеленѣющее поле, въ серебристый блескъ пригрѣвающаго солнца и на лозинку, на сукѣ которой лежалъ его армякъ.—Дашка!—крикнулъ онъ дѣвкѣ, стоявшей на порогѣ съ радостно выпученными глазами.—Бѣги, соломки принеси, ей струшнѣй умирать будя.

— Ступай скорѣй,—съ притворной строгостью прибавилъ другой коначъ, Титъ, гнутый, широкоплечій, съ волосатымъ ободраннымъ носомъ.—Выпьешь, что ль, за работу?—обратился онъ къ Гришкѣ.—Пей, ничего.

— Со всей удовольствіей,—отвѣтилъ Гришка.

И, нагнувшись, осторожно взялъ съ краями налитый стаканчикъ.

— Значительная старуха,—сказаль онъ, жмурясь отъ смѣха и вытягивая шею, приготовляясь пить.

— Старушка дружелюбная, старая барская гнида, вѣрная Личарда,—подтвердилъ Титъ, разглядывая чунки и просторныя шерстяные чулки Агаѣи.—Здѣрово земляныхъ шмелей послужала!

— Самый разнесчастный человѣкъ!—весело прибавилъ Демьянъ.—Мы и ей сейчасъ поднесемъ.—Вѣрная Личарда, выпить хочешь?—крикнулъ онъ.—Забудь горе! Не ѣшь съ Ѳомой, ѣшь со мной! Захмелѣешь, пѣсни зачнешь играть, танцовать пойдешь, и я съ тобой протанцую,—сказаль онъ, съ притворной удалью раскидывая руки.

— Что ты ей спокую не даешь, не трожь ее,—сказала Катерина, изъ приличія нахмуриваясь.—Поднеси, правда. Ей полегчаетъ.

Демьянъ налилъ стаканчикъ, вынулъ изъ него толстымъ пальцемъ кусочекъ пробки и бережно понесъ Агаѣѣ, одергивая короткую рубаху на широкомъ заду и гусемъ ступая на своихъ крѣпкихъ выгнутыхъ ногахъ. Подойдя, онъ притопнулъ лаптями и затрясъ портки. Агаѣя приподнялась, взяла стаканъ дрожащей рукой, отпила немного, сморщилась, какъ отъ уксуса, и, отирая губы, отказалась:

— Нѣтъ, и не неволь. Не могу.

— Допивай, допивай!—крикнулъ Демьянъ.—Никакъ нельзя!

Агаѣя допила и, поправляя платокъ, сбитый на сторону, опять тихо заплакала, сморкаясь въ подолъ. Дашка, успѣвшая притащить снопъ обитой ржи и положить его возлѣ Агаѣи, поставила ей на колѣни блюдо въ синихъ разводахъ со сметаной, подала кусокъ ситника.

Гришка выпилъ еще, поблагодарилъ и ушелъ. Агаѣя, не поднимая запухшихъ глазъ, плакала и ѣла, а Демьянъ бодро заговорилъ, вынимая трубку:

— Такъ-то вотъ и у насъ была въ селѣ такая-то Личарда, сводня, грѣховодница. Взяла и подвела нашему барину одну барышню изъ города, въ родѣ какъ въ управительницы. Баринъ у насъ никуда, голова толкачомъ, голая, надѣнетъ круглыя очки—чистый филинъ, а до женскаго пола первый любитель. Ну, конечно, и улестилъ ее, хотѣлъ, сказывали, увѣковѣчить ее, всю имѣнье подъ нее подписать. А барышня попалась добродушная: развеселая, словоохотная, такъ и распускаетъ глаза на каждое слово. Что ей ни скажешь, на все дивится, радуется: «Да что ты? Да что ты?...» Вродѣ дурочки.

— Видалъ я ее,—сказаль Титъ.—Часто, бывало, по

селу хаживала, а не то по саду. Возьметъ зонтикъ кружевной, подхватитъ бѣлую юбочку,—наряжалась, правда, хорошо, и юбка вся въ кружевахъ,—и ходитъ по дворахъ, все нѣтъ ли больныхъ, спрашиваетъ: я, говоритъ, жалостлива и сама изъ бѣднаго быта... А то по саду съ книжкой ходитъ. Какъ захладеетъ, сейчасъ въ садъ. Идетъ съ книжкой, уткнется въ нее, глаза вылупить и такъ и жжетъ, только листики перевертываются.

— Вѣрно, вѣрно, и до чтенія охотница была,—сказала Демьянъ.—Только прѣзжаетъ, значитъ, къ барину гость, малый молодой, должно, изъ военныхъ, а можетъ, и служака какой... Человѣкъ капризный, тощій, а до бабъ тоже разбалованъ, зѣлъ...

— Онъ самый и есть вострякъ,—сказала Тить.

— Да. Да и она ужъ, значитъ, до мужчинъ стала распущенная...

— Любила блудничать,—вставила Катерина.—Понравились, дескать...

— Любила,—подтвердилъ Демьянъ.—Такой ужъ природѣ была. А, бываетъ, и самъ баринъ былъ старъ по этому дѣлу. Вынесутъ имъ, бывало, въ садъ подъ яблоньку коверъ, подушки, лежатъ и читаютъ. Утромъ на станкѣ на токарномъ точить всякую пустяковину, кровь себѣ полируетъ, послѣ обѣда—подъ яблоньку. Она въ одну сторону, онъ—въ другую, такъ и блеститъ очками изъ травы, какъ змѣй. Покатается, покатается возлѣ ней, да только и всего, только разбередитъ. А тутъ кстати помоложе подвернулся... Слухай да догадывайся!—весело и бодро сказалъ онъ, обращаясь къ Агаѣ, легшей на снопъ.—Дѣло до хорошаго дойдетъ: «и ему отдалась до послѣдняго дня»...

Онъ засмѣялся, подмаргивая, и продолжалъ:

— Прякрасно. Значитъ, занялась она съ нимъ, со служакой съ этимъ. Идешь мимо саду, глянешь—сидитъ

на скамейкѣ, плачетъ и платочкомъ кружевнымъ утирается... Потомъ, глядь, повеселѣла: махнула, значитъ, на свою судьбу рукой, на отчаянность пошла. Мы весь садъ въ ту лѣто окапывали и все это хорошо видѣли. Сходбища у нихъ была въ самой ихъ завѣтной бесѣдкѣ. Бесѣдка была прямо хоть круглый годъ живи: столы, стулицы, чистота, полъ подъ желтую одинарную краску, а по бокамъ черныя каемки пропущены. Ну, вотъ они и повадились туда. Какъ вечеръ, какъ баринъ въ поле, она сейчасъ прослѣдуетъ въ садъ, въ родѣ какъ чтеніемъ заниматься, а это и есть самая сустрѣча ихъ. Онъ, какъ заяцъ, прокрадется черезъ задній валь—и къ ней... Ну, только и отъ него она часто въ горькихъ слезахъ выходила. Капризень былъ! Иду разъ мимо саду, вижу, стоитъ въ своей курткѣ плетеной, слюнявитъ платокъ и къ рукѣ, къ маслаку прикладываетъ, а рука въ крови,—бываетъ, упаль, содраль на валу. Брюки синія въ землѣ и въ листу... «Здравствуйте,—говорю,—Чеславъ Викентичъ!» Запустилъ онъ меня матеркомъ и залился въ бесѣдку...

Агаѣя, все выжимавшая изъ глазъ слезы, вдругъ зарыдала, поднялась и, шатаясь, пошла въ избу. Дашка, сидѣвшая на порогѣ съ широко раскрытыми глазами и раздвинутыми колѣнками, кинула на нее радостный взглядъ, вскочила и тоже скрылась въ сѣнцахъ.

— Горе, правда!—сказала Катерина.—Онъ ей весь носъ размялъ.

Демьянъ быстро оглянулся.

— Не горе!—быстрымъ шопотомъ сказалъ онъ.—Это я ее разжегъ. Вѣдь, барышню-то она подводила!

— Да что ты!—въ одинъ голосъ воскликнули и хозяйка, и Тить.

— Сейчасъ умереть! Вѣдь, она изъ Голицына?

— Изъ Голицына, изъ Голицына,—подтвердила Кате-

рина.—Говорить, къ намъ на покой удалилась, дома дюже много враговъ, завистниковъ нажила.

— Какъ же, успокоится такая-то!—сказалъ Демьянъ.—Я давно объ ней слышанъ, вѣдь Голицыно-то отъ насъ пять верстъ всего. Я ее сразу призналъ, только говорить не хотѣлъ—угостить сулилась...

— Они страшные хитрые черти, эти дворовые,—сказалъ Тить.—Ненавистные къ намъ.

— И, значить, она самая и загубила эту самую барышню?—спросила Катерина.

— Говорю же тебѣ—она,—сказалъ Демьянъ.—Она и все дѣло это совостожила. Да ты погоди, что дальше-то будетъ! Повалаялись они, говорю, въ бесѣдкѣ въ этой, отдѣлалась она, идетъ по дорожкѣ, поетъ пѣсню, а сама цвѣты рветъ, хоть, правда, дюже глаза опять заплаканы. А баринъ-то и вотъ онъ. Бросилъ дрожки за садомъ и идетъ прямо къ ней съ плеткой. Она—туда, сюда, обмерла отъ страха да такъ и осталась на мѣстѣ. Подходить онъ тутъ прямо къ ней, скидываетъ съ ней косынку кружевную съ плечъ, рветъ, ногами топчетъ, скидываетъ брошку, рветъ часы золотые на цѣпочкѣ, зачалъ и ихъ топтать, только стекла хрустятъ... Потомъ за нее принялся: самъ терзаетъ, а самъ плеткой, да все по мордѣ норовить... Избилъ, какъ надо,шибъ съ ногъ не хуже старухи этой—и поскорѣй прочь, домой, чтобы, дескать, отъ грѣха уйтить. Прибѣжалъ приказчикъ, кликнулъ насъ, понесли мы ее въ контору, а она—безо всякихъ чувствъ, лежитъ, какъ мертвая, въ своемъ голубенькомъ платицѣ, въ кружевцахъ, и вся лицо тоже въ родѣ какъ голубая стала, альни носъ блеститъ. Потомъ призываетъ баринъ кучера Никодима и кричитъ ему съ крыльца: «Немедленно свезть и ее, и этого сукина сына на станцію, отыскать его немедленно, онъ, небось, въ саду въ лопухахъ хоронится. Брось ихъ гдѣ-нибудь въ страшную глубину, въ пучину-

другу...» Ну, тѣмъ же вечеромъ и оттащили ее въ телѣгѣ на станцію.

— Ужли съ любовникомъ вмѣстѣ?—спросила Катерина.

— Куда тебѣ!—сказалъ Демьянъ, поднимаясь.—Его и слѣдъ простылъ. Ему-то что жъ! Онъ своего добился, обломалъ ей сучья-вѣтвя, да потуда его и видѣли.

— Я эту исторію тоже слышалъ,—сказалъ Тить, выскребая кускомъ хлѣба остатки сметаны изъ чашки.—Я ее, говорю, сколько разовъ видалъ. Ее Лизаветой звали. Жидкая, праховая бабенка, а ничего все-таки, аккуратная. Я тогда у пона при молотилкѣ служилъ. Рабочая пора, самый разгаръ, я сижу погоняю, а старостишкины сынишка, бѣдовый дьяволенокъ, все подъ приводъ, подъ лошадей лѣзетъ. Разъ сказалъ, два сказалъ—нейметса. Я соскочилъ, поймалъ его да маленько за висценки. Онъ въ голосъ. Гляжу, бѣжитъ эта самая барышня Лизавета,—по дорогѣ возлѣ гумна съ собачкой гуляла,—прямо ко мнѣ: «Какъ вы смѣете,—кричитъ,—васъ къ уряднику надо. Надо съ дѣтьми гуманно обращаться... Будь въ другомъ мѣстѣ, я бы ее кнутомъ шарахнулъ.

— Гуманно!—повторилъ Демьянъ и засмѣялся, снимая съ лозинки свой армякъ.

Всталъ и Тить, перекрестился и, поклонившись хозяйкѣ, пошелъ вслѣдъ за Демьяномъ отдыхать въ ригу. Качая головой, Катерина стала собирать съ камня чашки, хлѣбъ, скатерть...

— Мамушка!—крикнула Дашка, выскакивая на порогъ.—Я боюсь! Она пьяная, на всю избу кричитъ, волосы съ себя деретъ...

Катерина, кинувъ скатерть, вошла въ избу. Агаеья сидѣла на лавкѣ и раскачивалась съ силнымъ воемъ, глядя и ничего не видя кровавыми безумными глазами. Безъ платка, съ растерзанными сѣдыми волосами, сизая отъ слезъ и отъ натуги, она была и страшна, и жалка.

— Господи, прости меня, окаянную!—сипло вскрикивала она, размахиваясь, широко крестясь и кланяясь двери.—Господи, разрази меня, старую дьяволицу, холопку лютую!—Ненавижу васъ, мужланы дикіе!—завопила она, увидавъ Катерину.—Ненавижу!

Не отвѣчая и улыбаясь, Катерина стала тереть хрѣнь, чтобъ привести ее въ чувство.

ЗАБОТА.

Солнечный осенній вечеръ прохладенъ. Изъ-за дворовъ большого села, растянувшагося по скатамъ къ лугамъ, къ родниковой рѣчкѣ, изъ-за ригъ, зелени лозинъ и высокихъ конопляниковъ желтѣютъ новые ометы и скирды. Улица села въ тѣни, солнце опускается за дворами, за гумнами—и ярко краснѣютъ противъ него глинистые бугры по ту сторону луговъ, блестить на этихъ буграхъ стекло въ избѣ мельника.

Старикъ Авдей Забота, зажиточный мужикъ, собирается въ городъ.

Возлѣ его двора, на дорогѣ между дворомъ и пуньюю, дремлетъ запряженная въ телѣгу сивая кобыла, съ мелкими, врозь разставленными копытами, съ большими рѣсницами, съ сѣрыми усами и большой шершавой нижней губой. Авдей курчавъ и сѣдъ, крупень и сумраченъ, на плоской спинѣ его, подъ линючей ситцевой рубашкой, выдаются лопатки. Онъ ходитъ возлѣ телѣги, набитой соломой, съ молоткомъ въ рукѣ, держитъ губами пучокъ гвоздей и ни на кого не смотритъ.

У него горе.

Онъ всѣ послѣдніе дни мучился думами: продавать ли барана? Баранъ старъ, но продавать его не слѣдъ, не время. Продавать нужно было бы хлѣбъ. Осень погожая, уро-

жай отличный, одна кладушка уже обмолочена,—только бы насыпать, да въ городъ. Но цѣны на рожь, на овесъ стоять страшно низкія. Ни зерна нельзя продавать, какъ ни торопи нужда.... Продумавъ недѣлю, Авдей рѣшилъ разстаться лучше съ бараномъ.

Но онъ постарѣлъ за эту недѣлю, осунулся и потемнѣлъ въ лицѣ. Взглядъ его твердъ и сумраченъ. Собирается онъ, ни на кого не глядя.

Дочь, въ нижней коленкоровой юбкѣ, безъ кофточки, въ однихъ шерстяныхъ чулкахъ, раза два робко и быстро перебѣжала дорогу отъ избы къ пунькѣ. Она тоже собирается—на дѣвишникъ къ подругѣ, но боится отца, боится своей затаенной радости, своей беззаботности рядомъ съ его заботой,—старается проскользнуть незамѣтно. Братиска, пузатый мальчикъ, въ огромной старой шапкѣ, облизывая губы, развѣденныя соплями, долго хлопалъ, размахивалъ обрывкомъ кнута и падалъ среди дороги. Чтобы угодить отцу, она на бѣгу поймала его ледяную пухлую ручку и такимъ вихремъ умчала его въ избу, что онъ не успѣлъ даже крикнуть.

Старуха стоитъ на порогѣ и не сводитъ жалостныхъ глазъ съ Авдея. Она положила тонкую сѣрую руку на выдающийся животъ, а другую, подпирающую подбородокъ, поставила въ ея ладонь. Темная, морщинистая, зубастая, она имѣетъ видъ страдальческой. Панева ея коротка, ноги длинны и похожи на палки, ступни, потрескавшіяся отъ грязи, холода и цыпокъ,—на куриныя лапы. Животъ ея выдается, а спина горбится отъ трудныхъ родовъ, отъ тяжелыхъ чугуновъ. Въ разрѣзъ ея рубахи, темной отъ золы, видны палеваыя, тощія, повисшія, какъ у старой собаки, груди, а между ними—большой мѣдный крестъ на засаленномъ гайтанѣ.

Ее заботы сдѣлали за долгую жизнь страдальцей, Авдея—нелюдимомъ.

Телѣга разохлась, растрепалась. Раскапывая старновку въ ея ящикѣ, Авдей прибываетъ кое-гдѣ отставшія планки. Дуетъ предвечерній вѣтеръ и задираетъ сзади его рубаху на поясокъ-ремешокъ, обнажаетъ желобокъ на широкой сухой спинѣ, показываетъ тугой гашникъ, низко вѣзавшійся въ тѣло. Портки Авдея висятъ по-стариковски—точно пустыя. Подошелъ кобель и сталъ обнюхивать разбитые, блестящіе, только что помазанные дегтемъ сапоги, въ опустившіяся голенища которыхъ заправлены эти портки. Авдей съ размаху ударилъ кобеля по боку молоткомъ.

— Полушубокъ вынеси, да хлѣбушка завяжи,—сердито сказалъ онъ старухѣ.

Забивъ послѣдній гвоздь, сдвинувъ со лба шапку, онъ рѣшительно пошелъ въ раскрытыя ворота унавуженнаго двора. Половина его была въ тѣни, половина озарена золотистымъ свѣтомъ. Въ тѣневой половинѣ куры усаживались на ночлегъ, на насѣсть, на побѣлѣвшій отъ ихъ известковаго помета переметь, и заводили глаза. Нахотлившись, сбились голуби подъ застрѣху въ углу. Они слабо заворковали, когда вошелъ Авдей... Какъ радовали всегда сердце его эти хозяйственные куры, голуби, этотъ теплый дворъ, его глубокій навозъ, его плетеные изъ лозняка и обмазанныя коровьякомъ съ глиной закутки! На старой телѣгѣ безъ передковъ, давно загрязшей въ навозѣ, валялся обрывокъ. Взявъ его, Авдей направился къ закутѣ, гдѣ взаперти сидѣлъ баранъ.

— Батюшка, мать спрашиваетъ: огурчика положить?—крикнула дѣвка, заглядывая въ ворота.

— А сама не знаетъ?—строго откликнулся Авдей.— Ай первый разъ?

За рѣшотчатой дверью закуты шуршала солома. Большой кругорогій баранъ въ толстой, вьющейся дымчатой овчинѣ, съ удивленнымъ бараньимъ взглядомъ, съ бараньей щеголеватостью, ходилъ по соломѣ, мелко тряся

жирнымъ хвостомъ. Быстро распахнувъ дверь, Авдей кинулся на барана всѣмъ тѣломъ, сбиль, повалилъ его и торопливо сталъ связывать обрывкомъ его тонкія ножки. Баранъ удивился еще болѣе, но не издалъ ни звука, только глаза выкатили. Авдей поддѣлъ подъ связанный обрывокъ руку, натузился и, волоча барана спиной по навозу, потащилъ его за ворота, къ телѣгѣ. Баранъ, выкативъ бѣлые глаза, сдѣлавшись похожимъ на турка, мелко и быстро трясъ хвостомъ и лизалъ шершавымъ языкомъ руку Авдея...

Черезъ полчаса Авдей въ пути.

Медлительно скрипитъ, тянется съ горки на горку, проходитъ мимо избъ и пунекъ, то въ тѣни, то на солнцѣ, по-дорожному пахнувшая дегтемъ телѣга. Въ задкѣ ея лежитъ веревочный хрептугъ съ сѣномъ, въ передкѣ, на старновѣ—связанный, спокойный баранъ. Авдей, въ полшубкѣ и глубоко надвинутой шапкѣ, съ кнутомъ подъ мышкой, съ трубкой въ зубахъ, изрѣдка пуская черезъ плечо сладкій, пахнуцій донникомъ дымъ, не слѣша, по-дорожному, шагаетъ за колесами.

Вотъ и крайняя изба. Солнце стоитъ не такъ низко, какъ это казалось въ селѣ: скать за селомъ совсѣмъ отлогіи. Этотъ скать—голый и широкій большакъ, тутъ поворотъ влѣво, на городъ. Съ неподвижно простертыми обломками крыльевъ стоитъ на немъ вѣтрякъ, какъ стоялъ онъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда Авдей былъ еще ребенкомъ. Возлѣ беззаботно перекрикиваются, прыгаютъ на одной ножкѣ, играютъ въ лунки мальчишки... «Погодите, доиграетесь!»—думаетъ Авдей. Слюнявый, стриженный дурачокъ въ женской рубахѣ, похожій на чучело, ковыляетъ навстрѣчу, пучить глаза дурѣй барана... Авдей грустно усмѣхается: «Дуракамъ счастье, горя мало!»

Подъ скатомъ—мелкая рѣчка, разливается широкимъ плесомъ по бѣлому щебню; изъ щебня, вѣчно сочащагося

водой, кое-какъ перекинуть мостъ на ту сторону. Плесь ослѣпительно блеститъ; желто-каменистый подъемъ за нимъ весь въ зеркальныхъ веселыхъ разводахъ, въ медленно переливающихся отраженіяхъ. По мосту ѣдутъ бездѣльники-охотники: высокая гнѣдая лошадь, бѣговыя дрожки, на дрожкахъ, одинъ за другимъ, сидятъ верхомъ два чело-вѣка, и торчатъ изъ-за ихъ спинъ два ружейныхъ ствола. Авдей тянетъ веревочную вожжу, останавливаетъ свою кобылу и ждетъ, пока переберутся по узкому и зыбкому мосту встрѣчные. На одномъ изъ нихъ ягдташь, набитый перепелами, на колѣняхъ другого—уже окостенѣвшій заяцъ съ усами въ крови. Авдей глядитъ, но видитъ все какъ во снѣ. Онъ ко всему равнодушенъ—какъ больной.

Наконецъ, перебрался и онъ черезъ мостъ. Поднялся на гору, спустился въ котловину и опять сталъ подниматься... Жесткая, выгорѣвшая за лѣто мурава ржаво краснѣетъ по каменистымъ переваламъ старой мертвой дороги. Этимъ переваламъ конца нѣтъ. До города верстъ двадцать-пять, но онъ всегда, всю жизнь казался Авдею очень далекимъ. Съ перевала на перевалъ поднимается, идетъ онъ, задумчиво глядя впередъ. Солнце сзади него, краснѣетъ, садится. Сіяніемъ окружена лежащая по муравѣ тѣнь Авдея, длинная тѣнь телѣги, лошади. Пусто кругомъ, далеко видно. Воронье безпріютно, по-осеннему ночуетъ на опушкѣ желтыхъ жнивій. На горизонтѣ рядъ телеграфныхъ столбовъ, уходящихъ въ безконечное поле. Алыми клубами бѣжитъ назадъ дымъ бѣгущаго товарнаго поѣзда—длинной цѣпи красныхъ вагоновъ. Авдей до сихъ поръ глядитъ на поѣзда неприязненно. Разъ въ жизни ѣхалъ и онъ по желѣзной дорогѣ. И закаялся: все время кружится голова, все время страшно...

Дойдя до желѣзной дороги, пересѣкающей большакъ, онъ ждетъ возлѣ переѣзда, закрытаго шлагбаумомъ. Неприятно-рано, по-осеннему, зажгли огонь въ будкѣ.

Дальше—шоссе, самая скучная дорога на свѣтъ...

Авдею шестьдесятъ семь лѣтъ: скоро умирать. Особой нужды онъ никогда не зналъ, отъ бѣды, несчастій Богъ его миловалъ.

— Расскажи что-нибудь интересное, что было въ твоей жизни,—сказалъ ему однажды молодой баринъ.

— У меня, слава Богу, ничего такого не было,—отвѣтилъ Авдей.— Вотъ семой десятокъ живу, а, благодарю Бога, интереснаго ничего не было.

Но заботы всю жизнь поѣдомъ-ѣли его. Жаденъ,— говорили про него сосѣди побѣднѣй.— Да, вѣдь, тебѣ, побирушкѣ, хорошо говорить!— всегда со злобой думалъ въ отвѣтъ на это Авдей.

Солнце закатилось, дуетъ холодный вѣтеръ. Авдей прикрываетъ барана соломой, надвигаетъ шанку поглубже, запускаетъ руки въ рукава и мѣрно шагаетъ по краю шоссе за скрипящей телѣгой.

Широкій старческій носъ его сизѣетъ, стынетъ, вѣтеръ коситъ сѣдую бороду. Большія сѣрыя брови сурово сдвинуты, въ потухшихъ глазахъ—тоска.

БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ.

Въ часъ ночи, зимней, деревенской, до кабинета стараго дома доносится изъ дальнихъ комнатъ жалобный дѣтскій плачь. Домъ, усадьба, село— все давнымъ-давно спитъ. Не спитъ только Хрущевъ,— у него бессонница. А плачетъ кто-нибудь изъ его маленькихъ племянниковъ. И, разсѣянно положивъ карандашъ на столъ, останавливаетъ Хрущевъ усталые глаза на огняхъ свѣчей:— Какъ все прекрасно! Право, даже этимъ голубымъ стеариномъ, свѣчами можно любоваться!

Огни ихъ, золотисто-блестящія острія съ прозрачными ярко-синими основаніями, слегка дрожать— и слѣпить глянцевитый листъ большой французской книги. Хрущевъ подноситъ къ свѣчѣ руку— становятся прозрачными пальцы, розовѣютъ края ладони. Онъ мгновенно забываетъ все, что читалъ и думалъ, и, какъ въ дѣтствѣ, засматривается на нѣжную, ярко-алую жидкость, которой свѣтитса и сквозитъ противъ огня его собственная жизнь.

Плачь раздается громче — жалобный, умоляющій.

Хрущевъ встаетъ и направляется въ дѣтскую: уже давно не можетъ онъ равнодушно слышать дѣтскаго плача. Онъ проходитъ темную гостиную,— чуть мерцаютъ въ ней подвѣски люстры, зеркало,— проходитъ темную ди-

ванную, темную залу, видитъ за окнами лунную ночь, ели палисадника и блѣдно-бѣлые пласты, тяжело лежащія на ихъ черно-зеленыхъ, длинныхъ и мохнатыхъ лапахъ. Дверь въ дѣтскую отворена, лунный свѣтъ стоитъ тамъ тончайшимъ дымомъ. Въ широкое итальянское окно безъ занавѣсокъ просто, мирно глядитъ снѣжный озаренный дворъ. На полу у двери что-то чернѣетъ—это, какъ мертвая, лежитъ дѣвка, нянька. Голубовато бѣлѣютъ дѣтскія постели. Въ одной крѣпко спитъ Стасикъ, въ другой Лиля. Спятъ и деревянные кони, спитъ на спинѣ, закативъ свои круглые стеклянные глаза, бѣловолосая кукла, спятъ коробки, которыя такъ заботливо собираетъ Коля. Опъ-то и проснулся,—самый маленькій, самый впечатлительный, худенькій, большоголовый, съ большими карими глазками... Въ чемъ дѣло?

Какъ всегда, онъ внезапно поднялся, сѣлъ на постели—и заплакалъ горько, беспомощно. Онъ протягиваетъ къ дядѣ ручки и заливадается еще жалобнѣе, а самъ спитъ, спитъ.

— Въ чемъ дѣло, дорогой мой?—шепчетъ Хрущевъ, садясь на край постели, вытирая платкомъ личико ребенка и обнимая его щупленькое тѣльце, что такъ трогательно чувствуется сквозь рубашечку своими косточками, грудкой и бьющимся сердечкомъ.

Онъ беретъ его на колѣни, покачиваетъ, осторожно цѣлуетъ. Ребенокъ прижимается къ нему, дергается отъ всхлипываній и понемногу затихаетъ...—Что это будитъ его вотъ уже третью ночь?

Луна заходитъ за легкую бѣлую зыбь, лунный свѣтъ, озаряющій дѣтскую, таетъ, блѣднѣетъ, меркнетъ—и черезъ мгновение опять растеть, ширится. Опять загораются подоконники, косые золотые квадраты на полу. Хрущевъ переводитъ взглядъ съ пола, съ подоконника на раму, видитъ свѣтлый дворъ—и вспоминаетъ: вотъ оно что,—

опять забыли сломать это бѣлое чудовище, что дѣти сбили изъ снѣга, поставили среди двора, противъ окна своей комнаты! Днемъ Коля боязливо радуется на него,—это человѣкоподобный обрубокъ съ бычьей рогатой головой и короткими растопыренными руками,—ночью, чувствуя сквозь сонъ его страшное присутствіе, вдругъ садится на постели и, даже не прсснувшись, заливадается горькими слезами. Да снѣгуръ, и впрямь, страшнѣе ночью, особенно если глядѣть на него издали, сквозь стекла: рога поблескиваютъ, отъ головы, растопыренныхъ рукъ падаетъ на яркій свѣгъ черная тѣнь. Но попробуй-ка сломать его! Дѣти будутъ ревѣть съ утра до вечера, хотя онъ, все равно, уже таетъ понемногу: скоро весна, мокнуть и дыматься въ полдень соломенные крыши...

Хрущевъ осторожно кладетъ ребенка на подушку, креститъ его и на цыпочкахъ выходитъ. Въ прихожей онъ надѣваетъ оленью шапку, оленью куртку, застегивается, поднимая черную узкую бороду и думая: сломать или нѣтъ? Потомъ отворяетъ тяжелую дверь въ сѣни, идетъ по скрипучей тропинкѣ за уголъ дома. Луна, не высоко стоящая надъ рѣдкимъ садомъ, что сквозитъ на бѣлыхъ сугробахъ, ясна, но по-мартовски блѣдна и спокойна. Раковинки легкой облачной зыби тянутся кое-гдѣ по небосклону. Тихо мерцаютъ въ глубокой прозрачной синевѣ между ними рѣдкія голубыя звѣзды. Молодой снѣжокъ чуть запорошилъ крѣпкій, старый. Отъ бани въ саду, стеклянно блестящей крышей, бѣжитъ гончая Заливка. «Здравствуй, Заливочка,—мысленно говоритъ ей Хрущевъ.—Мы съ тобой одни не спимъ въ эту ночь. Жалко спать, коротка жизнь, поздно начинаешь понимать, какъ хороша она...»

Онъ подходитъ къ снѣгуру и медлитъ минуту. Потомъ рѣшительно ударяетъ въ него ногою. Летятъ рога, рассыпается бѣлыми комами бычья голова... Хороша жизнь,

къ чорту все, что мѣшаетъ ея радостямъ! Еще одинъ ударъ—и останется только куча снѣга. Озаренный луной, Хрущевъ долго стоитъ надъ нею и, засунувъ руки въ карманы куртки, глядитъ на блестящую крышу. Онъ наклоняетъ къ плечу свое блѣдное лицо съ черной бородой, свою большую оленью шапку, стараясь уловить и запомнить оттѣнокъ блеска. Вотъ бы вернуться въ кабинетъ и просто, просто записать все, что только что чувствовалъ и видѣлъ...

Потомъ онъ поворачивается и медленно начинаетъ ходить по тропинкѣ отъ дома къ скотному двору и обратно. Двигается у ногъ его, по снѣгу, косая тѣнь. Дойдя до сугробовъ, онъ пробирается между ними къ воротамъ. Ворота на замкѣ, но отзынуты. Онъ заглядываетъ въ щель, откуда рѣзко тянетъ сѣвернымъ вѣтромъ. Онъ съ нѣжностью думаетъ о Колѣ, думаетъ о томъ, что въ жизни все трогательно, все полно смысла, все значительно. И жадно глядитъ во дворъ. Холодно, но уютно тамъ. Подъ навѣсами сумракъ. Сѣрѣютъ въ углу сбившіяся въ кучу, стоя спящія овцы. Сѣрѣютъ передки телѣгъ, засыпанные снѣгомъ. Надъ открытой серединой двора—синее, въ рѣдкихъ крупныхъ звѣздахъ небо. Половина его въ тѣни, половина озарена. И старья, косматыя бѣлыя лошади, дремлющія въ этомъ свѣтѣ, кажутся зелеными.

К Р И К Ъ.

Однажды ранней весной шли мы въ Батумъ изъ Портъ-Саида.

Въ Стамбулѣ была чума, дѣла нашъ грузовикъ тамъ не имѣлъ; мы рѣшили миновать Золотой Рогъ, а разсвѣта дождаться въ Ковакахъ, у входа въ Черное море: ночью не выпускаютъ. И вотъ отправили съ нами изъ Дарданеллъ двухъ турокъ, двухъ карантинныхъ стражей, дабы они удостовѣрили, придя въ Коваки, что этой остановки не дѣлалось.

Снялись мы изъ Дарданеллъ часа въ четыре. Въ пять матросы обѣдаютъ. Передъ обѣдомъ полагается имъ по манеркѣ спирту. Но былъ чистый четвергъ, нѣкоторые сочли за грѣхъ пить въ такой день. А чтобы спиртъ не пропадалъ даромъ, поднесли — для потѣхи — туркамъ. Спиртъ свалили ихъ, непривычныхъ къ пьянству, и они послули: одинъ, рослый, дюжий,—на кормѣ, надъ самымъ винтомъ, другой, маленькій,—на крышкѣ трюма между кормой и машинной частью. И передъ тѣмъ, какъ заснуть, этотъ маленькій долго бормоталъ и по-турецки, и по-гречески, и даже по-русски:

— Руссь—карашо, арабъ—нѣтъ карашо!

Онъ рассказывалъ, что у него, человѣка простого и бѣднаго, жена была такая красавица, что онъ даже

по имени не звалъ ее никогда, а говорилъ: «джанымъ,— сердце мое», что она уже давно умерла, родивъ ему сына, что и сынъ его былъ красивъ, нѣженъ и почителенъ, какъ дѣвушка, да увезли его въ Стамбуль, отправили на войну, въ Аравію. А ужъ изъ Аравіи не вернешься, нѣтъ!—говорилъ онъ. И, вскакивая, весело вскрикивалъ, какъ бы стрѣляя изъ карабина, падалъ на спину, изображая убитаго наповаль, и задиралъ свои кривыя ноги въ шерстяныхъ полосатыхъ чулкахъ. Штаны его, очень узкіе книзу, были въ заплаткахъ, мундиръ—коротенькій, истрепанный, феска грязная, бараньи глаза мутны, усы вислые, подбородокъ давно не бритъ, спаленное зноемъ и вѣтромъ лицо все въ морщинахъ. И матросы хохотали и жалостно говорили:

— Вино-то, вино-то, братцы, что дѣлаетъ!

Много разъ видѣлъ я Босфоръ. Но можно ли на него наглядѣться? Вечеромъ я легъ спать и приказалъ разбудить себя, лишь только откроется маякъ. Около двухъ часовъ ночи вѣстовой постучалъ въ дверь моей каюты и негромко сказалъ:

— Подходимъ къ Сералю.

Я отозвался:

— Есть. Очень холодно?

— Три градуса.

— Туманъ?

— Чисто.

Я въ темнотѣ нашелъ пальто, шапку и вышелъ. Въ каютъ-компаниі тускло и печально горѣлъ одинъ рожокъ. Легкій свѣжій бризъ дулъ въ открытую дверь, за которой синѣла лунная ночь, и, сухо шелестя, чуть трепетали перистыя вѣточки карликовой японской пальмы, стоявшей въ горшкѣ у камина. Среди тишины, царившей всюду, выдѣлялись только этотъ шелестъ да медленное постукиваніе стѣнныхъ часовъ. А чуть слышный звонъ

рюмокъ, которыми увѣшанъ потолокъ въ буфетѣ, и та слабая дрожь, которой дрожитъ весь пароходъ отъ машины, работающей въ глубинѣ его глухо и мѣрно, какъ огромное сердце, не нарушали тишины. Я вышелъ на лѣвый бортъ—и заглядѣлся на приближающійся Стамбуль, на рѣдкіе ночные огни его, матово блестяшіе за бѣлосымъ тонкимъ паромъ, на его призракъ, фантастическій и величавый, таинственно-блѣдный на синевѣ лунной ночи...

Потомъ я поднялся на капитанскій мостикъ. Глядя впередъ, за фокъ-мачту, дежурили у телеграфа капитанъ и вахтенный помощникъ, въ шапкахъ, въ теплыхъ курткахъ. Они не обернулись, когда я сталъ за ними, возлѣ штурманской рубки, гдѣ въ сумракѣ, держась за рога рулевого колеса и не спуская глазъ съ компаса, освѣщенного низко спущенной электрической лампочкой подъ колпакомъ, каменѣлъ рулевой матросъ. Они, тоже замороженные почью и Стамбуломъ, роняли слова команды точно, но медленно, вполголоса.

— Пять градусовъ лѣво,—безстрастно, не оборачиваясь, говорилъ капитанъ.

— Есть пять градусовъ лѣво,—протяжнымъ сильнымъ альтомъ отзывался рулевой.

Но отзывался онъ тоже безстрастно, словно спросонья, въ ладъ полночной тишинѣ. Мѣрно, медленно отдавались изъ глубины вздохи машины, и медленно шло и развертывалось передъ нами сказочное царство великаго города.

— Такъ держать,—просто и осторожно говорилъ капитанъ.

— Та-акъ держа-ать!—на четыре тона выше бралъ рулевой съ солдатской безстрастностью.

Я поднялся на штурманскую рубку... Мертвый штиль. Полная ясная луна стоитъ справа, почти сзади насъ, надъ туманными силуэтами Принцевыхъ острововъ. Огромная, золотая полоса продольно блестятъ между ними, подъ

той тѣнью, что всегда лежитъ по горизонту за луннымъ блескомъ. Блескъ зеленоватаго стекла возникаетъ и гаснетъ, переливается по валамъ тяжелаго шагреневаго масла возлѣ самага борта. Но все въ отдаленіи,—и холмистыя побережья, и Золотой Рогъ, медленно раскрывающійся передъ нами, и блѣдные призраки Скутари, Стамбула, Галаты, Перы,—все подернуто матово-бѣлесой чадрой, нѣжной, прозрачной, какъ драгоценныя брусскіе газы. И за этой чадрой, какъ несмѣтные глаза, таинственные и прекрасныя, матово и недвижно блещутъ несмѣтные, далекіе и близкіе огни: золотыя, мелкіе, густо насыпанные среди темныхъ садовъ на скутарійскомъ берегу; роями усѣявшіе сверху донизу гору Перы и Галаты; изумрудныя и рубиновыя, крупныя—на мачтахъ въ Золотомъ Рогѣ, на буюхъ, сторожевыхъ лодкахъ, длинно отражающіеся въ зеркальной водѣ; рѣдкіе и сонныя—въ Стамбулѣ, спящемъ съ открытыми блестящими глазами на своихъ холмахъ противъ луны. Я различалъ каменные и деревянныя дома его предмѣстій, легкіе, безконечно-высокіе минареты вокругъ чашеобразныхъ куполовъ бѣлой Ахмедіа, древній дорогой мнѣ куполь Софіи, сады Сералия и сѣрую стѣну дворца Константина. Я опять обонялъ особый, сладкій и сухой аромать береговъ Турціи... Вдругъ откуда-то издалека пронесся въ тишинѣ чей-то слабый рыдающій зовъ:

— Юсу-уфъ!—крикнулъ кто-то.

И оборвалъ, точно захлебнувшись слезами.

Все ближе роились огненныя пчелы по горѣ Галаты. Мы шли, а мимо насъ, точно сильнымъ теченіемъ, несло назадъ красныя фонарики на сторожевыхъ лодкахъ. Я подумалъ: это, вѣрно, кто-нибудь на сторожевой лодкѣ крикнулъ; можетъ быть, это—убійство и вопль о пощадѣ; можетъ быть, контрабандиста-грека поймали; но что мнѣ до того?

Вотъ опять негромкая команда и альтъ рулевого. Луна мѣняетъ мѣсто, надвигается справа скутарійскій берегъ—далеко по зеркальной водѣ легла тѣнь его. Уже прошла гора Перы и Галаты, сплошь залитая каменнымъ городомъ за прозрачно-бѣлымъ покровомъ. Далеко за кормой остались два сонныхъ сквозныхъ изумруда, низко, одинъ надъ другимъ повисшихъ надъ водою, тамъ, гдѣ торчитъ изъ воды бѣлая башенка Леандра. Носъ парохода медленно поворачиваетъ,—закрывается выходъ въ Мраморное море, блещущій, какъ стеклянно-золотое поле, возлѣ серальскаго мыса. Это поле меркнетъ; раздаются короткій хрустальный звонъ телеграфа; мы все круче забираемъ вправо. Теперь уже нигдѣ нѣтъ блеска, чадра рѣдѣетъ, Босфоръ сузился. Бѣломраморныя султанскіе дворцы тянутся по лѣвому побережью, купая въ водѣ широкія ступени своихъ мраморныхъ пристаней. Тѣнь достигаетъ и до нихъ; зеленомато-блѣденъ въ тѣни мраморъ...

— Юсуфъ!—опять долетаетъ откуда-то издалека.

Я удивленно поднимаю бровь, прислушиваюсь... И опять забываю объ этомъ воплѣ.

Отъ тѣни ярче и зеленѣе кажется холодная весенняя ночь, зеркальнѣе луна. Чище, синѣе стало и звѣздное небо. Порою вершины малоазійскаго берега, по низамъ покрытаго вилами, селеніями, садами и рощами, отдаляются. Далеко впереди я вижу высокій круглый холмъ. Какъ мягко и отчетливо выдѣляется онъ на свѣтломъ небѣ! Какъ спокойны и легки очертанія нѣсколькихъ итальянскихъ пиній, вѣнчающихъ его темя, ихъ короткіе стволы и темныя зонты! А вотъ большая сѣдловина между горами, и луна, стоящая за нею, чуть блѣднѣетъ; сквозятъ голыя весеннія рощи, серебрится подъ луною прозрачная дымка въ нихъ. Но закрывается и сѣдловина,—идемъ подъ темнымъ склономъ въ густыхъ садахъ,

гдѣ надъ черепичными крышами высятся черные кипарисы. Первый робкій соловей звучно и сладко окликнулъ сады—и затихъ... Весеннимъ холодомъ земли и ароматомъ прошлогодней листвы тянетъ съ берега...

— Юсуфъ! — страстно, захлебываясь слезами, кличетъ голосъ съ кормы.—Юсу-уфъ!

Спустившись съ рубки, я быстро пошелъ туда. Сбѣжалъ по трапу со спардэка, прошелъ возлѣ мѣрно и глубоко вздыхающей машины, обдавшей меня своимъ тепломъ и запахомъ разогрѣтаго масла... Опять луна пере мѣнила мѣсто. Она далеко за кормою, надъ золотымъ огромнымъ озеромъ, которымъ сталъ теперь Босфоръ среди сомкнувшихся береговъ. И еще разъ сбѣжавъ, увидѣлъ я черную фигурку, на колѣняхъ, спиной ко мнѣ стоящую на крышкѣ трюма. Она садилась порою на ноги, на пятки, какъ дѣлаютъ это во время молитвы, порывисто приподнималась, кидалась ницъ, что-то искала въ рогожкѣ, служившей ей вмѣсто коврика, и опять откидывалась назадъ и, воздѣвая руки къ лунѣ или къ дворцамъ Стамбула, страстно, кратко, съ несказанной болью и мольбою вскрикивала:

— Юсу-уфъ!..

И я все понималъ.

Онъ, этотъ оборванный маленькій турокъ, заснулъ, набормотавшись, налѣзшись спяну греческихъ пѣсень. Онъ проспалъ все Мраморное море. И вдругъ очнулся возлѣ самаго Стамбула, отнявшаго у него сына... Онъ покорно, какъ истый муслимъ, принялъ и затаилъ въ сердцѣ свое горе. Никто не замѣтилъ слѣдовъ скорби въ его равнодушныхъ морщинахъ, въ безстрастно поднятыхъ бровяхъ и висячихъ усахъ. Да и слишкомъ тупо ныла эта скорбь въ его сердцѣ. Но вотъ случилось нѣчто необычное: путешествіе въ Коваки, чужая палуба, чужіе люди, начавшіе его угощать какимъ-то сѣрымъ,

мелкимъ, ѣдкимъ табакомъ и огненной водкой. Сведенный ею съ ума, чувствуя, что онъ плыветъ въ городѣ самаго падишаха, сталъ онъ съ болѣзненнымъ восхищеніемъ вспоминать, какъ увозили туда его сына, представлять себѣ съ непонятнымъ восторгомъ, какъ убили его въ Аравіи. И свалился, наконецъ,—потерялъ сознание, и спалъ долго, долго... И вдругъ очнулся. Что то тяжко томило его въ пьяномъ тяжкомъ снѣ. Когда же открылись его глаза, почувствовалъ онъ позднюю ночь по той тишинѣ, которая окружала его, увидалъ величавый и фантастическій въ лунномъ свѣтѣ призракъ Стамбула—и внезапно, всѣмъ существомъ своимъ, можетъ быть, впервые, постигъ всю глубину того, что сдѣлалъ Стамбулъ съ его никому не нужной, жалкой жизнью и съ прекрасной молодостью Юсуфа. Вѣдь это о немъ, о сынѣ, рассказывалъ онъ хохотавшимъ русскимъ собакамъ!—И, поднявшись, съ ужасомъ почувствовалъ, что онъ пьянъ, страшно пьянъ, отравленъ и несчастенъ...

Я подошелъ къ нему. Онъ повернулъ ко мнѣ блѣдное въ лунномъ свѣтѣ, все мокрое отъ слезъ, съ мокрыми висячими усами лицо, выпучилъ на меня свои бараньи, остеклянѣвшіе отъ яда, отъ рыданій и патуги глаза... Зачѣмъ подъ нимъ эта скомканная рогожка? Можетъ быть, онъ вспомнилъ еще и то, что проспалъ вечернюю молитву, и кинулся, падая и опять поднимаясь, разстилать эту рогожку... Но до молитвы ли? Все мѣшается въ его мозгу, онъ не помнитъ ни одной суры, онъ чувствуетъ только одно—ужасъ и тоску. И вдругъ начинаетъ кричать Стамбулу, лунной ночи, что онъ одинъ и погибаетъ. Да нѣтъ, этого не можетъ быть! Сынъ живъ, онъ долженъ быть живъ, онъ долженъ вернуться! Сынъ долженъ вернуться еще и потому, что его, нищаго, одинокаго старика, опозорили, отравили... И, рыдая, безумѣя отъ ужаса и горя, онъ сталъ кричать дико, захлебываясь слезами.

Я взялъ его ледяную руку; хотѣлъ пощупать пульсъ. Онъ выпучилъ глаза и вырвалъ руку. Онъ, какъ звѣрь, кинулся на рогожку, сталъ судорожно комкать ее, стараясь разстелить передъ собою... И опять, не сладивъ съ хмелемъ и горемъ, тяжело упалъ задомъ на пятки, уперся руками въ рогожку. Неудержимо катившіяся слезы застилали его изумленные глаза, пьяный насморкъ затыкалъ дыханіе, мокрые усы лѣзли въ ротъ.

— Юсуфъ!—крикнулъ онъ тупо и кратко, какъ человекъ, вынырнувшій изъ воды.

И завопилъ, затрясшись отъ рыданій, захлебываясь и простирая руки къ Стамбулу:

— Юсуфъ! Юсу-уфъ!..

Неслась вода мимо борта. Золотое озеро за кормою меркло.

ВЪ КРАСНОМЪ МОРѢ.

Красное Море встрѣчаетъ насъ дурными знаменіями.

Вчера на закатѣ дулъ хамсинъ. Слѣва, въ пыльной, красной мглѣ, садилось болѣзненно и тускло блестящее солнце. Справа эта мгла была сумрачнѣе. Тамъ темнѣли очертанія Джебель-Таира. И оттуда, со стороны Аравіи, горячій вѣтеръ гналъ двухъ птицъ. Онѣ неслись бокомъ, низко надъ водою. Перья ихъ были измяты и взъерошены. Неожиданно наткнувшись на спасеніе, на нашъ грузовикъ, онѣ взмыли къ верхушкѣ фюка, на тугую струну штага, соединяющаго фокъ съ гротомъ. Уцѣпившись, онѣ крѣпко встряхнулись, приводя себя въ порядокъ, и застыли.

Мы съ мостика долго разглядывали ихъ. Таитья нечего,—всѣмъ стало не по себѣ: это были два старыхъ аравійскихъ стервятника, два «вѣстника смерти» и всяческихъ бѣдъ. А вѣдь мы прямехонько идемъ на смерть: по всему побережью Аравіи, въ Суэцѣ, въ Портъ-Саидѣ—всюду чума и холера; въ Жибути, гдѣ мы стояли сутки и сообщались съ берегомъ, умираетъ по сто, по двѣсти человекъ въ день... А первы у насъ никуда,—устали мы ужасно. Переходъ въ Японію былъ трудный, бурный. Не давши намъ и недѣли отдыха, погнали насъ назадъ, въ Китай, оттуда—въ Сингапуръ. Тамъ мы безъ дѣла

простояли мѣсяць, изнуряемыя жарой, лихорадочной влажностью, запахомъ мускуса, видомъ голыхъ тѣлъ, опоясанныхъ по бедрамъ мокрыми отъ пота тряпками, черныхъ китайскихъ лавченокъ, заваленныхъ гніющими фруктами, жертвенниковъ, облитыхъ кокосовымъ масломъ, и боговъ, еще болѣе безобразныхъ, чѣмъ ихъ желтоликіе поклонники. Индійскій океанъ въ мартѣ, конечно, отдыхъ, но вѣдь впереди было это проклятое аравійское море, чума и долгое отсутствіе всяческихъ вѣстей о родинѣ. А народъ моряки чувствительный. Имъ, обреченнымъ жить внѣ дома три четверти года, разлука съ домомъ всегда тяжела. Что же до вѣры въ примѣты, въ предзнаменованія, то плавающіе въ сѣверныхъ и тропическихкихъ моряхъ хуже всякаго араба...

Вечеромъ безъ охоты поиграли въ шашки. Старшій механикъ вспомнилъ покойнаго командира «Японіи»: это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тоже во время чумы и тоже въ Красномъ морѣ, командиръ захворалъ,—можетъ быть, и впрямь захворалъ, заразившись въ Массовѣ, гдѣ онъ сѣзжалъ на берегъ,—а, захворавъ, поспѣшилъ принять датуры, оставивъ записку, что у него жаръ, дурнота и опухоли подъ мышками. Страшно сказано было тогда въ газетной телеграммѣ о его смерти. «Тѣло передано Красному морю...»

Отъ песку, отъ горячаго вѣтра закрыли люминаторы. Стало похоже на печь съ закрытой заслонкой. Свободные отъ вахтъ, рано разошлись спать,—одинъ пьяница Францъ старчески ворчалъ и гремѣлъ въ буфетѣ, швыряя посуду. Но какой сонъ при хамсинѣ! Тѣло ноетъ, сердце замираетъ. Поминутно, весь въ поту, просыпаешься, куришь, снова задремываешь... Никогда не кажется такъ мала каюта! Лежа въ темнотѣ, слушая ровный плескъ воды, бѣгущей назадъ, мимо слегка дрожащаго на ходу «Китая», все думаешь о томъ древнемъ, мистическомъ,

чѣмъ отравляетъ насъ Востокъ: тропики, Индія, Китай... а въ этомъ мгlistомъ морѣ—Аравія. Какая загадочная, и донинѣ невѣдомая намъ, ветхозавѣтная страна—эти пустыни, до плака сожженные ветхозавѣтнымъ Богомъ! Что тамъ, въ гористой, вѣчно мглѣющей миражами глубинѣ ея?

Окраины мы знаемъ: жара, грязь и вѣчная холера въ портахъ; дальше—пески и камни; гдѣ-нибудь на голой волнистой равнинѣ ихъ—страшный въ своей доисторической неуклюжести верблюды, стоящій всегда одиноко, безпріютно, далеко отъ той чахлой пальмы и грязнаго колодца, возлѣ котораго—большой жаркій шатеръ изъ чернаго войлока, слабо синѣющій на солнцѣ дымокъ костра, свирѣпая собака, полусонная отъ зноя старуха, полуголыя дѣти въ паршахъ, котелокъ, измазанный тѣстомъ дурры, не вѣсть откуда занесенная керосиновая жестянка съ теплой водой... А тамъ—опять то бархатные, то осыпанные мелкимъ, острымъ камнемъ пески. Тамъ начинаются тѣ заповѣдныя, вѣчно засыпаемые пескомъ пути изъ Сиріи, Персіи и Средней Азіи къ Меккѣ, Ятрибу, что издревле отмѣчаютъ своими костями святые хаджи, гибнущіе, во имя Господа, отъ жажды, урагановъ, зноя и, ужъ конечно, холеры, чумы—«Раны отъ Копья», какъ называютъ ее арабы. Вотъ за такими-то караванами и слѣдуютъ они, эти стервятники.

Ихъ зловѣщая близость чувствовалась всю ночь. Я выходилъ на палубу; горизонты мгlistы, луна туманно-розова, ночь суха, горяча—точно и не въ морѣ. Высоко, возлѣ клотика фока—два темныхъ комка... Гдѣ они вывелись, гдѣ скитались? Сколько разъ отбивались отъ смерти, отъ такихъ же хищниковъ, какъ и они сами, сколько разъ рвали падалъ, трупы и погибали отъ хамсина? «Господь есть Богъ ревнитель и мститель»—такъ и донинѣ вѣруетъ пламенная страна ихъ.—«Передъ ли-

цомъ Его идетъ язва, а по стопамъ Его—жгучій вѣтеръ...»
И жгучій вѣтеръ, съ пескомъ, дулъ въ каюту всю ночь...

За Джебель-Таиромъ море чисто до самаго Дедалоса, нынче можно было бы вздохнуть свободно, тѣмъ болѣе, что хамсинъ пронесся и опредѣлились мы какъ нельзя лучше. Но еще вчера оказалось, что насъ сносить, и отъ этого кажется, что идемъ мы страшно медленно. «У, матери твоей чортъ!»—злбно сказалъ нынче утромъ боцманъ, проходя мимо фока. И, сложивъ ковшикомъ руки, захопалъ, дико гукнулъ вверхъ и затопалъ сапогами. Ястребъ и не шевельнулся. Одного уже убили, но этотъ сидитъ крѣпко.

Всталъ я нынче рано. Въ шесть утра надъ каютами начинается бѣготня матросовъ, топотъ босыхъ ногъ и шумъ воды, пущенной изъ шланговъ по палубамъ. Обычно слышишь все это одно мгновеніе, затѣмъ перевертываешься и засыпаешь еще крѣпче. Но нынче я очнулся сразу. Какъ всегда, ослѣпительный свѣтъ тропическаго солнца билъ въ люминаторъ, до головокруженія душно было въ каютѣ—и такъ отраденъ этотъ свѣжій шумъ! Обѣжавъ внизъ, къ ваннѣ, я разъ десять окунулся въ холодную воду. Утренній сквознякъ въ тѣни, мраморный полъ, мраморная ванна и хрустальная качающаяся масса,—это, по-истинѣ, наслажденіе. Самому пріятно чувствовать холодокъ своей руки, которой пожимаешь сухую, горячую руку того, кого смѣняешь, входя на мостикъ. Тамъ уже пекло. Я взялъ самый сильный бинокль и навелъ его на птицъ. Великолѣпны эти аравитяне! Сквозь стекла еще прозрачнѣе кажется прозрачный, сіяющій среди яснаго неба воздухъ. Четко, крупно видны блестящій на солнце бокъ мачты, витой стеньгъ-штагъ и ястреба, въ огромномъ пространствѣ висящіе на немъ: ихъ желтоватое жесткое опереніе, круглыя совиныя головы, покрытыя рѣдкимъ младенческимъ пухомъ, прищуренные ко-

шачьи глаза, короткіе, крѣпко загнутые, какъ сталь острые клювы и лимонныя лапы. Оба ястреба очень велики и очень худы. И это особенно замѣтно тогда, когда какой-нибудь изъ нихъ затрепыхается, взъерошивая перья, и совершенно особымъ движеніемъ, движеніемъ стервятника, судорожно, вжимая въ себя голову, подниметь концы поломанныхъ крыльевъ, задвигаетъ ими, весь вытянется впередъ, вцѣпившись въ канатъ, и плевкомъ пуститъ на палубу известковый пометъ.

Фельдшеръ, который, неизвѣстно зачѣмъ, всегда беретъ въ плаваніе ружье, все утро чистилъ, промывалъ его. Затѣмъ началась ожесточенная пальба. Всѣ окружили этого нескладнаго рыжаго человѣка, неумѣло наводившаго на птицъ мушку. Солнце жгло спины, у всѣхъ ломило шеи и слезились глаза, изъ-подъ бѣлыхъ шлемовъ струился по краснымъ лицамъ потъ. Всякому казалось, что, стрѣляя онъ, не было бы этого бесплоднаго треска. Вдругъ одинъ ястребъ подпрыгнулъ и комомъ, безпомощно раскинувъ бѣлыя съ исподу крылья, полетѣлъ съ высоты наискось. Мелькнувъ своей желтизной, своими изломанными перьями въ густо-синей, плавной и тяжелой, какъ масло, волнѣ, онъ исчезъ подъ бортомъ. Другой испустилъ короткій, жалкій и злобный крикъ, взмахнулъ крыльями и опять, еще туже сжавшись, замеръ. Пули съ визгомъ летѣли мимо него—онъ только втягивалъ въ себя голову. Куда же ему было дѣваться! Ему оставалось одно—ждать, пока выйдутъ всѣ пули. И, наконецъ, онъ вышел. Онъ уцѣлѣлъ, но надолго ли? Этого онъ не зналъ. А сидѣть ему все-таки было надо. Въ морѣ, кольцомъ окружавшемъ его, не было ни единого камня.

Я опять взялся за бинокль. Ястребъ во всѣ глаза глядѣлъ на меня. Золь онъ, должно быть, невѣроятно, голоденъ такъ, какъ можетъ быть только стервятникъ! Вѣч-

пая брань со всѣмъ живущимъ, вѣчная мука голода и вѣчное выслѣживаніе жертвъ или падали... Жестоко и къ нему Богъ, предъ лицомъ Коего идетъ смерть, язва,—Богъ, опредѣлившій ему быть вѣстникомъ чернаго Копья Своего!

И цѣлый день не выходила у меня изъ головы мысль о крысѣ, которая, можетъ быть, уже сѣветъ смерть, чумѣя въ темнотѣ нашихъ трюмовъ.

Этотъ желтый флагъ смерти, подъ которымъ мы теперь яльвемъ, твердо напоминаетъ: будь всегда готовъ къ ней,—она и надъ тобой, и впереди, и вокругъ, вотъ за этой водою, на жаркихъ песчаныхъ берегахъ, среди той нищеты и грязи, которой живетъ почти все человѣчество: Копье Господне вѣчно поднято!

Матросы, тѣ подтягиваются при вѣсти о малѣйшей опасности. И на «Китаѣ» за послѣднее время чистота необыкновенная. Очень рано стали мы готовиться къ одесскому порту въ этотъ рейсъ—чиститься, краситься. И какъ охотно работали матросы! Въ Аденскомъ заливѣ нѣсколько дней не смолкалъ на «Китаѣ» ладный, дробный стукъ молотковъ: съ палубъ, съ мачтъ, съ бортовъ, съ трубъ обивали старую, потрескавшуюся краску, а на ея мѣсто клали свѣжую, блестящую, спиртуозно пахучую. И теперь нельзя было насмотрѣться на густую синеву за бортами, великолѣпно подчеркнутую яркой киноварью, которой выкрасили нашу желѣзную палубу, и золотой охрой трубъ. Въ небѣ, знойномъ и свѣтоносномъ, весь день не было ни одинаго облачка, ровно тянулъ навстрѣчу легкой бризъ, ровная спокойная синева на сотни миль разстилалась вокругъ. На бакѣ—жизнь простая, всегда ко всему готовая: изъ подвахтенныхъ иные крѣпко спятъ на самомъ припекѣ, иные, въ тѣни, у входа въ кубрикъ, болтаютъ, курятъ... На носу, разноцвѣтными пятнами выдѣляясь на синевѣ моря, сохнеть развѣшенное на

веревкахъ матроское бѣлье. На ютѣ, какъ всегда, сладко щебечуть, живутъ еще болѣе легкой жизнью тѣ канарейки, тѣ розовые тупички, которыхъ веземъ мы изъ тропиковъ на сѣверъ... И только тамъ, возлѣ клотика фюка, на блестящей въ воздухѣ струнѣ, въ упоръ освѣщенный опускающимся солнцемъ, зловѣще желтѣетъ врагъ всяческой жизни...

Французъ, больной съ похмелья, лѣниво таскалъ свои разбитыя ноги по палубѣ, яростно треса колокольчикомъ.

— Memento mori!—сказалъ командиръ, когда мы сошлись на этотъ призывъ въ каютъ-компанію, къ обѣденному столу, и кивнулъ на люминаторъ, въ который былъ виденъ фюкъ:—Сидить, будь онъ проклятъ!

За обѣдомъ много пили. Солнце закатилось и была уже ночь, разгорался лунный свѣтъ вокругъ каютъ-компаніи, освѣщенной электричествомъ. Шель оживленный разговоръ—какъ всегда толковали объ окладахъ, о начальствѣ, кляли свою службу, тѣшили себя мечтами найти береговую. По каютъ-компаніи вѣялъ бризъ. Но онъ былъ слишкомъ тепелъ, тѣло изнемогало отъ пота. Даже свѣтъ электричества казался знойнымъ.

— На два румба справа встрѣча,—доложилъ вѣстовой съ порога.

Встрѣча—наша единственная радость, и всѣ встали, пошли на палубу. Давно ждемъ «Меркурія»—не онъ ли? Но нѣтъ: слишкомъ низко и далеко другъ отъ друга висѣли за темной зыбкой равниной, уходящей къ востоку, къ Аравіи, два далекихъ топовыхъ огня... И швыряя окурки, красными полосками мелькавшіе за бортомъ, глядя на фюкъ, на гладкій стволъ его, прорѣзавшій звѣздное небо, и на безсонную птицу, висящую на штангѣ, мы разбрелись по палубѣ...

Ночь, опять ночь. Идешь—бризъ мягко дуетъ въ спину, тѣло подъ легкой одеждой наслаждается нмъ. Изъ трубы

клубится темный валъ дыма, луна, какъ зеркало, мелькаетъ въ немъ, по палубѣ бѣжитъ, волнуется широкая тѣнь его, подъ ногами хруститъ угольная пыль. Обдаетъ тепломъ, запахомъ разогрѣтаго машиннаго масла и стали, дальше—опять ласковымъ вѣтромъ и чѣмъ-то раздражающимъ, приторнымъ: это густо, пряно, какъ все въ тропикахъ, пахнетъ изъ трюмовъ копра, кокосовые очки; этотъ запахъ вѣчно будетъ томить, напоминать пахучія гавани, теплую зеленоватую воду, первобытные челноки голыхъ шоколадныхъ людей, густыя чащи высококихъ тонкихъ пальмъ, склоненныхъ съ береговъ, благовонныя кумирни въ вѣчно-цвѣтущихъ лѣсахъ... Волна за волной несется мимо борта, обгоняя тебя. Минуешь двери освѣщенныхъ каютъ за машиной,—фельдшеръ и поваръ сидятъ возлѣ нихъ и вторятъ другъ другу на звенящихъ мандолинахъ,—проходишь на корму, на полують и останавливаешься у штурвала, надъ кипящей водой...

Однообразно шумитъ она, выбиваемая винтомъ изъ-подъ кормы, вырывается изъ-подъ нея тугими клубами, снѣжнымъ фосфоромъ и убѣгаетъ въ океанъ блѣдно-блѣднѣющей прямой дорогой. Равнина моря къ востоку тяжела, темно-лилова, въ небосклонѣ надъ нею—бѣлыя звѣзды широко и низко раскинутой Большой Медвѣдицы, родной съ дѣтства. Слева, подъ луною—безконечная сіяющая гладь, осыпанная несмѣтными серебряными иглами. Какъ высока эта теплая, тропическая луна, какъ легки и свѣтлы горизонты! Драгоценными самоцвѣтами играютъ надъ горизонтомъ юго-западнымъ, особенно легкимъ и свѣтлымъ, Канопусъ и Сиріусъ. Ниже, въ прозрачномъ и пустомъ небосклонѣ, стоятъ четыре алмаза слегка склоненнаго Южнаго Креста, каждую ночь выходящаго изъ нѣдръ тѣхъ невѣдомыхъ южныхъ водъ, которымъ нѣтъ предѣла до самаго полюса...

Вотъ съ бака раздаются два короткихъ удара въ колоколь—восьмичасовая склянка. Въ нихъ—позвія старой морской жизни, безграничныхъ водныхъ пространствъ, ночи за тысячи миль отъ земли. Они быстро тонуть въ великой тишинѣ моря и неба, послѣ нихъ воцаряется еще болѣе глубокое молчаніе, вода шумитъ еще однообразнѣе, въ сердцѣ остается непонятная грусть...

Вотъ опять среди темной равнины къ востоку—медленно идущіе огни встрѣчнаго парохода. Мелькаетъ и гаснетъ, мелькаетъ, мелькаетъ и гаснетъ огонекъ на его спардэкѣ: беззвучно, этими слабыми и бѣдными знаками, которыми даетъ вѣсть крохотная человѣческая жизнь другой такой же, окруженной морями, пустынями, безвѣстностью, смертью, ведемъ мы нашу морскую бесѣду,—съ тревогой и надеждой спрашиваемъ о той точкѣ земнаго шара, которая намъ, скитающимся по всему свѣту, единственно дорога и нужна...

На вахтѣ третій помощникъ, онъ и сигнализируетъ. Человѣкъ онъ недалекій, тропики умѣетъ сравнивать только съ баней, всѣхъ цвѣтныхъ называетъ эфіопами, на стѣнахъ его каюты—копеечные японскіе вѣера, открытки, подчасникъ турецкой туфелькой, на столѣ—карточка жалкой и некрасивой мѣщанки... Но да сохранить Богъ-Ревнитель и его счастье!

ГЕННИСАРЕТЬ.

Въ Виолеемѣ, въ подземномъ придѣлѣ храма Рождества, блещетъ среди мраморнаго пола, неровнаго отъ времени, отъ несмѣтныхъ усть, касавшихся его, большая серебряная звѣзда. И вокругъ нея—крупныя латинскія литеры, твердая и краткая надпись:

Nic de Virgine Maria Iesus Christus natus est.

Въ придѣлѣ, какъ и подобаетъ пещерѣ, бѣдно. Но огнями, серебромъ, самоцвѣтами переливаются надъ звѣздою неугасимыя лампы. Тамъ, наверху—жаркое и веселое солнечное утро, пестрота и крикъ восточнаго базара. Здѣсь—холодъ, сумракъ, благоговѣнное молчаніе. И кто бы ни вошелъ сюда, что бы ни исповѣдывалъ онъ,—затихая, сдерживая дыханіе, не сводя глазъ съ этой средневѣковой надписи, преклоняетъ онъ колѣни:

Nic de Virgine Maria Iesus Christus natus est.

Есть древніе пергаменты, называемые палимпсестами,—хартіи, письма которыхъ полустерты или покрыты чѣмъ-либо, чтобы, на мѣстѣ ихъ, можно было начертать новыя. Въ Виолеемѣ чувствуешь, прозрѣваешь то драгоценное, первое, что сохранилось на его священномъ палимпсестѣ. Въ царскія одѣянія облекли Рожденнаго здѣсь, царямъ, путеводимымъ Звѣздою, повелѣли принести Ему, лежащему въ ясляхъ, вѣнцы свои, золото, ливанъ, смирну,

и легендами, прекраснѣе которыхъ нѣтъ на землѣ, расцвѣтили сладчайшую изъ земныхъ поэмъ—поэму Его рожденія. На торжественныхъ церковныхъ языкахъ рассказана она. Но когда благоговѣнно склоняешься надъ нею въ Виолеемѣ, проступаетъ живая, трепетная красота подлиннаго, красота простыхъ, первыхъ письменъ.

Назаретъ—дѣтство Его. Тамъ, въ тишинѣ и безвѣстности, протекло оно, такое человѣческое, такое земное. Тамъ огорчали и радовали Его игры со сверстниками, тамъ ласковая рука Матери чинила Его дѣтскую рубашечку, тамъ таинственно нисходила въ Его душу недѣтская мудрость, и ясное галилейское небо отражалось въ очахъ, задумчиво устремленныхъ въ синь зеленыхъ долинъ Эздрелона, на лиліи полевыя и птицы небесныя. Вѣтхіе пергаменты Назарета остались во всей своей древней простотѣ. Но скудны и чуть видны письма, уцѣлѣвшія на нихъ! И великую грусть и нѣжность оставляетъ въ сердцѣ Назаретъ. Помню темныя весеннія сумерки, черныхъ козъ, бѣгущихъ по каменистымъ улочкамъ, тотъ первобытно-грубый каменный водоемъ, къ которому когда-то приходила Она, помню Ея жилище: маленькое, тѣсное, пещерное, полное вечерней тьмы, пустующее уже двѣ тысячи лѣтъ... Какъ полевой цвѣтокъ, мало кому вѣдомый, выросшій изъ случайно занесеннаго вѣтромъ сѣмени въ углу покинутого дома, расцвѣла и здѣсь легенда, можетъ быть, самая прекрасная, самая трогательная: безъ огня, по бѣдности родителей, засыпалъ божественный Младенецъ; Мать сидѣла у Его постельки, тихо заговаривая, убаюкивая Его; а чтобы не было скучно и жутко Ему въ наступающей ночи, свѣтящіяся мушки по очереди прилетали радовать Его своимъ зеленымъ огонькомъ...

А страна Геннисаретская, гдѣ прошла вся молодость Его, всѣ годы Благовѣствованія, всѣ тѣ дни, незабвенные до скончанія вѣка, для нихъ же и былъ Онъ въ

мірѣ,—она и совсѣмъ не сохранила зримыхъ слѣдовъ Его. Но нѣтъ страны прелестнѣе, и нигдѣ такъ не чувствуется Онъ!

Какъ надъ всей Святой Землей, почіеть и надъ нею великое запусѣніе. Многолюдные города и селенія, все многообразіе древней галилейской жизни, а среди этого многолюдства—Онъ, юный, неустанный, вдохновенный, окруженный Любимыми,—вотъ что оставляютъ въ воображеніи Евангелія, исторія. Но надо видѣть страну Геннисаретскую. Теперь она, молчаливая, пустынная, дѣлится участь всей Палестины.

Въ ясный вечеръ, при заходящемъ солнцѣ, съ юга подошли мы къ Геннисарету по Иорданской долині: все дико, голо, просто вокругъ: и въ долині, и по каменистымъ предгоріямъ, обступившимъ ее,—меланхолическимъ, сѣро-коричневымъ, въ золотисто-рыжихъ пятнахъ по склонамъ, гдѣ отъ солнца выгорѣли травы. Тропинка вьется среди желтаго, уже созрѣваго и подсыхаго ячменя. За нимъ—прибрежная деревушка, глиняная, безъ одинаго деревца, кажущаяся необитаемой. Пройдя по сѣрымъ пескамъ, на которыхъ стоитъ она, увидали мы водную равнину прелестнаго зеленоватаго тона, теряющуюся среди горъ, въ дали, замкнутой неясной громадой пѣгаго Гермона. Вправо—бѣдный истокъ Иордана. И галилейски радуется глазъ розовыми цвѣтами дикаго олеандра низменность у мелкихъ водъ его...

Солнце было за горами. Свѣтъ его гаснетъ здѣсь быстро, а какъ только онъ гаснетъ, съ горъ срывается недолгій, но сильный вѣтеръ. И темнѣющее озеро уже шумѣло отъ крупной зыби. Четыре гребца нашихъ поспѣшили кинуть весла, вздернуть парусъ и привалиться къ бортамъ, затянувъ вполголоса что-то тоскливо-беззаботное. Вѣтеръ ударилъ въ парусъ, крѣпко накрепилъ,—и мы понеслись въ сумракъ, на дальніе огоньки

Тиверіады, разсыпанные подъ черной горою, стучая днищемъ по волнамъ, черпая воду, то-и-дѣло окатываясь съ ногъ до головы брызгами. Я крикнулъ, чтобы ослабили парусъ: эти полуголые, худые, загорѣлые галилеяне, въ своихъ войлочныхъ круглыхъ колпачкахъ, прикрывающихъ только макушку, крикнули что-то въ отвѣтъ, блестя зубами и бѣлками, и спокойно продолжали пѣсни... «Становилось темно, а Іисусъ не приходилъ къ нимъ. Дулъ сильный вѣтеръ, и море волновалось»... Да, да, это было здѣсь! Онъ дышалъ этимъ мягкимъ, сильнымъ, благовоннымъ вѣтромъ!—Черезъ часъ мы были уже въ Тиверіадѣ, маленькой, тѣсной и грязной, гдѣ лишь одинъ сносный пріютъ—старый латинскій монастырь на самомъ берегу.

Отъ Тиверіады кесарей ничего не осталось. Французъ-настоятель, пригласившій насъ передъ сномъ выйти на кровлю, съ которой далеко было видно успокоенное озеро въ лунномъ свѣтѣ, жаловался: они изнемогаютъ отъ скуки и тропическаго зноя въ этомъ навозномъ мѣстечкѣ; вокругъ нихъ—пустыня; отъ Магдалы осталось только названіе; отъ Капернаума—груды камней, гдѣ итальянцы-монахи ведутъ раскопки; въ Табхѣ пять человѣкъ братіи... «Это близъ Капернаума, на сѣверномъ берегу?»—«Да, да»,—разсѣянно сказалъ настоятель, играя четками, мотая ногой въ лиловомъ чулкѣ, въ башмакѣ съ серебряной пряжкой и глядя на туманные предгорія Гадаринскія, за озеро. Луна сіяла—высоко, высоко. Все озеро было въ свѣтломъ, тончайшемъ парѣ. Знойно звенѣли внизу цикады—на пыльных кустарникахъ, на столѣтнихъ придорожныхъ кактусахъ. Тиверіада спала. И вся ея мертвая страна покоилась въ мертвой тишинѣ.

Мнѣ долго не давалъ уснуть козленокъ, жалобно плакавшій гдѣ-то по сосѣдству. Въ маленькое окошечко, пробитое въ каменной стѣнѣ почти подъ потолкомъ, какъ

въ тюрьмѣ, бѣлѣло сквозь желѣзную рѣшотку лунное небо. Въ полутемной жаркой кельѣ беззвучно плавали москиты. Блохи же Тиверіады упоминаются даже въ путеводителяхъ... Но я поминутно говорилъ себѣ: я въ Тиверіадѣ! Эта ночь была одной изъ счастливейшихъ во всей моей жизни.

Раннимъ утромъ мы поплыли въ Капернаумъ. Озеро недолго дышало утренней свѣжестью. Вотъ уже растянули бѣлый парусиновый навѣсъ надъ лодкой—и онъ озаряетъ лица. Солнце все ослѣпительнѣе и жарче. Озеро штильветъ. Желто-рыжіе верхи предгорій Гадаринскихъ дѣлаютъ водныя зеркала у береговъ золотыми. И въ золотѣ отражаются сѣро-лиловые склоны ихъ. Вода подъ лодкой, зеленая, прозрачная, какъ слеза, кажется бездонной. Гребцы, одинъ—юноша, другой—старикъ, совсѣмъ Петръ Апостоль, работаютъ дружно и легко, и отъ поворачивающихся въ водѣ весель извиваются, уходя въ глубину какъ бы толстыя зеленыя змѣи съ серебряными блестящими брюхами. Потъ уже градомъ льетъ съ красныхъ лицъ гребцовъ. Они—рыбаки, въ лодкѣ лежатъ ихъ сѣти... «Проходя же близъ моря Галилейскаго, Онъ увидѣлъ двухъ братьевъ, Симона, называемаго Петромъ, и Андрея, брата его, закидывающихъ сѣти въ море»... Развѣ не могъ призвать Онъ и этихъ? Они еще нѣсколько разъ налегаютъ на весла—и поднимаютъ ихъ: лодка, чуть журча, добѣгаетъ до берега. Мы выходимъ и оглядываемся. На берегу, среди колючихъ кустарниковъ и розовыхъ цвѣтовъ олеандра,—груды бѣлыхъ камней, колонны: это и есть развалины знаменитой синагоги Капернаума, куда столько разъ, въ такіе же знойные дни, входилъ Онъ, тѣснямый народомъ, искавшимъ коснуться Его. Тишина, солнце, блескъ воды. Сухо, жарко, радостно. И вотъ Онъ, съ раскрытой головою, въ бѣлой одеждѣ, идетъ по берегу... Здѣсь, на этомъ бла-

гословенномъ озерѣ, все такъ просто,—такъ легко чувствовать близость Его! Симонъ и Петръ не удивились Его словамъ: «Они тотчасъ, оставивъ лодку и отца своего, послѣдовали за Нимъ»...

Табха между Капернаумомъ и Магдалой. Мы опять поплыли мимо невысокихъ холмовъ въ тѣхъ же бурыхъ, выгорѣвшихъ травахъ. Возлѣ Табхи единственное живое мѣсто этой пустыни: въ озеро впадаетъ источникъ, дающій о себѣ знать нѣсколькими эвкалиптами и посѣвами въ долинкѣ между холмами. Подъ эвкалиптами черный мальчикъ пасетъ десятокъ черныхъ вислоухихъ козъ съ колокольчиками на шеѣ. Это—стадо братіи. А пріютъ ея—на холмѣ, рядомъ: нѣчто въ родѣ маленькой крѣпости, два-три зданія изъ дикаго камня за высокими стѣнами. Настоятель здѣсь старикъ-нѣмецъ, чистота и порядокъ у него нѣмецкіе. Встрѣтилъ онъ насъ, сожженныхъ зноемъ, сдержанно, но привѣтливо, комнаты далъ въ нижнемъ этажѣ, самыя прохладныя, выходящія на большую каменную террасу, въ садикъ по скату холма, усыпанный гравіемъ, испещренный легкой тѣнью свѣтлой, сквозной зелени перечныхъ деревьевъ, нѣжнѣйшихъ мимозъ, нѣжнѣйшихъ хвойныхъ породъ—серебристо-голубыхъ, легкихъ, какъ пухъ. Среди нихъ поднимались двѣ-три пальмы, чернѣли молоденькіе кипарисы, цвѣли розы, ворковали дикія горлинки, наслаждаясь солнечнымъ затишьемъ... И, оставшись одинъ на террасѣ, я взялъ съ каменнаго стола лежавшее на немъ Евангеліе, развернутое какъ-разъ на тѣхъ страницахъ, что говорятъ о морѣ Галилейскомъ. Теперь оно было предо мною. Я, читая о немъ, видѣлъ и его, и свѣтлый, неизреченно-прекрасный Образъ, донынѣ не покинувшій его береговъ. Солнце было въ зенитѣ. Озеро, воздушно-зеленое, во всей тропической мягкости своей, тонуло, млѣло въ серебристомъ полуденномъ свѣтѣ, теряясь на югѣ...

Какъ сладокъ, какъ ласковъ здѣсь изрѣдка набѣгающій, теплый отъ дыханія затуманенныхъ зноемъ горъ, сильный южный вѣтеръ, какъ широко, все сгущаясь и темнѣя, бѣжитъ передъ нимъ лиловая зыбь въ зеркалахъ у береговъ, гдѣ свѣтитъ золото предгорій, какъ долго, какъ дремотно кланяются послѣ него кипарисы, вѣточки перечныхъ деревьевъ и кудри плакучихъ мимозъ въ золотомъ цвѣту, какъ сухо шелестятъ вайи пальмъ, напоминающая о Египтѣ, сохранившемъ Его драгоцѣнную жизнь въ младенствѣ!

С М Е Р Т Ь.

Во имя Бога милостиваго, милосердаго.

Вотъ разсказъ о смерти пророка,—миръ ему!—дабы утвердились сомнѣвающіеся въ необходимости покоряться Вожатому.

«Мы не видѣли и не видимъ Его»,—говорятъ они. Но солнце не виновато, что глазамъ летучей мыши не дано зрѣнія. Сердце человѣка ищетъ вѣры и защиты. Кто же прибѣгаетъ къ защитѣ совы? Лучше мечтать о сѣни феникса, хотя бы фениксъ и не существовалъ въ мірѣ. Сѣнь же Творца существуетъ отъ вѣка.

Черноухъ слѣдуетъ за львомъ: левъ знаетъ, гдѣ добыча, а черноухъ питается остатками его трапезы. Такъ шли евреи за пророкомъ изъ Египта. По милости Божіей, онъ совершилъ подвигъ.

Онъ испыталъ сладость сна, пробужденія и ласки въ дѣтствѣ. Царская дочь качала его на своихъ темныхъ и круглыхъ рукахъ, гладкихъ, какъ змѣя, но теплыхъ, какъ плодъ на солнцѣ. Она радостно и пристально смотрѣла на него черными глазами, сіявшими надъ нимъ, и порывисто цѣловала, прижимая къ холоднымъ грудямъ; она притворно душила его, какъ дѣлаютъ это всѣ дѣвушки. Вспоминая подобное, не одинъ восклицаетъ въ сердцѣ: «Зачѣмъ не юношей былъ я тогда!» Но всему свое время.

Фараонъ далъ ему перстень власти и одежды царедворца. Когда утренняя свѣжесть смѣняется тепломъ солища, когда на базарѣ поливаютъ укропъ, чтобы привлечь обоняніе покупателя, когда пахнетъ кизякомъ изъ трубъ и туманомъ съ большой рѣки, по которой медленно, въ пару, идутъ высокіе бѣлые паруса, а рѣдкобородый буйволъ, сизый и шершавый, какъ свинья, тупо глядитъ на нихъ, поднимаясь изъ прибрежнаго ила,—пророкъ, чувствуя силы и бодрость, ѣхалъ въ колесницѣ надзирать за полевыми работами и могъ по головѣ стегать бичомъ лѣнвивыхъ, кричать на нихъ до красноты лица, чтобы сладко, въ сознаніи исполненнаго долга, отдохнуть потомъ въ легкой тѣни пальмъ, на сухой плотинѣ между каналами.

Возмужавъ, онъ провелъ десять лѣтъ въ супружествѣ. Онъ спалъ съ женщиной богатой и дородной, онъ наслаждался ею ночью, а днемъ—своими распоряженіями и заботами, питьемъ и пищей, легкостью тѣла, любившаго и сухой жаръ внутри двора, на горячихъ каменныхъ плитахъ, и прохладное вѣяніе вѣтра по дому, приходившаго съ рѣки и отъ цвѣтущихъ садовъ острова. Онъ гордился дѣтьми, домомъ своимъ и почетомъ людей. И былъ счастливъ, какъ многіе. Но незримая рука натягивала лукъ его жизни; она пробовала тетиву и древко, готовясь пускать стрѣлы истины. И еще десять лѣтъ провелъ онъ въ работѣ ума и сердца, въ молчаливомъ постиженіи мудрости Египта, ибо стѣнѣ предшествуетъ основаніе, а рѣчи—мысль. И сказалъ о жрецахъ: «Глупцы! Рабамъ, страдающимъ отъ зноя, простительно воздѣвать руки къ солнцу и призывать его, какъ Бога. Но солнце—не Богъ. Бога никто не можетъ видѣть. Онъ непостижимъ. Его можно только чувствовать. Онъ одинъ. У Него нѣтъ дѣтей». И тогда фараономъ овладѣла ярость, какъ дикимъ осломъ, гуромъ. «Кто смѣетъ жить и вѣрить безъ

моего соизволенія?—воскликнулъ онъ.—У него нѣтъ драгоценныхъ колець на пальцахъ, нѣтъ ожерелья на шеѣ. Онъ мой рабъ. Вотъ я воздвигну гоненіе на него и на весь народъ его. Я блесну, какъ молнія, я оглушу, какъ громъ». Пророкъ же напрягъ силы, какъ человѣкъ, стоящій передъ крутымъ подъемомъ въ гору, и пошелъ своимъ путемъ безъ страха и увѣренно.

Мускусы растираютъ, алоэ кладутъ на огонь, чтобы дали они запахъ. Водолазъ не сорвалъ бы ни единой жемчужной раковины, если бы боялся задерживать дыханіе, бросаясь въ море. И когда настало время поднять самый тяжкій камень для зданія, вскинуть его на колѣно, перехватить покрѣпче и нести, пророкъ вскинулъ его до боли въ паху. И сорокъ лѣтъ несъ въ пустынѣ, напряженный, изнемогающій и радостный сознаніемъ, что творить волю Бога, а не фараона. И, донеся куда нужно, куда указано Строителемъ, кинулъ камень ладно и плотно, и выпрямился, и отеръ потъ съ лица—рукой дрожащей, ослабѣвшей и ноющей до самаго плеча.

И настало время умереть ему.

Онъ позналъ истиннаго Бога. Онъ убѣдился, что безумно изображать Его въ видѣ идоловъ изъ камня, глины и металла. Богъ возложилъ на него подвигъ освобожденія еврейскаго народа отъ рабства и соблазна идолопоклонства: и онъ порвалъ шелковыя сѣти міра, возсталъ и одолѣлъ въ борьбѣ. Богъ послалъ ему испытаніе: сорокъ лѣтъ быть вождемъ строптивыхъ и слабыхъ, предводительствовать и поучать въ голодной и знойной пустынѣ. И сорокъ лѣтъ былъ онъ властенъ, какъ царь, неутомимъ, какъ поденщикъ, обремененный дѣтьми, нищъ, какъ пастухъ, крѣпокъ и высокъ, какъ борецъ, силенъ и рыжъ, какъ левъ. Его тѣло, лишь по чресламъ препоясанное звѣриной шкурой, стало чернымъ отъ солнца и вѣтра, а ступни грубы и мозолисты, какъ у верблюда.

Въ старости онъ сталъ страшенъ для людей, и никто изъ нихъ не думалъ, что онъ смертенъ. Но часъ его приблизился.

Вы, слушающіе! Въ Книгѣ написано: «Всѣ зачаты въ лонѣ истины,—это родители дѣлаютъ изъ дѣтей евреевъ, христіанъ, огнепоклонниковъ». Мудрый же, какъ слѣпой: онъ оцупываетъ каждый камень на пути, выбирая путь правый, онъ поднимаетъ лицо кверху, тянется къ единому источнику свѣта и тепла. Онъ думаетъ о жизни и о смерти, уменьшая страхъ свой передъ нею. И было немало тѣхъ, что приняли чашу неизбѣжнаго спокойно; были и тѣ, что говорили: она сладостна такъ же, какъ чаша жизни. Только глупецъ тянется къ чашѣ смерти при жизни. Видъ его противенъ. Но и тотъ глупецъ, кто не думаетъ о неизбѣжномъ, кто забываетъ, что у всѣхъ смертныхъ долженъ быть единый Возлюбленный, обладающій благостью и требующій покорности. Вы, слушающіе! Слушайте внимательно, какъ всегда долженъ слушать человѣкъ человѣка, и, слушая, думайте. Ибо мы говоримъ, мѣшая чужія хорошія слова со своими порядочными, о томъ, что не чуждо ни единому изъ насъ, а цѣль наша—утѣшеніе.

Въ Книгѣ написано: «*Мы* къ человѣку ближе, чѣмъ его сонная артерія». Богъ милосердъ. Онъ знаетъ, что хорошо и что дурно для насъ. Онъ сотворилъ насъ смертными, мы же думаемъ противиться смерти. Напрасный трудъ! Слышали ли вы, чего стоило Искандеру Двурогому достигнуть Страны Мрака? Все же не ему удалось испить воды вѣчной жизни, о которой ему говорили: она въ Странѣ Мрака. Ангелъ вѣтровъ не заботится о томъ, что отъ крыль его погаснетъ свѣтильникъ бѣдной вдовы. Гонецъ смерти не внемлетъ ни мольбѣ пастуха, ни воплю владыки. Погоди: земля выгѣстъ мозгъ изъ нашихъ череповъ, полныхъ замысловъ. И когда откроешь гробницу,—

не распознаешь костей человѣка отъ костей животнаго. Смерть не монголь, и ты не Атабекъ-Абубекръ: отъ нея не откупишься золотомъ. Ищите же утѣшенія.

Пророкъ воспротивился волѣ Бога въ пустынѣ; и за ослушаніе былъ наказанъ тяжко: Богъ запретилъ ему войти въ землю обѣтованную. Пророкъ возмущился духомъ, когда вспомнилъ, что онъ смертенъ, и что смерть уже близка къ нему, ибо онъ былъ старъ. Онъ сказалъ: «Я вступлю въ единоборство съ нею!». Въ полдень, проходя по еврейскому стану въ горахъ Моава, онъ не увидѣлъ на бѣлыхъ камняхъ возлѣ себя своей тѣни. И затрепеталъ отъ страха, и помутилось въ головѣ его, какъ у человѣка, сраженнаго лихорадкой. Тогда пошелъ онъ къ шатру своему той поступью, какой идетъ раненый звѣрь на противника. И препоясался мечомъ и приказалъ подать пищи. И ѣлъ много и жадно, до пресыщенія. И почувствовалъ боли и тошноту, какъ бы отъ яда, какъ бы отъ плода съ адскаго древа Заккума, и позеленѣлъ въ лицѣ, покрылся потомъ, какъ рождающая женщина, и легъ на землю, крича дико: «Вотъ я умираю, обнажите мечи и встаньте на защиту мою!» Такъ кричалъ онъ первый день. На второй боли усилились, и онъ сталъ молить, злобствуя и стеноя: «Позовите врача ко мнѣ!». Когда же врачъ обнаружилъ свое безсиліе, и насталъ третій день, пророкъ сказалъ тихо: «О, пожалѣйте меня! Смерть непобѣдима!». И ослабѣлъ и впалъ въ сонъ, и спалъ весь день, и боли отступили отъ него. И, очнувшись, увидалъ, что уже ночь, и онъ одинъ, и опять ощутилъ сладость жизни и печаль разлуки. Тогда вошли къ нему два темныхъ ангела, чтобы утѣшить и приготовить его.

Одинъ сѣлъ въ возглавіи, другой—въ ногахъ пророка. «Говори!»—сказали они. Но онъ молчалъ и не отвѣтилъ имъ, думая. Онъ глядѣлъ въ ночь, за приподнятую полу шатра, въ страхѣ чувствуя ихъ присутствіе, ибо еще не

вошла во всё жили его истина. И было такъ тихо въ шатрѣ и въ пустынѣ, что всё трое слышали шорохъ горячаго вѣтра, пробѣгавшаго въ темнотѣ мимо. Звѣзды же горѣли сумрачно, какъ во всё жаркія ночи.

«Богъ милосердъ къ своимъ созданіямъ»,—сказалъ ангель, сидящій въ головахъ пророка.

«Но вотъ человекъ страдающій: онъ умиралъ и умираетъ»,—сказалъ ангель, сидящій въ ногахъ его.

Они хотѣли испытать пророка, но онъ понялъ это. И отвѣтилъ, думая:

«Это была не смерть, а болѣзнь, наказаніе. Не лучше ли такъ думать? Ибо испытавшій смерть не можетъ говорить о ней. Мы не знаемъ ея».

«Солнце—источникъ жизни»,—сказалъ ангель, сидящій въ возглавіи.

«Но оно же и смертельно, какъ рогатая гадюка»,—сказалъ ангель, сидящій напротивъ.

Они хотѣли испытать его, но онъ понялъ это. И отвѣтилъ, думая:

«Мы не знаемъ цѣли Бога. А Онъ благъ, и цѣль Его—благая. Не лучше ли такъ думать? Каждое мгновенье свое долженъ человекъ посвящать жизни, помня о смерти лишь затѣмъ, дабы взвѣшивать дѣла свои на вѣсахъ ея и безъ страха встрѣтить часъ неизбѣжный. Какъ бы зналъ торгующій, что онъ честенъ съ покупателемъ, что онъ даетъ ему должное, если бы не было вѣсовъ? Какъ бы провелъ свой день человекъ, если бы сердца его не покидало возмущеніе, что зайдетъ въ свой часъ солнце, если бы овладѣло имъ желаніе не допустить этого? Былъ бы онъ беззубъ и безплоденъ».

«Сонъ мертвыхъ сладокъ»,—сказалъ ангель, сидящій въ возглавіи пророка.

«Но вотъ умеръ въ станѣ еврейскомъ человекъ счастливый, молодой, любимый»,—сказалъ ангель, сидящій

въ ногахъ его.—Ты послушай: вотъ шорохъ горячаго вѣтра, пробѣгающаго въ темнотѣ мимо, звѣзды горятъ сумрачно, и гіены плачутъ и скулятъ отъ злого счастья, торопливо разрывая могилу, принюхиваясь къ зловонію и предвкушая пожираніе внутренностей. Скорбь же близкихъ умершаго страшнѣй самой могилы».

Они хотѣли испытать пророка и ранили сердце его. Но, думая, онъ сказалъ имъ:

«Я вспоминаю каждое мгновенье моей жизни: сладкаго дѣтства, радостной молодости, трудового мужества—и оплакиваю ихъ. Вы говорите о могилѣ,—и руки мои холодѣютъ отъ страха. Прошу васъ: не утѣшайте меня, ибо утѣшеніе лишаетъ мужества. Прошу васъ: не напоминайте мнѣ о тѣлѣ, ибо оно сгниетъ. Не лучше ли иначе думать? И стоянку, долину, защищенную отъ вѣтровъ, гдѣ провелъ человекъ хотя бы одинъ день, покидаетъ онъ съ сожалѣніемъ; но онъ долженъ итти, если итти необходимо. Говоря со страхомъ о могилѣ, не говоримъ ли мы словами древнихъ, знавшихъ тѣло и не знавшихъ Бога и безсмертія душъ? Страшно величье дѣлъ Божіихъ. Не принимаемъ ли мы этотъ страхъ за страхъ смерти? Чаше говорите себѣ: часъ ея не такъ страшенъ, какъ мы думаемъ. Иначе не могъ бы существовать ни міръ, ни человекъ».

«Онъ мудръ»,—сказалъ ангель, сидящій въ возглавіи.

«Онъ былъ строптивъ и дерзокъ»,—сказалъ ангель, сидящій напротивъ.—Онъ мечталъ бороться съ Богомъ и вотъ снова будетъ наказанъ: ни единый смертный не укажетъ могилы его въ горахъ Моава. И тѣмъ уменьшится слава его».

Они хотѣли испытать пророка, но онъ понялъ ихъ и отвѣтилъ имъ твердо:

«Благостна слава достойныхъ славы для не славныхъ: она возвышаетъ и укрѣпляетъ ихъ духъ. Но должно быть уменьшено то, что заслужило уменьшенія. Ибо и самаго славнаго истинно радуется только истинная мѣра славы».

Тогда ангелы, пораженные мудростью пророка, воскликнули, вставая съ мѣсть:

«Воистину самъ Богъ утѣшить тебя! Мы же поклоняемся тебѣ».

Они были темны и стояли въ темномъ шатрѣ. Но глаза ихъ сіяли, и пророкъ видѣлъ звѣздное сіяніе ихъ глазъ. Они отошли въ ночь, какъ тѣни, чуть склонясь при выходѣ изъ шатра. Пророкъ же остался одинъ среди ночи и пустыни, лежа на землѣ. И когда взошло солнце изъ-за каменистыхъ горъ, и стало свѣтло и жарко въ шатрѣ, чувствуя великую жажду отдыха въ прохладѣ, пророкъ оставилъ свое ложе и пошелъ въ долину среди горъ, ища тѣни. Но и въ долинѣ уже не было ея. Въ нѣдрахъ же одной горы была пещера. И вотъ два невольника острыми кирками осѣкаютъ входъ въ пещеру. Камни у входа были бѣлы, какъ снѣгъ горный, и горячи отъ солища. И черные волосы мѣдноликихъ невольниковъ, и повязки вокругъ чреслъ ихъ были мокры отъ пота. Но два свѣжихъ плода, два яблока лежало на камнѣ возлѣ пещеры, а въ пещерѣ были мракъ и прохлада. И сказали работавшіе, опуская кирки:

«Привѣтствуемъ тебя, господинъ и вождь, во имя Бога милостиваго, милосердаго. Вотъ мы кончили свой трудъ».

И пророкъ спросилъ ихъ:

«Кто вы и что вы дѣлали?»

Они же отвѣтили ему:

«Мы готовили для царя кладохранилище. Войди, взгляни и отдохни отъ пути и зноя. Уста свои освѣжи плодами и скажи намъ: какой слаще и спѣльѣ изъ нихъ?»

И, войдя въ пещеру, пророкъ сѣлъ на каменное ложе у стѣны ея и почувствовалъ тѣнь и прохладу. И, откусивъ перваго плода, сказалъ:

«Воистину это сама жизнь: я пью ключевую воду,

я обоняю благоуханіе полевыхъ цвѣтовъ и чувствую вкусъ осинаго меда. Я бодръ и силенъ».

И, откусивъ втораго, воскликнулъ:

«Воистину это ни съ чѣмъ несравнимо: я пью вина райскія, запечатанныя печатью изъ мускуса, смѣшанныя съ водою Таснима, источника, утоляющаго жажду тѣхъ, что приближаются къ Вѣчному. Я обоняю аромать Аль-Джинната, Сада небеснаго, и чувствую вкусъ меда изъ цвѣтовъ его: въ этомъ медѣ нѣтъ горечи. И вотъ сонъ блаженный туманитъ мнѣ голову. Не будите меня, невольники, доколѣ не исполнится мой срокъ».

И невольники,—это были ангелы, невольники Божіи,—стали тихо продолжать затихающую рѣчь его:

«Доколѣ,—сказалъ первый, читая суру о Великой Вѣсти,—доколѣ солнце не будетъ согнуто, не падутъ съ неба звѣзды, не сдвинутся съ мѣста горы, не будутъ покинуты верблюдицы, не соберутся въ стаи дикіе звѣри, не закипятъ моря...»

«Я. Синъ,—сказалъ второй, читая суру Отходную.—Слава царствующему надо всѣмъ міромъ! Вы всѣ возвратитесь къ Нему...»

И, слушая ихъ шопотъ, но не слыша ихъ словъ, пророкъ возлегъ на ложе и опочилъ сномъ смерти, не вѣдая того. И ангелы закрыли входъ въ могильную пещеру и отошли къ Господину, посылавшему ихъ. И приложился пророкъ къ народу своему, насыщенный днями и не замѣтивъ конца своихъ дней. Никто, даже и донынѣ, не созерцалъ его могилы въ горахъ Моава. Но мудрость его запечатлѣна въ памяти всѣхъ народовъ и записана на небесахъ въ книгѣ вѣчной—Гилльюнъ.

Шейхъ Саади,—да будетъ благословенно его имя!—шейхъ Саади,—много его жемчужинъ нанизали мы рядомъ со своими на нитку хорошаго слога!—разказалъ намъ о человѣкѣ, испытавшемъ сладость приближенія къ Воз-

любленному. Человѣкъ этотъ былъ погруженъ въ созерцаніе; когда же очнулся онъ, спросили его съ ласковой усмѣшкой: «Гдѣ же цвѣты изъ сада мечты твоей?» И человѣкъ отвѣтилъ: «Я хотѣлъ набрать для друзей моихъ цѣлую полу розъ; но когда я приблизился къ розовому кусту, такъ опьянилъ меня ароматъ его, что я выпустилъ ее изъ рукъ».

Кто можетъ, тотъ свяжетъ рассказъ поэта съ нашимъ. Миръ и радость всѣмъ живущимъ!

Я ВСЕ МОЛЧУ.

Молодымъ Александра Романова всѣ звали Шашей, жилъ онъ тогда въ селѣ Лимовомъ на выгонѣ, въ домѣ подъ желѣзомъ, а билъ его отецъ, Романъ.

Романъ мнилъ себя первымъ человѣкомъ въ округѣ, самимъ господамъ, дворянамъ совалъ руку при встрѣчѣ. Была у него лавка въ селѣ, мельница за селомъ, а богатѣлъ онъ тѣмъ, что скупалъ помѣщичьи рощи на срубъ. Макару, родному брату его, ѣсть было нечего, онъ, оборваный, плелся по выгону и смиренно говорилъ, снимая шапку: «Здорово, братъ!» А Романъ, сытый, похожій на дьякона, отвѣчалъ ему съ крыльца: «Ты меня, дуралей, не обращай. Поклонись, да иди, куда шель, а въ разговоры не лѣзь». Что же долженъ былъ чувствовать единственный наслѣдникъ такого человѣка? Онъ по селу гулялъ въ городскомъ картузѣ, въ поддевки тонкаго сукна, въ сапогахъ съ лакированными голенищами, грызъ подсолнухи и наигрывалъ польки на дорогой ливенкѣ. Встрѣчались ему дѣвки и ребята, все родственники, по крови одинаковые съ нимъ, и провожали его тѣми взглядами, отъ которыхъ у людей извѣстныхъ мурашки бѣгутъ по спинѣ. Но мрачнымъ и даже свирѣпымъ взглядомъ встрѣчалъ онъ эти взгляды: вся молодость его прошла какъ бы въ приготовленіи себя къ той роли, въ которой достигъ онъ впоследствии такого совершенства.

Романъ на вершинѣ благополучія сталъ ослабѣвать, запутываться въ дѣлахъ. Сивый, бородатый, длиннопузый, въ казинетовой поддевки, похожей на подрясникъ, онъ только во хмелю бодрился, а трезвый былъ унылъ и нарочито грубъ. Слава и могущество еще были у него. Онъ на выгонѣ возлѣ церкви, противъ своихъ оконъ, выстроилъ школу, былъ попечителемъ ея и въ любую минуту могъ заставить учителя въ ногахъ у себя валяться. Онъ еще могъ давать въ долгъ помѣщикамъ, давать, безъ всякой нужды, взятки становому, угостить могъ шпротами, кислымъ омаромъ въ ржавой жестянкѣ, хересомъ и цимлянскимъ и, угощая, покрикивалъ на кого попроше: «Пей, глупецъ!» Но пора, пора было смѣнить его. А кому? Смѣны-то и не было. Шаша все больше втягивался въ свою роль, роль человѣка, чѣмъ-то кровно оскорбленнаго,— и отношенія между нимъ и Романомъ сводились только къ тому, что Романъ таскалъ его за «виски». Шаша, по его словамъ, ангела могъ вывести изъ себя, не таскать его нельзя было. И Романъ таскалъ. А чѣмъ больше таскалъ, тѣмъ все нестерпимѣе становился Шаша.

Ему ли было ни гордиться домомъ, могуществомъ и повадками отца! Отецъ при гостяхъ кричалъ на него: «Да будь ты маленько поразвязнѣй, дуралей!» Но вѣдь это была повадка тѣхъ, кому подражалъ отецъ, повадка купцовъ, а развѣ не высшая гордость—чувствовать себя купеческимъ сыномъ? Отецъ даже хвастался имъ порою, самодовольно говорилъ гостю: «Постой, я табѣ сына покажу!»—и горланилъ на весь домъ: «Шашъ, подь суда, табой Миколай Михалычъ антиресуется!» Но, ахъ, какъ входилъ Шаша въ комнату, гдѣ сидѣлъ гость съ отцомъ! Онъ входилъ, багровѣя, глядя изъ-подъ насупленныхъ и перекошенныхъ бровей, руки держалъ туго, кренделемъ, ступалъ еще туже, внутрь носками и такъ щеголевато, точно въ пятой фигурѣ кадрили танцовалъ, а шаркнувъ

гостю, тотчасъ же отскакивалъ къ окну, къ притолкѣ, раздувалъ ноздри, рвалъ зубами заусенцы и, въ ожиданіи оскорбленія со стороны гостя, на вопросы отвѣчалъ съ нелѣпѣйшей краткостью и рѣзкостью... Какъ же было не бить его? Гость уѣзжалъ; Романъ, проводивъ его, молча подходилъ къ Шашѣ и, размахнувшись, крѣпко стребалъ Шашу за волосы. Шаша молча вырывалъ голову изъ его пятерни и, выскочивъ въ прихожую, ударялъ себя кулакомъ въ грудь:

— Ну, папаша! Я молчу! Я все-е молчу!—шипѣлъ онъ зловѣще.

— Да животная ты этакая!—оралъ Романъ.—Вѣдь за это за самое молчанье, да лманье я и бью-то тебя! Значить, ты самъ того добиваешься? Зачѣмъ? Почему?

— Прахъ моей могилы все узнаетъ!—отвѣчалъ Шаша яростно и загадочно.

Можно было голову прозакладывать, что чувствовать себя онъ долженъ былъ превосходно. Онъ ли не въ рубашкѣ родился! По два, по три раза въ годъ онъ заказывалъ себѣ сапоги; деньги и подошлухи у него не переводились; на улицу онъ ходилъ съ учителемъ, на гармоньи игралъ злѣй и лучше всѣхъ; дѣвки пѣли «страдательныя», не спуская съ него томныхъ глазъ. А осенью, зимой онъ ухаживалъ на вечеринкахъ за кокетливыми поповнами, за дочерьми станового, танцовалъ съ ними подъ аристонъ кадрилъ, бывалъ шаферомъ на свадьбахъ, надѣвалъ сюртукъ, крахмальную рубашку и новыя тугія ботинки. Но и ухаживалъ онъ какъ-то ѣдко, срыву. Да, что! Даже наединѣ съ самимъ собой, глядясь въ зеркало и взбивая металлическимъ гребешкомъ свое бурое руно, изверски косился онъ. Носъ у него былъ раздавленный, голосъ хриплый, видъ каторжный; мужики называли его палачомъ... Кажись, не великая честь! Такъ нѣтъ, онъ и этимъ наслаждался. «Подколотный, дьяволъ!—говорили му-

жики.—Все ему не нравится, все не по его, не такъ!»—
И онъ изъ всѣхъ силъ старался оправдать эти клички.
«Хто? Это Шаша-то подколодный?—спрашивалъ Романъ
съ негодованіемъ.—Да такими подколодными хотъ мосты
мости! Онъ дуракъ, ахтеръ, лодарь прирожденный и болѣ
ничего. Чего онъ карежится? Какого ему рожна надобно?»
А Шаша глядѣль съ ядовитой усмѣшкой, да помалкивалъ.
«Ну, вотъ, глянь, глянь на него!»—говорилъ Романъ.—
Глянь, что онъ строить изъ себя!» А Шаша все выше ко-
силъ брови, все быстрѣ кусалъ заусенцы и уже самъ
вѣрилъ, что закипаетъ въ немъ что-то ужасное. «Охъ,
папаша!—шипѣль онъ, какъ бы не выдержавъ.—Охъ,
сказаль бы я вамъ одну штуку!» Романъ, унылый, съ об-
вислыми мѣшками подъ глазами, страдальчески ухмы-
лялся: «А что же это за штука такая? У? Ну-ка, скажи?»—
«Это я-то?»—спрашивалъ Шаша, кидая взглядъ испод-
лобья.—«Да. Ты-то?»—«Прахъ моей могилы все узнаеть!»—
«Да что узнаеть-то? Ты пьянъ, негоддй?»—«Пьянъ!»—
отвѣчалъ Шаша.—«Пьянъ. Я молчу. Я все-е молчу!»—
И чуть не плача, Романъ опять вставалъ на него, какъ
медвѣдь, опять ловилъ за голову и, пригнувъ ее, таскалъ
съ мучительнымъ упоеніемъ.

Лѣтъ съ двадцати до двадцати пяти Шашу звали уже
не Шашей, а Сашкой и совсѣмъ почти не били,—развѣ
случайно только. Но онъ возмѣшалъ это другимъ. Онъ
изыскивалъ иные поводы къ самотерзанію, а поводовъ
было уже сколько угодно.

Онъ женился и великолѣпно—на дочери управляю-
щаго барскимъ имѣніемъ, смѣшливой и хорошенькой
веснуцатой дѣвицѣ. Женитьбу его праздновали роскошно.
Господа жили за границей; поэтому вѣнчаться ѣздилъ
Шаша въ господской каретѣ, и священникъ, изъ уваженія
къ этой каретѣ, поздравлялъ его съ законнымъ бракомъ
особенно краснорѣчиво и подобострастно, хотя и казалось

Шашѣ, что надъ нимъ издѣваются. Въ господскомъ домѣ
шелъ и свадебный пиръ. Вино рѣкой лилось. Романъ,
при общихъ восторженныхъ кликахъ, одинъ плясать по-
шелъ, сотрясая паркетъ, зеркала и люстры. Господскій
лакей превосходно изобразилъ поѣздъ: гремуче засви-
сталь въ пальцы, затѣмъ началъ медленно и тяжело отби-
вать грохотъ все расходящагося поѣзда и кончилъ буй-
нымъ галопомъ. Дьячокъ, опившись на пиру коньякомъ,
по дорогѣ домой умеръ. Дьякона, на собственномъ дворѣ
упавшаго въ навозную жижу, едва не затоптали овцы.
Мерзѣйшій осенній разсвѣтъ блѣдно синѣлъ изъ тумана
въ господскія дымныя залы, а тамъ все еще горѣли огни,
все еще захлебывался охрипшій аристонъ то «Лезгинкой»,
то «Вьюшками», все еще кричали мокрые отъ жары и хло-
потъ шафера, управлявшіе танцами, и у барышень муты-
лись глаза отъ усталости, отскакивали отъ пляса подошвы
бѣлыхъ туфель... Но Шаша и собственнаго торжества не
пощадилъ: притворясь пьянымъ, убѣдивъ себя, что онъ
адски приревновалъ свою молодую жену къ одному мо-
лоденькому помѣщику, онъ внезапно наступилъ во время
вальса на ея шлейфъ и съ трескомъ оторвалъ его. А за-
тѣмъ кинулся къ ножу, пытался зарѣзаться, и, будучи
обезоруженъ шаферами, дико рыдалъ и рвалъ съ себя
крахмальный воротничокъ и бѣлый галстухъ, взывая
къ памяти покойной матери... Послѣ же свадьбы Шаша
сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы разрушить
свое семейное благополучіе и ускорить разореніе Ро-
мана.

Достигнувъ вершины, Романъ неминуемо долженъ былъ,
какъ это уже всегда водится, покатиться опять внизъ, въ
прежнее мужицкое логовище. Вскорѣ послѣ свадьбы ока-
залось, что онъ весь съ руками и ногами, запутанъ въ дол-
говыхъ тенетахъ. Онъ сталъ страшенъ. Сивая борода его
побѣлѣла. Лицо уподобилось грязно-сѣрому выдоенному

вымени. Глаза околѣли. Брюхо обвисло, издрябло. А Шаша злорадствовалъ: «Я говорилъ, говорилъ!»—и до бивалъ его: бушевалъ, скандалилъ, требовалъ раздѣла. И Романъ, зеленѣя отъ злобы, медвѣдемъ вставалъ на него, жаждалъ изувѣчить—и уже не могъ, не могъ! Пришибленный мыслью о близкомъ позорѣ, нищетѣ, онъ пьянствовалъ, да все тяжелѣе. Потерявъ всякій стыдъ, онъ въ домъ перетащилъ свою любовницу, солдатку кухарку. Жилъ съ нею, не довольствуясь женой, на зло ему, и Шаша. А жену онъ изнурялъ ревностью и страхами,—пропадалъ изъ дому и присылалъ ей съ мужиками записки, гдѣ стояло: «Прости до гроба, благословляю дѣтей», а внизу была нарисована могила съ крестомъ. Жена долго обливалась слезами. Потомъ сошлась съ учителемъ и дала Шашѣ уже полный резонъ говорить: «Нну! Только прахъ моей могилы узнаеть!» Кончилось тѣмъ, что Романа разбилъ ударъ, что осталась ото всего богатства его одна вѣтрянка за селомъ, что жена Шаши, забравъ дѣтей, бѣжала къ отцу, переѣхавшему въ городъ Скопинъ: упивался своими несчастіями, всѣхъ и все нещадно критикуя и шельмуя, Шаша пропадалъ на селѣ, пьянствуя не хуже отца, а она поднялась да и скрылась.

Изъ села, на мельницу вышелъ Романъ нищимъ и еле живымъ. Нищимъ и вдовымъ, скрипя зубами въ ярости, вышелъ за нимъ Шаша. Если бы работа да забота, можно было не плохо жить и мельницей. Но до того ли было Шашѣ! Въ силахъ ли онъ былъ встать на ноги послѣ того страшнаго удара, которымъ прикончила его судьба? И прежде-то ему, непонятому, неощенному, осужденному жить среди дураковъ и враговъ, недоброжелателей, оставалось только одно: молчать, молчать и молчать. А теперь? Вотъ онъ тысячи могъ бы нажать на одной этой мельницѣ, къ ней ни проходу, ни проѣзду ни стало бы отъ телѣгъ съ зерномъ, будь у него хоть двѣ-три сотни

на новый стоякъ и новые жернова... Да гдѣ жъ ихъ взять? Это вѣдь только дуракамъ счастье само валить въ руки, а дѣльнаго, умнаго судьба въ бараній рогъ карежить. Да пусть, пусть! «Я молчу,—говорилъ Шаша, злорадствуя.—Я все-е молчу!»

Разбитое корыто, знакомое, мужицкое, опять появилось передъ Романомъ на мѣстѣ палатъ. И дѣло было вовсе не въ томъ, что, вмѣсто шпротовъ и цимлянскаго, на столѣ его очутилась черная краюха хлѣба и корецъ съ водой,—онъ ѣлъ бы съ прежнимъ вкусомъ: дѣло было въ страданіяхъ гордости, самыхъ лютыхъ человѣческихъ страданіяхъ. Въ большой покосившейся избѣ съ землянымъ поломъ и дырами въ углахъ спалъ на голой сырой печи Романъ. Утромъ онъ вылѣзалъ за порогъ съ высокой палкой въ рукѣ. Лебедой и бурьяномъ зарастала снаружи изба, крапива глушила огромный остовъ раскрытой вѣтрянки. Все это стояло на голомъ горбѣ полей, у проѣзжей дороги. И Романъ выходилъ подъ дорогу и клалъ дрожащія холодныя лапы на палку. Онъ былъ безъ шапки, вѣтеръ путалъ его сѣдыя космы, сѣдую бороду—бороду мужицкаго Юва. Онъ былъ босъ, въ короткихъ затрапезныхъ порткахъ, въ длинной рубахѣ, грязной отъ золы, печного сора. Ноги его были черны и тонки, туловище велико и худо. Ъхали тѣ, что знали его въ славѣ и богатствѣ, тѣ, что прежде боялись его, тѣ, кого угощаль и поучалъ онъ когда-то. И Романъ—не даромъ же онъ породилъ Шашу!—даже радовался, что видятъ его люди въ нищетѣ, позорѣ и до земли кланялся имъ. Вечерами же онъ стоялъ въ темной избѣ передъ дощечкой въ углу и съ тяжкими вздохами кланялся ей еще ниже, чѣмъ людямъ, то шопотомъ, то громко читая молитвы—горячо и горько благодаря Бога за все, что ниспослалъ. Онъ ему, несчастному, разбитому старику... Шаша, тотъ упивался своимъ униженіемъ веселѣе—по шинкамъ, по

кабакамъ, пропивая скудные остатки прежняго и расплачиваясь за свой языкъ боемъ.

А съ двадцати-пяти лѣтъ его стали бить уже аккуратно, въ заранѣе опредѣленные дни и не такъ, какъ билъ отецъ, а уступками, каблуками, до безпамятства.

Солдатка осталась вѣрна романову двору. Она тоже переселилась на мельницу. И когда Романъ умеръ,—ахъ, какъ злорадно-гордъ былъ этимъ несчастьемъ Шаша!—перешла въ руки Шаша открыто. А межъ тѣмъ воротился со службы ея законный мужъ. Нужна она ему была какъ лѣтопнїи снѣгъ, но все-таки онъ счелъ священнѣйшимъ долгомъ и неотъемлемымъ правомъ мстить за свою поруганную честь. И мудро приурочилъ эту месть ко дню всенароднаго торжества въ Лимовѣмъ.

Ежегодно пятнадцатаго іюля, на престольный праздникъ, называемый «Кириками», въ Лимовѣмъ бываетъ ярмарка. Лютъ холодные ливни, о лѣтѣ напоминаютъ только грачи въ поляхъ, густота хлѣбовъ и травъ, да жаворонки, распѣвающіе надъ ними подъ дождемъ и вкось сдуваемые вѣтромъ. А на выгонѣ Лимовѣмъ уже растутъ кочевой городокъ палатокъ. Приѣхали торгоши изъ города—и съ непривычки странно видѣть въ селѣ этихъ городскихъ людей въ длиннополыхъ сюртукахъ, они, застраивая и дѣлая тѣснымъ выгонъ, измѣнили простую сельскую картину своимъ многолюдствомъ, крѣпкими большими телѣгами съ товаромъ, покрытымъ кожами и ладно увязаннымъ, привезли вмѣстѣ съ этимъ товаромъ азіатскій базарный запахъ, дымятъ самоварами и чадятъ жаровнями, на которыхъ жарится баранина... Съ ранняго утра пятнадцатаго они уже стоятъ за прилавками, заваленными жамками, рожками и краснымъ товаромъ, а мужики съ бабами и ребятишками ѣдутъ и ѣдутъ, отовсюду тянутся подъ мелкимъ дождемъ къ селу, запруживаютъ возами выгонъ такъ густо, что иголкѣ негдѣ упасть, а

надо всей этой тѣснотой, говоромъ, гамомъ и скрипомъ телѣгъ гудить праздничный звонъ къ обѣднѣ.

Подъ этотъ звонъ, на глазахъ ѣдущихъ по грязному проселку мимо вѣтрянки, Шаша стоитъ возлѣ своего порога, распояской, согнувшись, держитъ въ одной рукѣ корецъ съ водой, а другой, мокрой, третъ свое бородатое, корявое, распухшее со сна лицо. Какъ не похожъ этотъ коренастый мужикъ въ разбитыхъ сапогахъ на прежняго щеголеватого Шашу! Съ виду онъ сталъ спокойнѣе, но еще мрачнѣе, чѣмъ прежде. Волосы его и теперь страшно густы, но уже стали по-мужицки лохматы. Умывшись, онъ раздираетъ ихъ деревяннымъ овечьимъ гребнемъ, расчесываетъ спутанную круглую бороду, хрипло откашливается и косится въ зеркальце—на свое широкое, пориетое, съ раздавленнымъ носомъ лицо. Онъ не забылъ, что онъ похожъ на палача. И точно—похожъ, теперь особенно: причесавшись онъ надѣваетъ хранимую для торжественныхъ случаевъ линючую кумачную рубаху. Въ будни онъ тупѣетъ отъ скуки, отъ долгаго сна, отъ того, что никто не обращаетъ вниманія на него, никто не слушаетъ: его хвастовство прежнимъ, его намеки на то, что будто бы таится у него въ душѣ, и гнусные рассказы про сбѣжавшую жену давно всѣмъ надоѣли; нынче же—праздникъ, нынче съ любопытствомъ будутъ глядѣть на него, бывшаго богача, обутаго въ опорки, новые люди, нынче онъ будетъ играть передъ огромной толпой, нынче онъ будетъ страшно, до безпамятства избитъ на глазахъ этой толпы—и вотъ онъ уже входитъ въ свою роль, онъ возбужденъ, челюсти его крѣпко сжаты, брови искажены... Нарядившись, онъ надѣваетъ рыжій картузь и тутимъ шагомъ рѣшительно и твердо идетъ въ село.

Страннѣе всего благочестіе, съ котораго онъ начинаетъ этотъ день. Онъ направляется прямо къ церкви, и ни на кого не глядя, но всѣмъ существомъ чувствуя на

себѣ взгляды окружающихъ, съ размаха кланяется и крестится. Въ церкви онъ продирается къ самому амвону, гдѣ стоялъ когда-то по праву, и въ эту минуту до мозга костей презираетъ мужиковъ, напоминаетъ имъ кратко и строго, какъ власть имѣющій, что не мѣшало бы догадаться посторониться. И мужики торопливо сторонятся. Быкомъ, исподлобья глядя на священно-служителей, на иконы, онъ до самаго конца обѣдни истово и сурово молится, надменно показываетъ всѣмъ, что только онъ одинъ знаетъ, когда именно нужно кланяться и креститься. Также сурово ходитъ онъ и по ярмаркѣ послѣ обѣдни, гордится тѣмъ, что онъ уже выпилъ, что онъ можетъ подойти какъ равный къ торгашу подъ палатку, поздороваться съ нимъ за руку, облокотиться на прилавокъ, взять горсть подсолнуховъ и мѣшать торгашу разговорами о городѣ, о торговомъ дѣлѣ, а порою прикрикнуть на дѣвокъ, которыя стадами, какъ овцы, давая другъ-друга къ прилавку, на мужика, который съ мѣшкомъ подъ мышкой,—потому что въ мѣшкѣ поросенокъ,—перепробовалъ уже всѣ свистульки, всѣ губныя гармоньи и никакъ не рѣшить, какую взять. Народъ, вылившійся изъ церкви, затопилъ весь выгонъ, на колокольнѣ трезвонять, нищія гнусаво горланять, скотина, которой тоже торгуютъ на Кирики, блеститъ и гогочетъ, оркестріонъ на каруселяхъ гремитъ,—и среди густой толпы, плюющей подсолнухами и скользкой по грязи между палатками, уже много пьяныхъ. Шаша успѣлъ еще выпить и чувствуетъ: пора! Наговорившись съ торгашами, онъ рѣшительно шагаетъ къ каруселямъ. Тамъ сгрудилось несчетное количество народу, до головокруженія глядящаго на мелькающихъ кругами деревянныхъ коней и на ихъ всадниковъ. Тамъ чуть не все Лимовѣе и головой выше всѣхъ—солдаткинъ мужъ. У Шаши холодѣютъ руки, дергаются губы, но онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ своего врага. Онъ подхо-

дитъ къ знакомымъ, вытаскиваетъ изъ кармана бутылку, кого попало угощаетъ и самъ пьетъ, много и громко говоритъ, куритъ, притворно и злобно хохочетъ, а самъ на-сторожѣ, ждетъ... И вотъ, шатаясь, притворяясь вдребезги пьянымъ, въ новомъ картузѣ, на которомъ еще бѣлѣетъ лавочный билетикъ съ цѣной, выбритый, сытый, съ сонными синими глазами, солдатъ идетъ прямо на него и со всего размаха, какъ-будто ничего не видя, бьетъ его плечомъ въ грудь. Шаша, стиснувъ зубы, сторонится и продолжаетъ бесѣду. Но солдатъ возвращается, опять проходитъ мимо и опять — разъ его плечомъ въ грудь! Тогда, какъ бы не выдержавъ такой наглости, Шаша искажаетъ свое и безъ того искаженное лицо и сквозь зубы говоритъ:

— О-хъ, малый! Какъ бы я не толкнулъ тебя по-своему!

И вдругъ солдатъ, сразу осадивъ свое наклонное стремленіе впередъ, отшатывается назадъ и бѣшено взрываетъ:

— Што-о?..

Среди ярмарочнаго гама, грохота и позвонковъ бѣшено-крутящейся карусели и восторженныхъ притворно-сострадательныхъ криковъ ахнувшей и раздавшейся толпы, солдатъ оглушаетъ и окровавливаетъ Шашу съ перваго же удара. Шаша, нароя, по старой мужицкой манерѣ, запуститъ ему пальцы въ ротъ, разорвать губы, звѣрѣмъ кидается на него и тотчасъ же замертво падаетъ въ грязь, подъ кованые каблуки, тяжело бьющіе въ грудь, въ лохматую голову, въ носъ, въ глаза, уже помутившіеся, какъ у зарѣзаннаго барана. А народъ ахаетъ и дивуется: вотъ настырный, непонятный человѣкъ! Вѣдь, онъ же зналъ, напередъ зналъ, чѣмъ кончится дѣло! Зачѣмъ же онъ шелъ на него? И правда: зачѣмъ? И къ чему вообще такъ настойчиво и неуклонно идетъ онъ, изо дня въ день опустошая свое разоренное жильё, стремясь до тла искоренить

даже слѣды того, что такъ случайно было создано дикимъ гениемъ Романа, и непрестанно алкая обиды, позора и побоевъ?

Ужасные люди въ двѣ шеренги стояли во время обѣдни въ церковной оградѣ, на пути къ паперти! Въ жаждѣ самонствазанія, отвращенія къ уздѣ, къ труду, къ быту, въ страсти ко всякимъ личинамъ,—и трагическимъ и скорморшескимъ,—въ темныхъ преступныхъ хотѣніяхъ, въ слабобоволіи, вѣчной тревогѣ, бѣдахъ, печаляхъ и нищетѣ,—Русь издревле и безъ конца родить этихъ людей. Въ одномъ Лимовомъ собирается ихъ около полусотни. И что это за лица, что за головы! Точно на кievскихъ церковныхъ картинахъ, да на кievскихъ лубкахъ, живописующихъ и дьяволовъ, и подвижниковъ мати-пустыни! Есть старцы съ такими изсохшими головами, съ такими рѣдкими прядями длинныхъ сѣрыхъ волосъ, съ такими тончайшими носами и такъ глубоко провалившимися щелками незрячихъ глазъ, точно столѣтія лежали эти старцы въ пещерахъ, гдѣ замуrowали ихъ еще при кievскихъ князьяхъ и откуда вышли они въ полуистлѣвшемъ рубищѣ, крестъ-на-крестъ возложили на свои останки пищенскія сумы, на веревочныхъ обрывкахъ повѣсили ихъ черезъ плечо и пошли себѣ странствовать изъ конца въ конецъ Руси, по ея лѣсамъ, степямъ и степнымъ вѣтрамъ. Есть слѣпцы мордастые, мужики крѣпкіе и приземистые, точно колодники, холодно загубившіе десятки душъ: у этихъ головы твердые, квадратныя, лица какъ-будто топоромъ вырублены, а босыя ноги налиты сизой кровью и противоестественно коротки, равно какъ и руки. Есть просто идиоты, толстоплечіе и толстоногіе. Есть злые карлы съ птичьими лицами. Есть горбуны, клиноголовые, какъ бы въ острыхъ папкахъ изъ черныхъ лошадиныхъ волосъ. Есть карандаши, освѣвшіе на кривыя ноги, какъ таксы. Есть лбы, сдавленные съ боковъ и образовавшіе черепъ въ видѣ шляпки жолудя.

Есть костливыя, совсѣмъ безносыя старухи, ни дать, ни взять сама Смерть... И все это, на показъ выставивъ свои лохмотья, раны и болячки, на древне-церковный болгарскій распѣвъ, и грубыми басами, и скопческими альтами, и какими-то развратными тенорами вопить о гнойномъ Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человекѣ, который, въ жаждѣ нищеты и мученичества, ушелъ изъ-подъ отчаго дома «ня знамо куда»...

Всѣ эти люди, двигая бровями надъ своими темными глазами, наитіемъ, инстинктомъ, острымъ, точнымъ, какъ у какихъ-нибудь первичныхъ морскихъ особей, мгновенно чуютъ, угадываютъ приближеніе дающей руки и уже не мало нахватали огрызковъ хлѣба, баранокъ и зеленыхъ отъ махорки мужицкихъ мѣдяковъ. Послѣ обѣдни, съ пѣніемъ, уже болѣе бодрымъ и требовательнымъ, они растекаются по народному морю, по ярмаркѣ. Двинулись за ними и калѣки—безногіе, ползающіе на задахъ и четверенькахъ и лежащіе на вѣчномъ одрѣ, въ телѣжкахъ. Вотъ одна изъ этихъ телѣжекъ. Въ ней—маленькій человекъ, лѣтъ сорока, по ушамъ повязанный бабьимъ платкомъ, со спокойными молочно-голубыми глазами, высунувшій изъ ветошекъ тонкую фіолетовую ручку съ шестью пальцами. Возитъ его живоглаый мальчишка съ очень острыми ушками и лисьимъ пухомъ на головѣ. Вокругъ — куча братіи, тоже повязанной зачѣмъ-то платками. И изо всей братіи выдѣляется мужикъ съ большимъ бѣлымъ лицомъ, весь изломанный, исковерканный, совсѣмъ безъ зада, въ одномъ прѣломъ лаптѣ. Вѣрно, и его—не хуже Шаши—били гдѣ-то: весь платокъ его, ухо, шея и плечо въ засохшей крови. Въ длинномъ мѣшкѣ — куски сырого мяса, варенья бараньи ребра, корки и пшено. А сидѣнье подшито кускомъ кожи—и вотъ весь онъ искривился, заеѣзалъ и поѣхалъ, поѣхалъ себѣ по грязи, выкидывая впередъ необутую ногу, до половины

голую, въ известковыхъ струпахъ, сочащихся гноемъ и за-
лѣпленныхъ кусками лопуха.

— Гляньте, православные, гляньте скорѣе: йето счи-
тается, по старинному заведенію, болѣзнь проказа!—раз-
веселымъ, быстрымъ речитативомъ выкрикиваетъ возлѣ
него рябой оборванецъ...

И вотъ къ этимъ-то людямъ и шелъ Шаша. Живетъ
онъ еще три, четыре года на мельницѣ; встрѣчаетъ еще
три, четыре ярмарки; вступаетъ еще три, четыре раза
въ бой съ солдатомъ; поливаютъ его, бездыханнаго и без-
гласнаго, водой изъ жбановъ добрые люди; онъ медленно
приходитъ въ себя; не раскрывая глазъ, возитъ онъ по землѣ
мокрой головой и сквозь зубы тяжело стонетъ:

— Нну, добрые люди! Я молчу! Я все-е молчу!

Затѣмъ его везутъ на мельницу, онъ недѣли двѣ лежитъ
на печи, понемногу оправляется и вскорѣ уже опять гу-
ляетъ по шинкамъ, хвастается, лжетъ, все и всѣхъ шель-
муетъ, бьетъ себя кулакомъ въ грудь, грозить женѣ, дѣ-
тямъ, всѣмъ своимъ врагамъ и особливо—солдату. Но од-
нажды выпадаютъ несчастливые Кирики: солдатъ перела-
мываетъ ему каблукомъ руку и раздробляетъ переносицу,
выбиваетъ глаза. Вотъ Шаша и слѣпой, и калѣка. Солдатка
бросаетъ его; мельницу, землю берутъ за долги добрые
люди. И Шаша—у пристани: теперь онъ равноправный
членъ, кость отъ кости, плоть отъ плоти нищей орды,
стоящей на Кирики въ церковной оградѣ. Босой, въ лохмо-
тыхъ, кругло-и-густо-бородый, съ головой стриженной
ежомъ, въ мѣшкахъ крестъ-на-крестъ, дико ломаетъ онъ
брови надъ выбитыми и затянувшимися глазами и сипло
оретъ въ лады съ прочими за душу хватяющія нищенскія
стихиры. Хоръ мрачно деретъ кто во что гораздъ—и звонко
выдѣляются голоса поводырей, выкрикивающихъ каждый
слогъ:

Три сестры жили, три Маріи Египетскія были,
На три доли свою богатству дѣлили:
Одну долю отдѣлили на незрячее тѣло,
Другую долю отдѣлили по тюрьмамъ, темницамъ,
Третью долю отдѣлили по церквамъ, соборамъ...
Не сокращайте свое тѣло хорошимъ нарядомъ,
Сокрасьте свою душу усерднымъ подаянемъ,—
Ета ваша подаянья на первомъ присутствіи будетъ,
Какъ свѣча передъ образомъ-Богомъ!

Вступаетъ и выдѣляется рѣзкій голосъ Шаши:

Придетъ время,
Потрясется земля, небо,
Всѣ камушки распадутся,
Пристолы Господни нарушатся,
Солнце съ мѣсяцемъ примеркнетъ,
И пропуститъ Господь огненную рѣку....

И сливаясь, сходясь, достигая зловѣщей силы и тор-
жественности, зычно горланитъ весь хоръ:

Ми-ха-иль Арха-нгяль
Тварь земную поморить,
Онъ вострубитъ въ трубы,
Возглаголетъ людямъ:
Вотъ вы жили-были
Своей вольной волей,
Въ церкви не бывали,
Заутреню просыпали,
Позднюю обѣдню прожирали:
Вотъ вамъ рай готовый,—
Огни негасимые,
Муки нестырпимыя!

МУШКЕТЪ.

Видѣлъ сонъ Мушкетъ:
Видѣлъ онъ азовскія подолья,
На бурьянѣ, на татаркахъ—алый цвѣтъ,
А въ бурьянѣ—ржавыхъ копій колья.

Чортъ повилъ въ жгуты,
Засушилъ въ крови казачьи чубы.
Эхъ, Мушкетъ! А что же дѣлалъ ты?
Видишь ли оскаленные зубы?

Твой крестовый братъ
Въ Цареградѣ былъ посаженъ на-коль.
Братъ зоветъ Мушкета въ Цареградѣ—
И Мушкетъ проснулся и заплакалъ.

Всталъ, жену убилъ,
Сонныхъ зарубилъ своихъ малютокъ,
И пошелъ въ туретчину, и былъ
Въ Цареградѣ черезъ сорокъ сутокъ.

И турецкій ханъ
Отрубилъ ему башку сѣдую,
И швырнули ту башку въ лиманъ,
И плыла она, качаясь, въ даль морскую.

И глядѣла въ высь,—
Къ Господу глаза ея глядѣли.
И Господь отвѣтилъ: «Не журись,
Не тужи, Мушкетъ,—тебя отпѣли».

Г Р О Б Н И Ц А .

Глубокая гробница изъ порфира.
Клоки парчи и два крутыхъ ребра.
Въ костяхъ руки—желѣзная сѣкира,
На черепѣ—вѣнецъ изъ серебра.

Надвинуть онъ на черныя глазницы,
Сквозить на лбу, блестящемъ и пустомъ.
И тонко, сладко пахнетъ изъ гробницы
Истлѣвшимъ кипарисовымъ крестомъ.

С Т Е П Ъ.

Синій воронъ отъ падали
Алый клювъ поднималъ и глядѣль.
А другіе косились и прядали,
А кустарникъ шумѣль, шелестѣль

Пьетъ глаза онъ до донушка,
Собираетъ по косточкамъ дань...
Сторона ли моя, ты сторонущка.
Вѣковая моя глухомань!

Н Е В Ъ С Т К А.

Свекровь-госпожа въ терему до полдѣнь заспалась:
Спи, родная, спи, я одна, молода, убралась!
Серьгу и кольцо я въ бору колдуну отдала,
Питье на меду да на сладкомъ корню развела.

И черенъ, и смоленъ зеленый за теремомъ боръ.
Сынокъ твой воротится, сыщеть подъ лавкой топоръ:
«Сынокъ, не буди меня: клонить старуху ко сну.
Сруби мнѣ два дерева—ель да рудую сосну.»

Инь, ель на постель, а сосну?—«А ее на кровать:
На бархатѣ смольномъ въ гробу золотомъ почивать,
На хвоѣ примятой княгиню положите вы,
Съ болотною мятой округъ восковой головы».

Ужъ какъ же я буду за церковью выть, голосить!
Ужъ какъ же я выйду на-ранѣ покосы косить!
Въ коралль, въ костенику я косы свои уберу,
Шальною и дикой завьюсь, замотаюсь въ бору!

БѢЛЫЙ ОЛЕНЬ.

Бдетъ стрѣлокъ въ зеленые луга,
Въ тѣхъ ли лугахъ осока да куга,
Въ тѣхъ ли лугахъ все чемѣрь да пвѣты,
Вешней водою низы налиты.
БѢлый Олень, Золотые Рога!
Ты не топчи заливные луга.

Прянулъ Олень, увидавши стрѣлка,
Конь богатырскій шатнулъя слегка.
Плеткой стрѣлокъ по Оленю стебнулъ,
Крѣпкой рукой самострѣль натянулъ.
Да опустилась на гриву рука:
БѢлый Олень, погубилъ ты стрѣлка!

«Ты не стебай, не стрѣлай, молодець,
Примешь ты скоро завѣтный вѣнецъ.
Въ нѣкое время сгожусь я тебѣ,
Съ луга къ веселой приду я избѣ:
Тутъ и забавамъ стрѣлецкимъ конецъ—
Будешь ты дома сидѣть, молодець.

Стану, Олень, на дворѣ я съ утра,
Златомъ роговъ освѣчу полдвора,
Сладкимъ виномъ поѣзжанъ напою,
Всѣхъ особливѣй невѣсту твою:
Чтобъ не мочила слезами лица,
Чтобъ не боялась кольца и вѣнца».

А Л И С А Ф І Я .

На песокъ у моря сняго
Золотая верба клонится.

Алисафія за братьями
По песку морскому гонится.

— Что жъ вы, братья, меня кинули?
Гдѣ же это въ свѣтѣ видано?

— Покорись, сестра: ты батюшкой
За морского Змѣя выдана.

— Воротитесь, братья милые!
Хоть еще разъ попрощаемся!

— Не гонись, сестра: мы къ мачехѣ
Поспѣшаемъ, ворочаемся.

Золотая верба по-вѣтру
Во все стороны клонилася.

На сырой песокъ у берега
Алисафія садилася.

Вотъ и солнце опускается
Въ огневую зыбь поморія.

Вотъ и видитъ Алисафія:
Бѣлый конь несетъ Егорія.

Онъ съ коня слѣзаетъ весело,
Отдаетъ ей поводъ съ плеткою:

— Дай уснуть мнѣ, Алисафія,
Подъ твоей защитой кроткою.

Легъ и спитъ, и дрогнетъ съ холоду
Алисафія покорная.

Тяжелѣетъ солнце рдяное,
Стала зыбь къ закату черная.

Закипѣла она пѣною,
Зашумѣла, закурчавилася:

— Встань, проснись, Егорій-батюшка!
Шуму на морѣ прибавилось.

Поднялась волна и на берегъ
Шибко мчитъ глаза змѣинные:

— Ой, проснись,—не медли, суженый,
Ни минуты ни единыя!

Онъ не слышитъ, спитъ, покоится.
И заплакала, закрылася

Алисафія—и тяжкая
По щекѣ слеза скатилася,

И упала на Егорія,
На лицо его, какъ олово,

И вскочилъ Егорій на ноги
И срубилъ онъ Змѣю голову.

Золотая верба, звѣздами
Отягченная, склоняется.

Съ нареченнымъ Алисафія
Въ Божью церковь собирается.

П Ъ С Н Я.

— Ночь мутна и не мѣсячна,
А дорога глуха...

— Троепераго знахарю
Я отнесъ пѣтуха.

— Лѣсъ, дремучій, разбойничій,
Темень съ давнихъ временъ...

— Ножъ булатный за пазухой
Горячо наточень!

— Рѣки быстры и холодны,
Перевозчики спять...

— За рѣкой вѣтеръ высушитъ
Мой нехитрый нарядъ!

— А когда же мнѣ, дитятко,
Ко двору тебя ждать?

— Ужъ давай мы какъ слѣдуетъ
Попроцаемся, мать!

КОНЬ СВЯТОГОРА.

Въ чистомъ полѣ, у камня Алатыря,
Будить конь Святогора-богатыря:
Грудью палъ на колчанъ Святогоръ.
Воронъ по полю плаваетъ, каркая.
Свѣтъ-заря помутилася жаркая.
Мѣсяцъ всталъ на полночный дозоръ.

Ой, не спать Святогоръ,—притворяется!
Конь легонько копытомъ касается
До плеча въ золоченой рѣзбѣ:
«Я ль не сытый пшеницею яровой?
Я ль не крытый попоною жаровой?
Мнѣ ль Ивана носить на себѣ?»

Въ чистомъ полѣ, у камня Алатыря,
Свѣтитъ мѣсяцъ по шлему богатыря:
Принялъ Божию смерть Святогоръ.
Конь вздыхаетъ, реветъ по-звѣриному:
Онъ служилъ господину единому!
А Иванъ распахнулъ бѣль-шатерь:

Онъ ползеть по росѣ, подкрадается,
Онъ татаринომъ дикимъ гоняется,
Онъ за гриву хватаетъ коня.
Ночь за ночью идетъ, воронъ каркаетъ,
Вѣтромъ конь вокругъ Алатыря шаркаетъ,
Стременами пустыми звеня.

М А Ч Е Х А .

У меня, сироты, была мачеха злая.
Въ избу пустую ночью пришла я:

Въ темные лѣсы гнала меня мати
Жито сырое молоть, просѣвати.

Много смолола я—куры не пѣли,
Слышу—дверные крюки заскригѣли,

Глянула—вижу желѣзные роги,
Черную Мати, косматяя ноги.

Брала меня Мати за правую руку,
Вела меня Мати къ вѣнцу да на муку,

За темные лѣсы, за синіе боры,
За быстрыя рѣки, за бѣлыя горы.

Ой, да я лѣсы прошла со свѣчами,
Въ плынь я плыла по рѣкамъ со слезами,

Въ трубы по бѣлымъ горамъ я трубила:
Слушайте, люди, кого я любила!

П Р А Щ У Р Ы.

Голоса съ берега и съ корабля.

«Лицомъ къ туманной зыби хороните
На берегу песчаномъ мертвецовъ»...

—Плывемъ въ туманъ. Надъ мачтою, въ зенитѣ—
Туманный ликъ... Чей это слабый зовъ?

«Мы дышемъ ночью, моремъ и туманомъ,
Намъ хорошо въ его сыромъ пару»...

—А! на холмѣ, пустынномъ и песчаномъ,
Полночный вихрь проносится въ бору!

«Мы-ль не любили зыбь и наши юмы?
Мы-ль не крѣпили въ бурю паруса?»

—Въ туманъ холодный, медленный, угрюмый,
Скрывается песчаная коса.

С В Ъ Т Л Я К Ъ.

Лѣса, пески, сухой и теплый воздухъ,
Напѣвъ сверчковъ, таинственно-простой.
Надъ головою—небо въ блѣдныхъ звѣздахъ,
Подъ хвоей—сумракъ, мягкій и густой.

Вотъ и она, забытая, глухая,
Часовенка въ бору: издалека
Мерцаетъ въ ней, всю ночь не потухая,
Зеленая лампадка свѣтляка.

Когда-то озаряла намъ дорогу
Другая въ этой сумрачной глуши...
Но чья святѣй?—Равно угоденъ Богу
Свѣтъ и во тьмѣ немеркнувшей души.

Д Ъ Д У Ш К А.

Дѣдушка ѣсть грушу на лежанкѣ,
Деснами кусаетъ спѣлый плодъ.
Поднялъ плечъ костлявые останки
И втянулъ въ нихъ черепъ, какъ уродъ.

Глазки—что коринки, со звѣриной
Пустотой и грустью. Все забылъ.
Ужъ запасся гробовой холстиной.
Но къ ѣдѣ—какой-то лютой пылъ.

Чуетъ: отовсюду обступила,
Смотритъ на лежанку, на кровать
Ждущая, томительная Сила...
И спѣшить, спѣшить онъ—дожевать.

НОЧНАЯ ЗМѢЯ.

Глаза козули, медленно ползущей
Къ своей норѣ ночью сонной пущей,
Горять, какъ угли. Сумрачная мгла
Стоитъ въ кустахъ—и вотъ она зажгла
Два ночника, что зажигать дано ей
Лишь девять разъ, и подь колючей хвоей
Влачить свой жгутъ такъ тихо, что сова,
Плывя за ней, слѣдитъ едва-едва
Шуршанье мховъ... А ночь темна въ июль,
А врагъ вездѣ—и страшень онъ козуль
Въ ночномъ бору, гдѣ смолкъ обычный шумъ:
Она сосредоточила весь умъ,
Всю силу зла въ своемъ горящемъ взглядѣ,
И даже ихъ, ежей, идущихъ сзади,
Пугаетъ ядъ, когда она въ пути
Замедлить, чтобъ преграду обойти,
Головку приподыметъ, водить жаломъ
Надъ мухоморомъ, сморщеннымъ и алымъ,
Глядитъ на пни, торчащіе изъ ямъ,
И свѣтитъ полусоннымъ муравьямъ.

ВЕЛИКИЙ ЛОСЬ.

Ночь зимняя мутна и холодна.
Какъ мертвая, стоитъ ея луна.
Изъ радужнаго блѣднаго кольца
Глядитъ она на лыжи у крыльца,
На тѣнь мою, на молчаливый домъ
И на кустарникъ въ инеѣ густомъ.
Еще блеститъ оконное стекло,
Но волчьей мглой поля заволокло:
На сѣверѣ огни полночныхъ звѣздъ
Горятъ изъ мглы, какъ изъ пушистыхъ гнѣздъ.

Съ собакою самъ-другъ я при лунѣ.
Заиндевѣлъ тяжелый мѣхъ на мнѣ,
Глаза прозрачнымъ льдомъ окружены
И вся душа—во власти тишины,
Предъ жуткимъ богомъ сѣверныхъ ночей,
У тайны тайнъ, истока всѣхъ ключей.
Снѣгъ межъ кустовъ, туманно-голубой,
Осыпанъ жесткой сѣрою крупой.
Таинственнымъ дыханіемъ гонимъ,
Туманъ плыветъ—и я мѣшаюсь съ нимъ.

И меркнетъ тѣнь, и двинулась луна,
Въ свой блѣдный свѣтъ, какъ въ дымъ, погружена,
И кажется: вотъ-вотъ и я пойму
Незримое—идущее въ дыму
Отъ тѣхъ земель, отъ тѣхъ предвѣчныхъ странъ,
Гдѣ гробовой чернѣетъ океанъ,
Гдѣ, наступивъ на ледяную ось,
Превыше звѣздъ возсталъ Великій Лось—
И отражаютъ блѣдные снѣга
Стоцвѣтные горящіе рога.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

Какъ дымъ пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что въ ней былъ слышенъ голосъ Бога,
Великій, жуткій для земли
И внятный не земному слуху,
А только внемлющему духу.
Жгло солнце. Блеклыя, въ пыли,
Сѣрѣли травы. Степь роняла
Беззвучно зерна—рожь текла
Какъ бы кручинками стекла
Въ суглинокъ жаркій. Тонко, вяло,
Сѣдя крылья распустивъ,
Птенцы грачей во ржи кричали,
Но въ духотѣ песчаныхъ нивъ
Терялся крикъ. И вырастали
На югѣ тучи. И листва
Ветлы, склоненной къ ихъ подножью,
Вся серебристой млѣла дрожью,
Въ грядущемъ страхѣ Божества.

Р И Т М Ъ.

Часы, шипя, двѣнадцать разъ пробили
Въ сосѣдней залѣ, темной и пустой,—
Мгновенія, бѣгущія чредой
Къ безвѣстности, къ забвенію, къ могилѣ,

На краткій срокъ свой бѣгъ остановили
И вновь узоръ чеканятъ золотой:
Завороженъ ритмической мечтой,
Вновь отдаюсь меня стремящей силѣ.

Раскрывъ глаза, гляжу на яркій свѣтъ—
И слышу сердца ровное бѣненъ,
И этихъ строкъ размѣренное пѣненъ,
И мыслимую музыку планетъ.

Все—ритмъ и бѣгъ. Безцѣльное стремленъе!
Но страшненъ мигъ, когда стремленъя нѣтъ.

ЧИБИСЫ.

Заплакали чибисы, тонко и ярко
Весенняя свѣтится синь,
Объяла дорога, гдѣ солнце—тамъ жарко,
Сѣрѣетъ и сохнетъ полынь.

На сѣрыхъ поляхъ—голубыя озера,
На пашняхъ—лиловая грязь.
И чибисы плачутъ—отъ свѣта, простора,
Отъ счастья—плакать, смѣясь.

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА.

Среди кривыхъ стволовъ, среди вѣтвей корявыхъ
Ползетъ молочный дымъ: окуриваютъ садъ.
Всѣ яблони въ цвѣту—и вотъ, въ зеленыхъ травахъ,
Огни, какъ языки, краснѣютъ и дрожать.

Безцвѣтный западъ чистъ—ждутъ къ полночи мороза.
И соловьи всю ночь поютъ изъ теплыхъ гнѣздъ
Въ дурманѣ голубомъ дымящаго навоза,
Въ серебряной пыли туманно-яркихъ звѣздъ.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

«Дай мнѣ звѣзду»—твердитъ ребенокъ сонный,
«Дай, мамочка»... Она, обнявъ его,
Сидитъ съ нимъ на балконѣ, на ступенькахъ,
Ведущихъ въ садъ. А садъ, степной, глухой,
Идетъ, темнѣя, въ сумракъ лѣтней ночи,
По скату къ балкѣ. Въ небѣ, на востокѣ
Краснѣетъ одинокая звѣзда.

«Дай, мамочка»... Она съ улыбкой нѣжной
Беретъ худое личико: «Что, милый?»
«Вонъ ту звѣзду»... «А для чего? Играть?»
«Какая же ты глупая! Конечно»...

Лепечуть листья сада. Тонкимъ свистомъ
Сурки въ степи скликаются. Ребенокъ
Спитъ на колѣнѣхъ матери. И мать,
Обнявъ его, вздохнувъ счастливымъ вздохомъ,

Глядитъ большими грустными глазами
На тихую далекую звѣзду...

Прекрасна ты, душа людская! Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звѣздъ подобна ты порой!

НОВАБРЬСКАЯ НОЧЬ.

Туманъ прозрачный по полямъ
Идетъ навстрѣчу мнѣ,
Луны касаясь по краямъ,
Мелькая въ вышинѣ.
Въ поляхъ не мало бороздъ, ямъ,
Не видныхъ при лунѣ.

Что тамъ? Не рѣчки-ль полоса?
Нѣтъ, это зелена.
Блестить холодная роса
На гривѣ у коня—
И дышутъ ладаномъ лѣса,
Раскрытые до пня.

Сбивался я и молодымъ,
Какъ сбился я теперь,
Да не пугалъ ни лунный дымъ,
Ни часъ ночной, ни звѣрь.
Мнѣ-ль привыкать къ полямъ пустымъ?
Къ тоскѣ разлукъ, потерь?

Но, видно, надо: не привыкъ.
Да и не тѣ года:
Глазамъ мѣшаетъ то башлыкъ,
То темная вода...
— А, можетъ, слезы? Ты, старикъ,
Брось лучше повода!

ХУДОЖНИКЪ.

Хрустя по сѣрой галькѣ, онъ прошелъ
Покатый садъ, взглянулъ по водоемамъ,
Сѣлъ на скамью... За новымъ бѣлымъ домомъ
Хребетъ Яйлы и близокъ, и тяжелъ.

Томясь отъ зноя, грифельный журавль
Стоитъ въ кустѣ. Опущена косица,
Нога—какъ трость... Онъ говоритъ: «Что, птица?
Недурно бы на Волгу, въ Ярославль!»

Онъ, улыбаясь, думаетъ о томъ,
Какъ будутъ выносить его—какъ сизы
На жаркомъ солнцѣ траурныя ризы,
Какъ жель огонь, какъ бѣль на синемъ домъ.

«Съ крыльца съ кадиломъ сходить толстый пощъ,
Выводить хорь... Журавль, пугаясь хора,
Защелкаетъ, взовьется отъ забора—
И ну плясать и стукать клювомъ въ гробъ!»

Въ груди першить. Съ шоссе несется пыль,
Горячая, особенно сухая.
Онъ снялъ пенсне и думаетъ, перхая:
«Да-съ, водевиль... Все прочее есть гиль».

МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА.

Опять знакомый домъ...

Огаревъ.

Могильная плита, желѣзная доска,
Въ густой травѣ врастающая въ землю—
И мнѣ ея печаль понятна и близка,
И я роднымъ преданьямъ внемлю.
И я люблю людей, которыхъ больше нѣтъ,
Любовью всепрощающей, сыновней.
Послѣдній ихъ побѣгъ, я не забылъ ихъ слѣдъ
Подъ старой, обветшалою часовней.
Я молодымъ себя, въ своемъ простомъ быту,
На бѣдномъ ихъ погостѣ вспоминаю.
Послѣдній ихъ побѣгъ, подъ эту же плиту
Приду я лечь—и тихо лягу, съ краю.

НОЧНЫЯ ОБЛАКА.

Океанъ подъ ясною луной,
Теплой и высокой, блѣднолицей,
Льется гладкой, медленной волной,
Озаряясь жаркою зарницей.

Всходятъ горы облачныхъ громадъ:
Гавріиль, кадя небеснымъ Сидамъ,
Въ темномъ ояміамъ царскихъ вратъ
Блещетъ огнедышащимъ кадиломъ.

ДАЛЬНЯЯ ГРОЗА.

Мелькают дали, черныя, слѣпыя,
Мелькаеть океана мертвый ликъ:
Богъ разверзаетъ бездны голубыя,
Но лишь на краткій мигъ.

«Да будетъ свѣтъ!» Но свѣтъ угасъ—и сонный,
Тяжелый гуль растеть вослѣдъ за нимъ:
Богъ, въ довременный хаосъ погруженный,
Мракъ потрясаетъ ропотомъ своимъ.

НА КАМНЯХЪ.

Теплой ночью, горною тропинкой,
Я иду въ оливковомъ лѣсу.
Вижу въ небѣ бѣлый ясный мѣсяцъ
И домой сырую сѣть несу.

Свѣтъ и тѣнь по мнѣ проходятъ сѣтью.
Рѣдкій лѣсъ похожъ на сѣрый садъ.
За Коринѳомъ, надъ горой высокой
Двѣ звѣзды полночныя лежать.

На камняхъ живемъ мы; ясный мѣсяцъ—
Противъ бѣлой мазанки моей,
И всю ночь хрустальными ручьями
Звонъ цикады журчить среди камней.

МАТРОСЪ.

Ночью въ морѣ крѣпко спать хотѣлось:
Измотало зыбью нашу барку,
На носу—угодника Николу,
На кормѣ—малиновый фонарикъ.

А пришли къ Патрасу—разсвѣтаетъ,
Море заштилъло, зеленѣетъ,
На востокѣ, свѣтломъ, апельсинномъ,
Розовѣютъ снѣговья горы.

У кого есть деньги, тотъ въ кофейнѣ,
Пьетъ мастику или чай съ лимономъ—
Э, успѣю выспаться! Скорѣе
Дай мнѣ сыру и вина покрѣпче!

Сладко ослабѣю, сытый, пьяный,
Забурлю кальяномъ, а хозяинъ
Будетъ усмѣхаться—и отъ смѣха
Носъ его короткій станетъ клювомъ.

МОНАСТЫРИ.

Монастыри въ предгоріяхъ глухихъ,
Наслѣдіе разбойниковъ морскихъ,
Обители забытыя, пустыя—
Моя душа жила когда-то въ нихъ:
Люблю, люблю васъ, келіи простыя,
Дворы въ стѣнахъ тяжелыхъ и нагихъ,
Валы и рвы, отъ плѣсени сѣдые,
Подъ башнями кустарники густые
И глыбы скользкихъ пепельныхъ камней,
Загромоздившихъ скаты побережій,
Гдѣ сквозь маслины кажется синѣй
Вода у скалъ, гдѣ крѣпко треплетъ свѣжій
Соленый вѣтеръ листьями маслинъ
И на вѣтру благоухаетъ тминъ!

ПОСЛѢ ОБѢДА.

Сквозь рѣдкій садъ шумитъ въ туманѣ море—
И тянетъ влажнымъ холодомъ въ окно.
Сирена на туманномъ косогорѣ
Мычить и мрачно, и темно.

Лишь гимназистка съ толстыми косами
Одна не спитъ,—одна живетъ инымъ,
Хватая жадно синими глазами
Страницу за страницей «Дымъ».

ПОТОМКИ ПРОРОКА.

Не мало царствъ, не мало странъ на свѣтѣ:
Мы любимъ тростниковые ковры,
Мы ходимъ не въ кофейни, а въ мечети—
На солнечные тихіе дворы.

Мы не купцы съ базара. Мы не рады,
Когда вступаетъ пыльный караванъ
Въ святой Дамаскъ, въ его сады, ограды:
Намъ не нужны подачки англичанъ.

Мы терпимъ ихъ. Но ни одежды бѣлой,
Ни бѣлыхъ шлемовъ видѣть не хотимъ.
Написано: чужому зла не дѣлай.
Но и очей не поднимай предъ нимъ.

Скажи привѣтъ, но помни: ты—въ зелепомъ.
Когда придутъ, гляди на кипарисъ,
Гляди въ лазурь. Не будь хамелеономъ,
Что по стѣнѣ мелькаетъ вверхъ и внизъ.

ВЪ СКУТАРИ.

Шипить и не встаетъ верблюды,
Ревутъ, урчатъ бока скотины.
— Ударь ногой. Уже поютъ
Въ разсвѣтъ аломъ муэззины.

Стамбуль жемчужно-сѣръ вдали,
Отъ дыма сизо на Босфорѣ,
Въ дыму выходятъ корабли
Въ сѣдое Мраморное море.

Дымъ смѣшанъ съ холодомъ воды,
Онъ пахнетъ медомъ и ванилью
И вами, бѣлые сады,
И князюкомъ, и росной пылью.

Выносить красный самоваръ
Грекъ изъ кофейни подъ каштаномъ,
Барановъ гонять на базаръ,
Проснулись нищѣ за ханомъ...

Пора идти, глядѣть весь день
На зной и блескъ, и все къ востоку,
Гдѣ только птицъ косая тѣнь
Бѣжить по выжженному дроку.

УГОЛЬ.

Моголь Тимурь принесъ малюткѣ-сыну
Огнемъ горящій уголь и рубинь.
Онъ мудрый былъ: не къ камню, не къ рубину
Въ восторгѣ дѣтскомъ кинулся Иминь.

Моголь сказалъ: «Кричи и знай, что пленка
Уже легла на меркнущій огонь».
Но Богъ мудрей: Богъ пожалѣлъ ребенка—
Онъ самъ подулъ на дѣтскую ладонь.

СУДНЫЙ ДЕНЬ.

Въ щитъ золотой, висящій у Престола,
Копьемъ ударить ангель Израфилъ—
И саранчей вдоль сумрачнаго дола
Мы потечемъ изъ треснувшихъ могиль.

Щитъ загудеть—и Ты возстанешь, Боже,
И тѣнь Твоя падеть на судный доль:
И будетъ твердь подобна красной кожѣ,
Повергнутой кожевникомъ въ разсолъ.

ЗАВѢТЬ СААДИ.

Будь щедрымъ какъ пальма. А если не можешь, то будь
Стволомъ кипариса, прямымъ и простымъ—благороднымъ.

М А Т Б.

На пути изъ Назарета
Встрѣтилъ я Святую Дѣву.
Каменистая синѣла
Самарія вокругъ меня,

Каменистая долина
Съ юга шла — и по долинѣ
Семенялъ ушастый осликъ
Межъ колосьевъ ячменя.

Тотъ, кто гналъ его, былъ въ пыльномъ
И заплатанномъ кунбазѣ,
Старъ, съ блестящими глазами,
Сиво-черень и курчавъ.

Онъ, босой и легконогій,
За хвостомъ его поджатымъ
Гнался съ палкою, виляя
Отъ колючекъ сорныхъ травъ.

А на немъ, на этомъ дробномъ,
Убѣгавшемъ мелкой рысью
Сѣромъ ослинкѣ, сидѣла
Мать съ ребенкомъ на рукахъ:

Какъ спокойно поднялися
Аравійскія рѣсницы
Надъ глубокимъ теплымъ мракомъ,
Что сіялъ въ ея очахъ!

Лѣтъ пятнадцать... Ожерелье
Изъ серебряныхъ монетокъ...
На вискахъ татуировка...
Легкій кубовый покровъ,

Ниспадающій на плечи...
Загорѣлая, босая...
Ты ли это, Матерь Бога
И Владычица міровъ?

Поклонялся я, Марія,
Красотѣ Твоей небесной
Въ странахъ франковъ, въ ихъ капеллахъ,
Полныхъ золота, огней,

Въ полумракѣ величавомъ
Древнихъ рыцарскихъ соборовъ,
Въ полумглѣ стоцвѣтныхъ оконъ
Сакристій и алтарей.

Тамъ, подъ плитами, почіютъ
Короли, святые, папы,—
Имена ихъ полустерты
И въ забвеніи дѣла.

Тамъ Твой Сынъ, главой поникшій,
Темный ликомъ, въ мукахъ крестныхъ.
Ты же—въ юности нетлѣнной:
Ты, и скорбная, свѣтла.

Золотой вѣнецъ и ризы
Бѣлоснѣжныя—я всюду
Ихъ встрѣчалъ съ восторгомъ тайнымъ:
При дорогахъ, на поляхъ,

Надъ бурунами морскими,
Въ шумѣ волнъ и крикахъ чаекъ,
Въ темныхъ каменныхъ пещерахъ
И на старыхъ корабляхъ.

Корабли во мракѣ, въ буряхъ
Лишь Тобой одной хранимы.
Ты—Звѣзда морей: со скрипомъ
Зарываясь въ пѣнѣ ихъ

И огни свои качая,
Мачты стойко держать парусъ,
Ибо кормчему незримо
Свѣтитъ свѣтъ очей Твоихъ.

Надъ безуміемъ буруновъ
Въ ясный день, въ дыму приболъ
Ты цвѣтешъ цвѣтами радугъ.
Ночью, въ черныхъ пастяхъ горь,

Озаренная лампадой,
Ты какъ лилія бѣлѣешь,
Благодатно и смиренно
Преклонивъ на четки взоръ.

И къ стопамъ Твоимъ пречистымъ,
На алтарь Твой въ бѣдной нишѣ
При дорогахъ межъ садами,
Всякъ свой даръ, приносимъ мы:

Сирота-служанка—ленту,
Обрученная—свой перстень,
Мать—свои святые слезы,
Запоньяръ—свои псалмы.

Человѣчество не помнить,
Какъ творить оно легенды,
Какъ имъ спѣта Пѣсня Пѣсней—
Отчего возведена

На престолы горней славы,
Красоты неизреченной
Позабитая, простая
Галилейская жена.

Человѣчество, вѣпча
Властью божеской тирановъ,
Обагривъ руки кровью
Въ жаждѣ злата и раба,

И само еще не знаетъ,
Что оно много жаждетъ,
Что еще разъ къ Назарету
Приведетъ его судьба.

Содрогался я отъ счастья
У святыхъ его преддверій:
О, Марія, сладко сердцу
Вспоминать и поминать,

Что, блуждая, всѣ мы ищемъ
Преклониться предъ любовью,
Галилейской нищетою
И сладчайшимъ словомъ: Мать.

Это Мать послала Сына:
— Дай имъ миръ и радость въ мирѣ.
Встань, иди. Скажи, какъ нѣжно
Я люблю свое дитя,

Какъ усталъ, какъ добръ Иосифъ,
Какъ онъ ноющей, дрожащей
Оттираетъ потъ рукою,
Улыбаясь и шутя.

— Расскажи о Назаретѣ,
О простомъ и бѣдномъ бытѣ,
О колодецѣ, гдѣ я мыла
Твой заплатаанный хитонъ,

И о томъ, что, если будешь
Ты хотя владыкой міра,
Багряницы и виссопа
Будетъ мнѣ дороже онъ.

З А В Ъ С А .

Такъ говоритъ Господь: «Когда, Мой рабъ любимый,
Читаешь ты Коранъ среди враговъ моихъ,
Я раздѣляю васъ завѣсою незримой,
Зане смѣшенъ врагамъ Мой сладковзвучный стихъ».

И сокровенныхъ чувствъ, и думъ, и пѣсень много
Отъ васъ я утаилъ: никто моихъ путей,
Никто моей души не знаетъ, кромѣ Бога.
Онъ Самъ насъ раздѣлилъ завѣсою своей.

З О В Ъ.

Какъ старымъ морякамъ, живущимъ на покоѣ.
Все снится по ночамъ пространство голубое
И сѣти зыбкихъ вантъ,—какъ вѣрять моряки,
Что ихъ моря зовутъ въ часы ночной тоски,
Такъ кличутъ и меня мои воспоминанья:
На новые пути, на новые скитанья
Велятъ они вставать—въ тѣ страны, въ тѣ моря,
Гдѣ только бы тогда я кинулъ якоря,
Когда бъ завѣтную увидѣлъ Атлантиду:
Въ родныя гавани во вѣки я не вниду,
Но знаю, что и миѣ, въ предсмертныхъ снахъ моихъ,
Все будетъ снится сѣть канатовъ смоляныхъ
Надъ бездной голубой, надъ зыбью океана:
Да чутко встану я на голосъ Капитана!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Іоаннъ Рыдалецъ	3
Худая трава	10
Псальма	43
Вѣра	53
Весна	63
Преступленіе	72
Князь во князьяхъ	89
Послѣдній день	103
Сказка	111
Будни	119
Хорошихъ кровей	131
Личарда	139
Забота	149
Безъ заглавія	155
Крикъ	159
Въ Красномъ морѣ	167
Геннисареть	176
Смерть	183
Я все молчу	193
Стихи	209—260

„Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ“.

Москва, Никитскій бульв., д. 10, кв. 5. | Телеф. 4-28 06.

Литературно-художественный сборникъ

„С Л О В О“.

Содержаніе: **В. Вересаевъ.** Аполлонъ, богъ живой жизни.
Ив. Шмелевъ. Розстани. Изъ Рабиндраната Тагора. Перев.
съ англ. съ пред. Діонео. **Гр. Ал. Н. Толстой.** Овражки.
Б. Зайцевъ. Студентъ Бенедиктовъ. **Н. Телешовъ.** Ночлеги.
Ив. Бунинъ. При дорогѣ. Ц. 1 р. 50 к.

-
- Л. Авилова.** Образъ человѣческой. Разказы. М. 1913 г.
Ц. 1 р. 25 к.
Ив. Бунинъ. Іоаннъ Рыдалецъ. Разказы. 1912—1913 гг.
Ц. 1 р. 50 к.
— Суходоль. Повѣсти и разказы 1911—1912 гг., изд. 2-ое.
Ц. 1 р. 25 к.
— Переваль. Разказы 1892—1902 гг., изд. 5-ое. Ц. 1 р. 50 к.
— Дервня. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
— Разказы и стихотворенія. 1907—1910 гг., изд. 2-ое.
Ц. 1 р. 50 к.
— Стихотворенія 1903—1906 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.
М. Горькій. «Сказки». М. 1913 г. Ц. 85 к.
С. Елпатьевскій. Крымскіе очерки. Съ иллюстр. М. 1913 г.
Ц. 1 р. 25 к.
Коцюбинскій, М. Разказы. Т. III. Перев. съ украинскаго.

Ф. Волховского и М. Могилянскаго. М. 1913 г.
Ц. 1 р. 25 к.

В. Львовъ-Рогачевскій. Снова наканунѣ. Критич. статьи
(Ив. Бунинъ, М. Горькій, М. Арцыбашевъ,
Л. Андреевъ и др.). Ц. 1 р. 25 к.

Иванъ Новиковъ. Разказы 1905—1912 гг. Ц. 1 р. 25 к.

А. Серафимовичъ. Разказы. Т. V. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Сочиненія:

- Т. I. Разказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. II. Разказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. III. Поручикъ Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
- Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. V. Движенія. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. VI. Медвѣженокъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др.
Ц. 1 р. 25 к.

Н. Телешовъ. Разказы, т. I. Ц. 1 р.

- Разказы, т. II. Ц. 1 р.
- Разказы, т. III. (готовится къ печати).

Гр. Ал. Н. Толстой. Сочиненія:

- Т. I. Повѣсти и разказы. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. II. Повѣсти и разказы. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. III. По пути. Разказы. Ц. 1 р.
- Т. IV. Сказки. Ц. 1 р. (печатаются).
- Т. V. Двѣ жизни. Ром. Ц. 1 р. 25 к. (печатаются).

Чеховъ, А. П. Письма. Т. I (1876—1887 гг.). Съ иллюстрац.
Ц. 1 р. 50 к., изд. 2-ое. (печатаются).

— Письма. Т. II (1888—1889 гг.). Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

— Письма. Т. III (1890—1891 гг.). Съ иллюстр. Ц. 1 р. 25 к.

— Письма. Т. IV (1892—1894 гг.). Съ иллюстр. (печатаются).

А. Черемновъ. Стихотворенія. М. 1913 г. Ц. 1 р.

Ив. Шмелевъ. Разказы. Т. II. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Разказы. Т. III (Человѣкъ изъ ресторана. Патока.)
М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Разказы. Т. IV. (Стѣна. Пугливая тишина. Поденка
Ненастье). М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГИ, НАХОДЯЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ

„Книгоиздательства Писателей въ Москвѣ“.

В. Вересаевъ. Разказы. Т. I, II, III, V по 1 р.

— Записки врача (т. IV). Ц. 1 р.

— На войнѣ. Записки. Ц. 1 р. 25 к.

— Живая жизнь. Т. I. (о Л. Толстомъ и Достоевскомъ).
Ц. 1 р. 25 к.

— Живая жизнь. Т. II. (Аполлонъ и Діонисъ) (подгот.
къ печати).

С. Елпатовскій. Разказы. Т. I. Ц. 1 р.

— Разказы. Т. II и III (печатаются нов. изданіемъ).

— За границей (т. IV). Ц. 1 р. 25 к.

— Египетъ, изд. 2-ое. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р.

— Близкія тѣни. (Воспоминанія о Н. Михайловскомъ,
Н. Гарибъ, А. Чеховъ и Г. Успенскомъ.) Ц. 75 к.

Книги для народно-школьныхъ библиотекъ.

Ив. Бунинъ. Избранные стихи (для юношества). М. 1909 г.
Ц. 1 р.

Учен. Ком. Мин. Н. Пр. одобрена для библиот. средн. учебн. завед.

С. Дрожжинъ. Пѣсни стараго пахаря (1906—1912 гг.). Съ пор-
третомъ автора и статьей А. А. Коринскаго.
М. 1913 г. Ц. 1 р.

Учен. Ком. Мин. Н. Пр. допущена въ бесплатн. народн. библиот.
и читальни.

Н. Златовратскій. Избранные разказы для юныхъ читателей.
Съ портретомъ автора. Изд. 2-ое. Ц. 80 к.,
въ папкѣ 1 р.

Учен. Ком. Мин. Н. Пр. допущена въ ученич. библиот., средн. и город.
училищъ, въ бесплатн. народн. библиот. и читальни.

Цѣна 1 р. 50 к.